

лжепророк египта
ЭХНАТОН

НИКОЛАС ДИВЗ

NICHOLAS REEVES

AKHENATEN EGYPT'S FALSE PROPHET

WITH 141 ILLUSTRATIONS, 23 IN COLOR

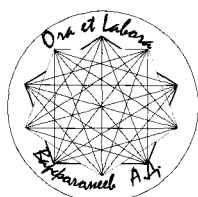
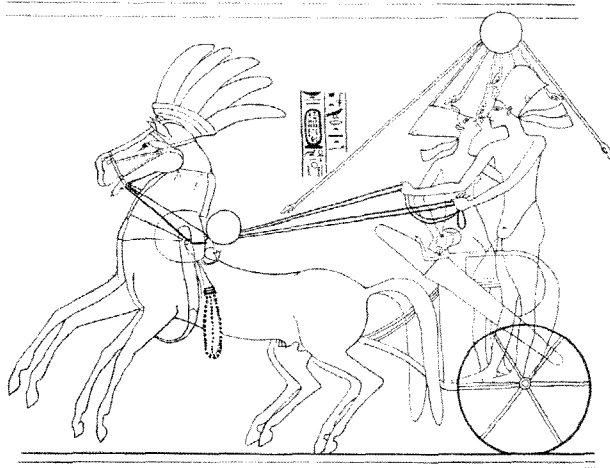
Thames & Hudson

Николас Ривз

ЭХНАТОН

ЛЖЕПРОРОК ЕГИПТА

под научной редакцией президента
Ассоциации по изучению Древнего Египта
Виктора Солкина

МОСКВА 2014

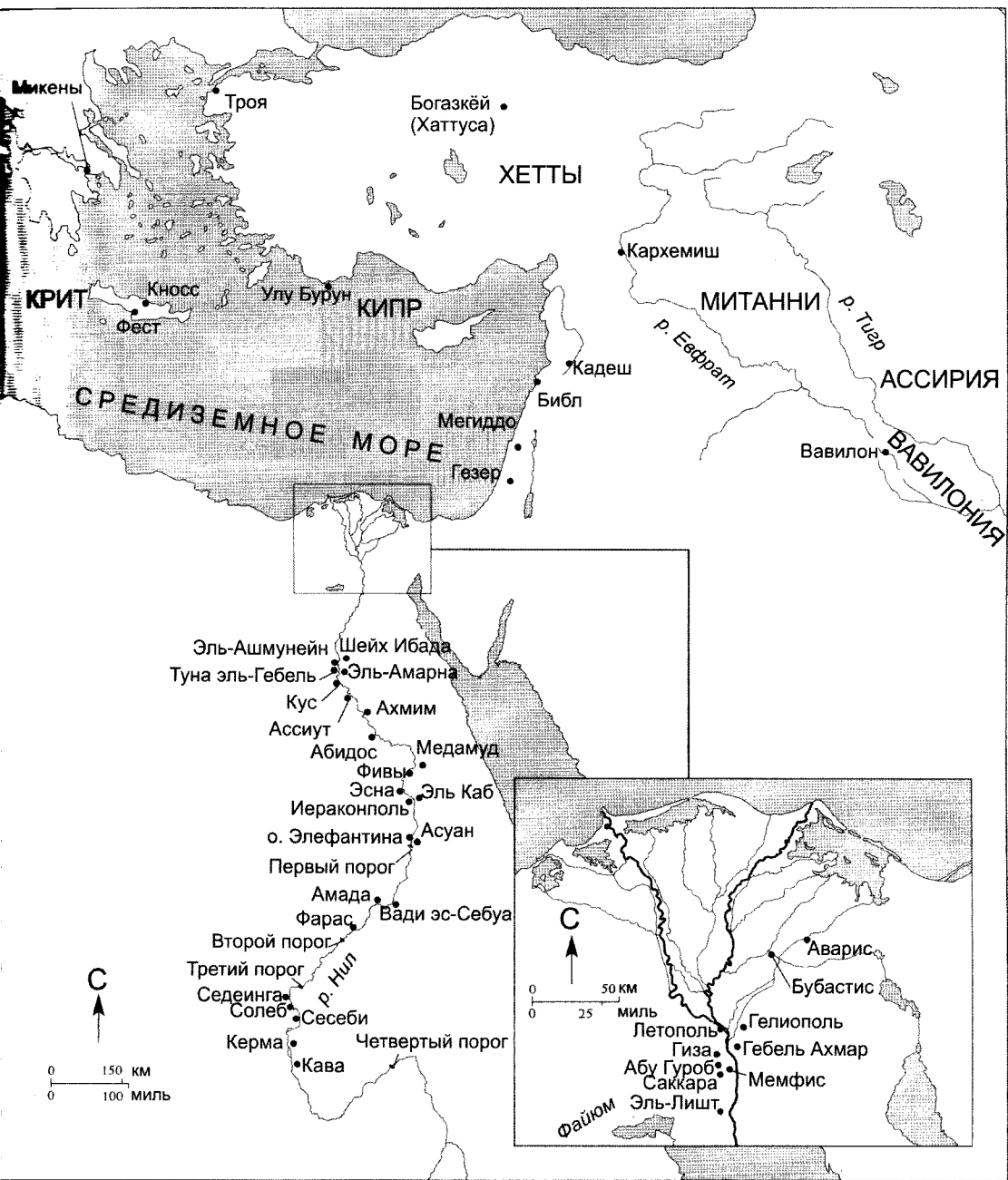
СОДЕРЖАНИЕ

Хронология	6
Предисловие	8
Пролог	10
Глава первая. Находка	12
Глава вторая. Жреческие амбиции	28
Глава третья. Цари-солнцепоклонники	42
Глава четвертая. Революция	76
Глава пятая. Переезд в эль-Амарну	104
Глава шестая. Утопия	116
Глава седьмая. Религия, искусство и террор	144
Глава восьмая. Женщины царя	162
Глава девятая. Реставрация и забвение	186
Эпилог	200
Послесловие	202
Благодарности	213
Предметно-именной указатель	215

ХРОНОЛОГИЯ

Поздний Додинастический период	Ок. 3100 г. до н.э.
Ранний Династический период. I—III династии	2920—2575 гг. до н.э.
Древнее (Старое) царство. IV—VIII династии	2575—2134 гг. до н.э.
I Переходный период. IX—XI династии	2134—2040 гг. до н.э.
Среднее царство. XI—XIV династии	2040—1640 гг. до н.э.
II Переходный период. XV—XVII династии	1640—1532 гг. до н.э.
Новое царство	
XVIII династия	1550—1307 гг. до н.э.
Яхмес I	
Аменхотеп I	
Тутмос I	
Тутмос II	
Тутмос III	
Хатшепсут	
Аменхотеп II	
Тутмос IV	
Аменхотеп III	
Аменхотеп IV-Эхнатон	1353—1335 гг. до н.э.
Сменхкара	
Тутанхамон	
Эйе	
Хоремхеб	
XIX династия, включая:	1307—1196 гг. до н.э.
Рамсес I	
Сети I	
Рамсес II	
XX династия	1196—1070 гг. до н.э.
III Переходный период. XXI—XXV династии	1070—712 гг. до н.э.
Поздний период, XXV династия — II Персидское нашествие	712—332 гг. до н.э.
Греко-римский период	332 г. до н.э. —
Династия Птолемеев — Римские императоры	395 г. н.э.

Данные общепринятой хронологии приведены по изданию:
Baines J., Málek J. Atlas of Ancient Egypt. — Oxford, 1980, pp. 36—37.

Карта Египта и Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ

«... когда мы произносим имя Эхнатон, из темноты проступают очертания фигуры — более четкие, чем у любого другого фараона... Лишь в этом случае мы можем понять мышление царя Египта и увидеть некоторые из его творений...»

Артур Вейгалл

Сцена, на которой разворачиваются события этой книги — Египет и руины города, основанного и разрушенного более трех тысяч лет назад, за полтора тысячелетия до Христа и примерно за двадцать веков до пророка Мухаммеда. Имя, данное этому городу в древности, было Ахетатон, «Горизонт Атона»; сейчас это место больше известно как эль-Амарна, и оно почти единственный источник, из которого мы почерпнули сведения о самом загадочном царе Египта.

Этого царя звали Аменхотеп IV, но в современном мире он больше известен под своим более поздним именем — Эхнатон. В бесконечной веренице египетских правителей-фараонов Эхнатон стоит особняком. Он выглядит другим: его многочисленные странные изображения — удлиненные и изнеженные — полностью противоречат традиционному египетскому образу правителя-героя. И похоже, что действия его также отличались: больше всего он известен благодаря уничтожению традиционного египетского пантеона и утверждению единого бога — Атона, солнечного диска.

Царевич Аменхотеп, младший сын фараона XVIII династии Аменхотепа III и его супруги Тейе¹, стал наследником после внезапной кончины старшего брата. Женившись в раннем возрасте на красавице Нефертити, новый царь стал отцом шести дочерей². Его единственным выжившим сыном был, вероятно, Тутанхамон, рожденный второй женой по имени Кийя. Эта загадочная женщина исчезает вскоре после рождения сына, а затем исчезает и

¹ Древнеегипетские имена собственные, топонимы и религиозные категории даны в форме, принятой в современной российской египтологии. — *Прим. ред.* (Здесь и далее примечания научного редактора — Виктор Солкин, примечания переводчика — ассистент переводчика Иван Тимофеев; остальные примечания принадлежат автору книги).

² Первые шесть дочерей родила Эхнатону Нефертити. Однако известны и его дочери от других женщин. Старшая дочь царя — Меритатон — родила ему принцессу Меритатон-Ташерит; третья дочь Эхнатона и Нефертити — Анхесенпаатон — стала матерью принцессы Анхесенпаатон-Ташерит. Наконец, продолжается дискуссия и о существовании Кийя-Ташерит, которую, судя по всему, родила Эхнатону его второстепенная супруга. Все эти поздние дочери царя засвидетельствованы на рельефах зданий из Ахетатона, блоки которых — т.н. «талататы» — позже были использованы при сооружении храма Тота в Гермополе. См. Hari R. Repertoire Onomastique Amarnien. Aegyptiaca Helvetica 4. Geneva, 1976. — *Прим. ред.*

Нефертити — в тот самый момент, когда Эхнатон делает своим соправителем странного Нефернеферуатон/Сменхкара. Этого соправителя сменил на троне Тутанхамон, затем правил «отец бога» Эйе, после чего амарнский период завершается. Хотя эта эпоха и началась достаточно успешно, очень скоро наступило время деградации, хаоса и всеобщих гонений на религию; по стране прокатилась волна бессмысленных разрушений, и настал практически полный экономический коллапс. За то, что совершил Эхнатон, ему не могло быть прощения: с безжалостностью, не имеющей аналогов в истории Египта, Амарна — одновременно город и идея — была разрушена до основания, а все следы существования фараона систематически уничтожались.

Каким же человеком был «первый пророк» Атона? Благодаря своим религиозным реформам, Эхнатон долгое время считался близким современному, преимущественно монотеистическому миру; а то, что преобразования фараона потерпели полный крах, лишь подтверждало его образ как раннего защитника религиозной правды, власти добра. Такое представление, почти сто лет назад возникшее благодаря Джеймсу Генри Брестеду и Артуру Вейгаллу и охотно подхваченное богословами и общественным мнением, без сомнения, ложно и в настоящий момент уступает место еще более мрачным картинам. Очевидно, что Эхнатон не был настоящим пророком, действовавшим в основном исходя из своих собственных политических интересов.

Один из ранних критиков историографии амарнского периода, американский антрополог Лесли Уайт, мрачно замечал в статье, опубликованной в 1948 году: «Только если известно так мало, можно написать так много... Отсутствие фактов дает волю воображению»¹. Было бы неверно утверждать, что я сам не прибегал к воображению при написании этой работы; конечно же, прибегал. Но я уверен, что мои догадки подтверждаются критическим анализом доступных источников и уравновешены замечаниями об историческом прецеденте и обзором других версий. Настоящая проблема в исследовании Амарны — не столько недостаток достоверных свидетельств, сколько переизбыток спекуляций, ложно представляемых как факты. Читатели должны решить для себя, получилось ли у меня отделить зерна от плевел, и насколько убедителен результат.

Закончить это предисловие я хочу цитатой из Джона Пендлбери, написавшего книгу об эль-Амарне в 1935 году:

«Чисто теоретически... мне кажется, что мы должны принимать факты такими, какими мы их знаем в настоящий момент. А они основаны главным образом на результатах раскопок, причем даже поврежденное кольцо-печатка может стать свидетельством первостепенной важности. Они могут быть изменены или даже полностью опровергнуты последующими изысканиями...»²

Так что если созданная мной картина заметно отличается от созданной Пендлбери и другими, правда от этого не изменится.

Николас Ривз

¹ White L.A. Journal of the American Oriental Society 68 (1948), p.109.

² Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. xvi.

ПРОЛОГ

Большое открытое пространство с засыпанным песком руинами на восточном берегу египетской реки Нил, неподалеку от современной деревни эль-Тилль, 1887 год. Безжалостное солнце властвует на чистом темно-синем небе; под его лучами крестьянка усердно долбит *себах* — обветшавший сырцовый кирпич, полный фосфатов, которые используются в качестве удобрения. Ее взгляд постоянно напряжен. Она не новичок в поиске *антика* (древностей), удачная находка может быть продана какому-нибудь странствующему торговцу из Луксора или Каира, расположенных примерно в 320 км южнее и севернее. Тем не менее, она испугалась, когда ее *туриа* (мотыга) наткнулась на что-то твердое. Камень? Нет! В земле виднелись очертания деревянного ящика.

У женщины участился пульс, когда она представила себе зарытые сокровища, подарок Бога, который мог бы стать существенной прибавкой к ее крайне скудным доходам. Увлеченно копаясь в земле, она натывается на любопытные глиняные таблички, поверхность которых покрыта странными знаками. Она в замешательстве, она явно разочарована: ищет дальше и находит еще одну табличку, и еще, и ее разочарование все сильнее. Тьфу! Дрянь какая! Почему не золото? Золото может избавить ее от бесконечной тяжелой работы. Вдох. *Маалеш* (Пустяки)!

Отчаявшись найти что-то еще, женщина собирает кучку табличек, складывает их в мешок и небрежно кидает в одну из корзин, погруженных на осла. Она снова принимается копать, а затем, в конце очередного изнурительного дня, направляется домой. Нежданные находки в мешке ломаются и крошатся друг о друга, женщина бросает на них разочарованный взгляд. Дрянь какая! Тьфу! Почему не золото...?

Надежды и ожидания крестьянки XIX века, по странному совпадению, созвучны письму, которое читали царю Египта, под тем же самым безжалостно палящим солнцем примерно три с половиной тысячи лет назад:

«Пусть мой брат пришлет золото в очень большом количестве, пусть без меры будет то, что мой брат пришлет... В стране моего брата золото так же обильно, как пыль. Да не ввергнет меня в нищету мой брат...»¹

Автором этих строк был Тушратта, царь Митанни — могущественного государства, расположенного между сирийскими реками Балих и Хабур, главного конкурента Египта в борьбе за влияние на древнем Ближнем Востоке. По случайности, письмо Тушратты оказалось на одной из первых глиняных табличек, найденных нашей разочарованной копательницей *себаха*.

Примерно 300 «никчемных» табличек, которые крестьянка и ее соплеменники в конечном счете откопали, были впоследствии — причем с радостью — проданы за жалкие 10 пиастров, т.е. несколько пенсов. Поначалу скептики называли их явной фальшивкой, однако очень скоро таблички были признаны одной из величайших археологических находок Египта: это был уникальный дипломатический архив XIV века до н.э., написанный аккадской клинописью, языком международного общения тех времен². Авторами и адресатами писем являлись правители и ключевые фигуры древнего мира. Ничего подобного этому архиву в Египте никогда ранее не находили, и очень мало находили впоследствии. В среде историков и филологов письма произвели сенсацию; а у археологов они вызвали новый и по сей день не утихающий интерес к тому месту, где они были найдены — к руинам эль-Амарны, города проклятого фараона Эхнатона и его жены Нефертити, родины малолетнего царя Тутанхамона.

¹ Амарнское письмо EA 19. Здесь и далее нумерация амарнских табличек приводится по изданию: Moran W.L. The Amarna Letters. Baltimore, 1992. — *Прим. пер.* Перевод И.А. Стучевского. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987, с. 68. — *Прим. ред.*

² Несколько табличек, к счастью, удалось купить и выдающемуся русскому египтологу В.С. Голенищеву. Сегодня они хранятся в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. — *Прим. ред.*

Немецкие раскопки в эль-Амарне, 1914 год

НАХОДКА

«... несколько крупинок чистого золотого песка скользнули по моим пальцам. Египетский песок. Я держала в руке предмет, к которому едва ли кто прикасался с того момента, когда много лет назад он был найден в Египте, предмет, возможно, все еще хранивший отпечатки пальцев не только нашедшего, но и создавшего его человека... Телль эль-Амарна — это название ассоциировалось у меня с грудой руин где-то на восточном берегу Нила, где жил когда-то Тутанхамон и... ну да, конечно, в отношении ее я уверена... Нефертити со своим странным супругом фараоном Аменхотепом IV, имевшем второе такое необычное имя — Эхнатон»¹. *Мэри Чабб*

От Сикара до Лепсиуса

Название «эль-Амарна» возникло менее трехсот лет назад, в XVIII веке, благодаря племени низкорослых бедуинов, известному как Бени Амран. Здесь, на берегу великого Нила, на безлюдной Среднеегипетской равнине, окруженной отвесными скалами с севера, юга и запада, бедуины поселились и основали цепочку из четырех деревень — эль-Тилль, эль-Хагг Кандиль, эль-Амарийя и эль-Хауата. Имя первой деревни соединилось с названием племени, и получилась «эль-Тилль эль-Амарна», позднее преобразовавшаяся в «Телль эль-Амарну». В наше время это название сокращают до более понятного «эль-Амарна».

В наши дни эль-Амарна — один из самых значимых древних городов мира: для археологии — потому что это одно из немногих больших египетских поселений, сохранившихся в неизменном виде с династических времен²; а для истории — потому что этот город послужил сценой, на которой разворачивалась драма фараона-«еретика» Эхнатона и его прекрасной жены Нефертити. Также, возможно, здесь родился знаменитый египетский царевич Тутанхатон, более известный в наши дни по поздней форме своего имени — Тутанхамон. Здесь маленький царь смеялся и играл во время нескончаемого лета своего невинного детства; здесь, на тенистых берегах Нила, он «срезал собственной рукой» обыкновенный тростник, который был впоследствии обрамлен золотом и положен вместе с ним в гробницу.

¹ Цит. по Чабб М. Здесь жила Нефертити. Пер. Н.Г. Коваленской. М., 1961, с. 20. — *Прим. пер.*

² Т.е. со времен царских династий, на которые принято разделять историю Древнего Египта. — *Прим. ред.*

Эль-Амарна: вид на северо-восток от пограничной стелы К, расположенной в скалах среди засушливой пустыни. Неровная поверхность песка скрывает под собой захоронения частных лиц более позднего, римского периода. В отдалении — река Нил и зеленеющие сельскохозяйственные угодья.

В течение многих лет руины эль-Амарны лежали совершенно забытые — причиной этого в значительной степени явилась «дьявольская репутация» местных жителей, чья привычка сначала стрелять, а затем здороваться, долго удерживала любопытных от интереса к этим землям. Один из первых намеков на существование затерянного города был обнаружен путешественником-иезуитом Клодом Сикаром. В 1714 году возле поселения под названием Туна эль-Гебель на противоположном берегу реки он первым заметил одну из массивных пограничных стел, вырубленных для обозначения внешних границ эль-Амарны (в наши дни она известна как стела А). Однако первыми западными людьми, которые наткнулись на сам город, были участники экспедиции Наполеона Бонапарта 1798—1799 гг.

Основной целью высадки французов в Египте был контроль над новым путем в Индию через Суэцкий перешеек. Однако — как и во всех рискованных затеях Франции — культурная составляющая играла здесь важную роль, поэтому в состав экспедиционного корпуса Бонапарта были включены 139 ученых, чьей задачей было изучать и описывать страну как в историческом, так и в современном аспекте. Защищенные от нежелательного внимания буйных туземцев серьезным военным сопровождением, французские *savants*¹ отметили почти все достопримечательности Египта — в том числе и эль-Амарну. Заброшенный город, как нечто новое и ни на что не похожее, произвел на них неизгладимое впечатление. Эдме Жомар в своем обзоре событий писал:

«Я был поражен, когда увидел такое множество руин, ... которые, хотя и расположены на берегу Нила ... не отмечены ни на одной карте. Я горел желанием составить план и зарисовать

¹ Ученые (фр.) — *Прим. ред.*

наиболее сохранившиеся части. К сожалению, большинство конструкций разрушено, и видны лишь фундаменты. Однако по ним все же можно опознать множество кирпичных домов с их основными стенами; широкие ворота и городскую стену; два огромных здания с их планировкой; [и] большую меридиональную дорогу сорока восьмью метрами шириной...»¹

Двести лет назад стало ясно, что мрачные, засыпанные галькой руины эль-Амарны реально существуют. Акры и акры наполовину разрушенных сырцовых кирпичей, все еще искрившихся остатками цветной глазури, осколки синей керамики, кое-где позолоченной. Одно здание, сейчас известное как Малый храм Атона, достигало в высоту более 7 метров, однако в древности, как почти со всех зданий в этом городе, с него была сбита известковая облицовка. Французы, ничего не зная о значимости руин, просто отобразили свой путь на карте и зарисовали все, что увидели, опубликовав результаты в объемном *Description de l'Égypte* — официальном описании этой научной экспедиции. Однако не удивительно, что на фоне массы гораздо более внушительных памятников, представленных любознательной европейской публике, остатки эль-Амарны произвели очень слабое первое впечатление.

Если не принимать в расчет отдельные беспорядочные раскопки в начале XIX века, проводившиеся французским и британским представителями в Египте — Бернардино Дроветти и Генри Солтом, в равной степени ответственными за появление грандиозных коллекций египетских

¹ Jomard E. Description de l'Égypte. Antiquités, Descriptions, II, chapter XVI.

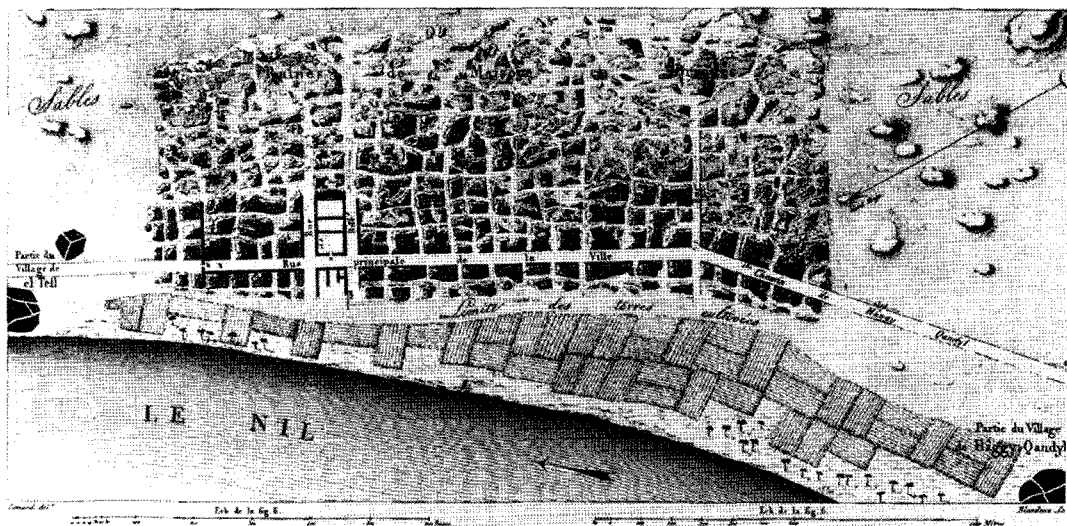

Схема руин эль-Амарны, составленная учеными, принимавшими участие в египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. В левой части явно виден Малый храм Атона, а также, к западу от него (на другой стороне «Царской дороги»), «Зал коронации».

Христианское граффити (обратите внимание на крест над головой молящегося) в гробнице Ху в эль-Амарне — одно из многих неразборчиво изображенных в то время, когда копты населяли этот некрополь.

древностей в музеях Парижа, Турина и Лондона — после визита экспедиции Наполеона прошла целая четверть века, прежде чем было предпринято серьезное изучение эль-Амарны. Английский египтолог Джон Гарднер Уилкинсон был одним из первых, кто посетил руины дважды — в 1824 и (вместе с соотечественником Джеймсом Бертоном) в 1826 гг. Он исследовал город и позднее опубликовал результаты в знаменитом многотомном труде «Нравы и обычаи древних египтян» — книге, которая принесла ему рыцарский титул, а также, что более важно, впервые привлекла к египтологии взоры широких масс.

Из-за близости к каменоломням Хатнуба, древнего месторождения кремового полупрозрачного камня, широко известного как алебастр, Уилкинсон сравнил эль-Амарну с «Алабастроном», описанным римскими авторами. Но он и сам понимал, что никакой связи с античностью здесь не было. В скалах, расположенных на севере этой местности, он обнаружил кладбище фараонов и зарисовал настенные рельефы более чем в половине дюжины гробниц, а также сделал их оттиски на мокрой бумаге. Хотя изображения были сильно повреждены (частично по вине коптско-христианских монахов, проживавших там одно время), результаты работы Уилкинсона привели ученых в серьезное замешательство. Рисунки были сделаны в стиле и манере, никогда ранее не встречавшейся, то есть не были похожи ни на античность, ни на искусство времен фараонов. Невероятно искривленные изображения царя с чуть ли не женской фигурой и его стройной супруги, сопровождаемых в сценах частной жизни столь же странными бананоголовыми детьми, и стоящих под необычным солнцем, тянущим к ним свои лучи. Кем же были эти существа?

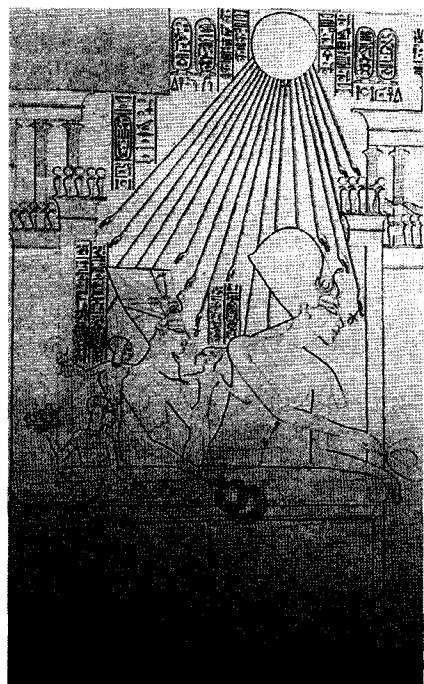
Благодаря расшифровке иероглифического письма Жаном-Франсуа Шампольоном, личность загадочного царя из эль-Амарны вскоре была установлена. В современной транскрипции его имя звучало как Эхнатон, имя его жены было Нефертити, и оба они жили в середине правления XVIII династии, полторы тысячи лет до нашей эры. Тогда как солнечный диск, протягивающий к носам монаршей четы *анх*, т.е. иероглифический знак, обозначающий «жизнь», похоже, был богом. Имя бога было Атон, и расширенная версия божественного имени, заключенная в пару овальных рамок-«картушей», сопровождала его изображения повсюду в каждой гробнице. Особенно странным для Египта было то, что Атон оказался *единственным* упоминавшимся божеством¹: даже вездесущий властитель иного мира Осирис, равно как и его угрюмая свита, в эль-Амарне нигде не встречались.

¹ Автор допускает серьезную неточность. В Амарне достаточно часто упоминались и другие формы солнечного божества, а также первая пара его детей, согласно теологической доктрине Гелиополя, — Шу и Тефнут. — *Прим. ред.*

После экспедиции Уилкинсона интерес ученых принял лавинообразный характер, и новости об «Алабастроне» и «солнцепоклонниках» распространились среди *cognoscenti*. Но вплоть до экспедиции, посланной в сороковых годах XIX века прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV — «самой оснащенной [экспедиции] ... которая когда-либо направлялась в Египет, включавшей профессиональных художников» — никакого обстоятельного документирования эль-Амарны и ее памятников не производилось. Созданные прусской экспедицией гравюры были опубликованы в грандиозном *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*¹ — её официальном отчете, составленном под руководством главы проекта, Карла Рихарда Лепсиуса. За каких-то 12 дней в 1843 и 1845 годах в эль-Амарне было собрано поразительное множество данных. Еще более поразительным было то, насколько точно Лепсиус, один из величайших египтологов того времени, установил по этим находкам ключевые события из истории данного места:

«Изучая памятники этого периода [XVIII династии], мы установили нескольких царей, которые впоследствии не включались в списки правителей, а указывались как безымянные временные цари переходного периода. Среди них следует особо отметить Аменофиса IV, который на протяжении двенадцати [*sic*] лет насыщенных событиями правления пытался провести тотальную реформу светских и религиозных установлений. Он построил царскую столицу в центральном Египте поблизости от современной Телль эль-Амарны, создал новые учреждения и обычаи, и, ни больше ни меньше, стремился уничтожить всю религиозную систему египтян, которая сложилась к тому времени, и установить вместо нее поклонение Солнцу... Разумеется, прежние боги и поклонение им до такой степени подвергались гонениям со стороны этого царя, что он стер все имена богов, за единственным исключением бога-солнца Ра, с каждого сооружения по всей стране, а поскольку его собственное имя, Аменофис, содержало имя Амона, он сменил его на *Bech-en-aten* [Эхнатон], „поклоняющийся солнечному диску“ ...»²

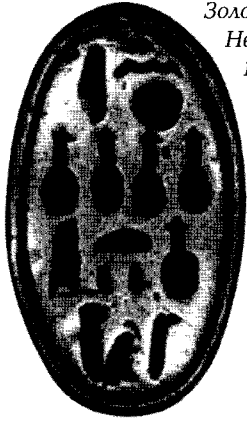
Ученых озадачило утверждение Лепсиуса о том, что имена и изображения царской четы из Амарны столь же методично уничтожались теми, кто правил после них. Реформы Эхнатона, очевидно,

Эхнатон, Нефертити и три их старшие дочери (Меритатон, Макетатон и Анхесеннаатон), раздающие дары из «Окна явлений» в эль-Амарне. Сцена из гробницы «отца бога» Эйе (южные захоронения, гробница № 25). Скопирована художниками экспедиции Лепсиуса.

¹ Описание Египта и Эфиопии (нем.). — *Прим. ред.*

² Lepsius K.R. *Letters from Egypt, Ethiopia, and the Peninsula of Sinai*. London, 1853, p. 27.

Золотое кольцо-печать, на котором выгравировано имя Нефернеферуатон-Нефертити. Найдено вблизи царской гробницы эль-Амарны приблизительно в 1882 году.

не встретили всеобщего одобрения. Как установил Лепсиус, уничтожалась память не только о самом Эхнатоне; его преемники — Сменхкара, Тутанхамон и Эйе — также игнорировались составителями списков царей. Все эти правители имели один главный недостаток: каждый из них в той или иной степени ассоциировался с эль-Амарной и со всем тем, ради чего этот город был построен. И они сполна заплатили за это.

Находка царской гробницы

Хотя заброшенный город Эхнатона мог рассказать много интересного о тех событиях, — из которых Лепсиус установил не просто основной костяк, а гораздо больше, — никакого дальнейшего изучения не предпринималось в течение нескольких десятилетий. В работе французской экспедиции 1880-х годов интерес представляет лишь заголовок отчета о первом периоде работ: *Deux jours de fouilles à Tell el Amarna* [«Два дня раскопок в Телль эль-Амарне»] — при том, что обычно экспедиции длились по несколько месяцев. Только после того, как в конце 1880-х годов туземцы обнаружили огромную гробницу, сокрытую глубоко в скалах Гебель Абу Хаса в восточной пустыне, на восток от города, интерес ученых вновь усилился.

Некоторое время местные жители держали свою находку в секрете, чтобы извлечь из гробницы все, что им было нужно. Трофеи грабителей, в том числе золотые украшения (одним из которых было кольцо с именем царицы Нефертити), были, по всей видимости, разделены между музеями Эдинбурга и Ливерпуля. Поначалу считалось, что это место захоронения самого Эхнатона, а загадочная мумия, которая с тех пор использовалась для различных спекуляций, принадлежала самому царю. В 1891-1892 гг. гробница была «расчищена» под личным руководством Алессандро Барсанти, кадровика и «разнорабочего» египетской Службы древностей. К сожалению, работа была проведена из рук вон плохо, и было утрачено много важного археологического материала, особенно в погребальной камере, где, по всей видимости, люди Барсанти сосредоточили свои усилия.

Первые раскопки: Флиндерс Питри и Говард Картер

Через год после расчистки, предпринятой Барсанти, в свежевычищенную царскую гробницу эль-Амарны прибыл молодой человек, впервые оказавшийся в Египте, — Говард Картер, застенчивый и немного

Молодой Говард Картер, сопровождавший в 1892 году экспедицию Питри в эль-Амарну как представитель коллекционера лорда Амхерста. На этих раскопках Картер впервые соприкоснулся с тем историческим периодом, изучению которого он посвятит всю жизнь. Кульминация наступит в 1922 году, когда он обнаружит гробницу Тутанхамона.

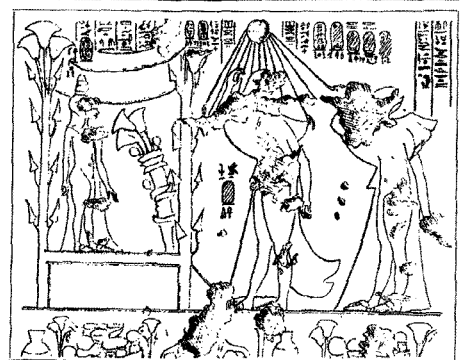
чопорный британский художник. Ему предстояло оставить завидный след в истории изучения Египта. Находясь в эль-Амарне, Картер сделал быстрые зарисовки основных сцен, которыми были украшены стены усыпальницы Эхнатона. И эти рисунки — его первая опубликованная работа — вскоре были напечатаны в газете *The Daily Graphic* от 23 марта 1892 года. Несмотря на то, что это были всего лишь наброски, они точно передавали, фактически впервые, уникальные особенности амарнского стиля в искусстве (копии Лепсиуса — гораздо хуже). Картер даже и не подозревал, что этот стиль станет определяющим в его жизни через 30 лет, когда он вскроет гробницу Тутанхамона, сына Эхнатона. Захоронение было напичкано непревзойденными сокровищами — статуями, скульптурами и золотыми вещами, изготовленными во время и сразу после правления «еретика». И, наконец, эль-Амарна станет темой, к которой в 1931 году, за восемь лет до кончины, Картер вернется в своей последней научной работе — очерке в книге сэра Е. Дэнисона Росса «Искусство Египта сквозь века».

Говард Картер был весьма скромного происхождения, не имел никакого личного состояния и почти не строил планов на будущее. Его приезд в эль-Амарну объясняется покровительством коллекционера-филантропа Уильяма Амхерста Тиссен-Амхерста, первого барона Амхерста из Хэрни, для которого отец Картера, художник, ранее выполнил ряд работ. Обнаружив у парня серьезный интерес к древностям, Амхерст решил взять молодого Говарда под свое крыло.

Горя желанием расширить свою недавно возникшую коллекцию египетских древностей, Амхерст послал Картера в качестве своего личного представителя на раскопки, которые проводились легендарным, но суровым Флиндерсом Питри. Вскоре после этого Питри был назначен главой первой британской кафедры египтологии в Университетском Колледже в Лондоне. В эль-Амарне Картеру впервые представилась

Быстрая, но точная зарисовка одной из сцен в царской гробнице Амарны, сделанная Картером. Показана царская чета, оплакивающая смерть их второй дочери, Макетатон. Царевна (или ее статуя) стоит в украшенном цветами наосе. Опубликовано в *The Daily Graphic* от 23.03.1892 г.

THE DAILY GRAPHIC, WEDNESDAY, MARCH 23, 1892.

A ROYAL TOMB IN EGYPT. KUTHEMATEM WEeping FOR HER DAUGHTER—ONE OF THE WALL SCENES UNearthED AT EL AMARNA.

Уильям Мэтью Флиндерс Питри, отец-основатель египетской археологии. Исследования и раскопки, проведенные им в эль-Амарне, пролили важный свет на историю этого места, а собранные им находки помогли прояснить многое об истории, религии, искусстве и технологии времен правления Эхнатона.

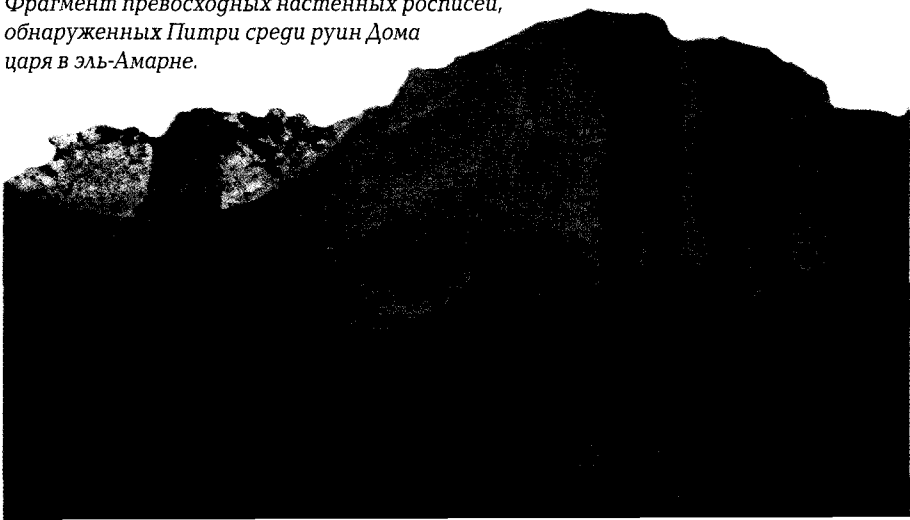
возможность поучаствовать в раскопках; и эта работа пришлось ему по душе, несмотря на печально известную жадность Питри (есть знаменитое высказывание участников его команды: «Питаешься одними сардинами, а когда кончаются сардины, съедаешь и консервную банку»¹).

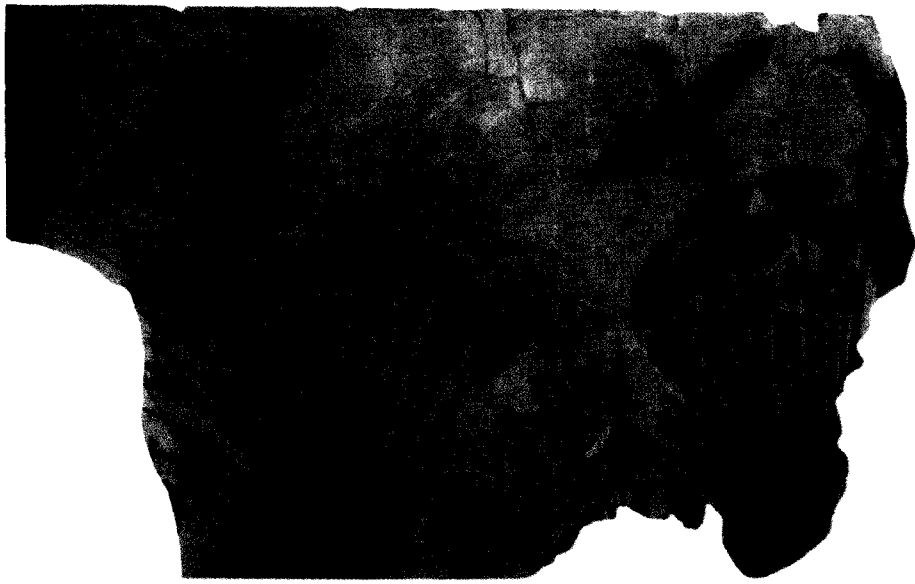
Сам Питри находился в эль-Амарне не ради гробниц и надписей, которые привлекали его предшественников, и даже не в надежде обнаружить новые таблички из дипломатического архива. Пионер в изучении египетской материальной культуры, Питри в основном желал исследовать место, которое было создано в один конкретный период и не подвергалось ни более раннему, ни более позднему влиянию. Работа в эль-Амарне в течение целого сезона, как он надеялся, должна была позволить создать «слепок» египетской цивилизации в отдельный, ограниченный момент времени, и существенно продвинуть общее изучение и классифицирование горшков, мисок и разных безделушек, использовавшихся древними людьми в повседневной жизни.

Питри приступил к работе как всегда энергично. При помощи триангуляции и небольших тестовых раскопок (*sondages*), проводимых в отдельных частях местности, он смог быстро понять назначение основных частей города: были идентифицированы дворец и храм, жилые дома и разнообразные мастерские, в которых делали фаянс, стекло, керамику и скульптуры. Настоящим открытием стало изначальное

¹ Murray M.A. My First Hundred Years. London, 1963, p.112.

Две младших дочери Эхнатона и Нефертити — Нефернеферура и Сетепенра, сидящие у ног родителей. Фрагмент превосходных настенных росписей, обнаруженных Питри среди руин Дома царя в эль-Амарне.

«...О живой Атон ... Деревья и травы зеленеют. Птицы вылетают из своих гнезд, и их крылья славят твой Ка ...» Фрагмент росписи на дорожках, обнаруженных в 1896 году в Мару-Атон египтологом Алессандро Барсанти.
Цитата взята из Великого гимна Атону из гробницы Эйе.

богатство древнего города, подтвержденное остатками искусно расписанных полов и изящно декорированных стен, а также огромным количеством местных и привозных, полезных в быту и декоративных вещей, которые повсеместно валялись на земле. Рисунки, содержащие восхитительные сцены с дочерьми Эхнатона, которые руководитель раскопок осторожно отделил от стены и упаковал для отправки в Англию, были впоследствии выставлены в музее Ашмолеан в Оксфорде¹. Благодаря потрясающему везению Питри, во время этих раскопок нашли обломки других амарнских глиняных табличек, а также повторно было найдено то место, где были найдены первые таблички — это оказалось здание, находившееся рядом с «Домом царя», то есть личными апартаментами фараона. Это здание было впоследствии идентифицировано по маркированным сырцовым кирпичам (которых Питри почему-то не заметил) как «Дом корреспонденции фараона, да будет он жив, невредим, здрав!» — древнеегипетский отдел делопроизводства.

Питри вернулся в Англию, вполне удовлетворенный результатами своей работы: он составил карту города и установил твердую основу фактов о правлении Эхнатона. Его отчет «Телль эль-Амарна» заложил основу всех последующих археологических работ в этом городе и по этому периоду. Среди нескольких сотен публикаций Питри, эта работа является одной из лучших и наиболее часто цитируемых. Как человек,

¹ Опубликованы на русском языке в превосходной работе Милицы Матвеевой: Матвеева М.Э. Во времена Нефертити. Л.-М., 1965, с. 32–33. — Прим. ред.

Пластина из известняка. Вероятно, использовалась скульпторами в качестве образца, поскольку вверху имеется отверстие для подвешивания. Куплена в эль-Амарне американским египтологом Чарльзом Эдвином Вильбуром в 1881 году. Головы Эхнатона (слева) и Нефертити (справа) изображены в более позднем, «ослабленном» амарнском стиле.

проводивший раскопки, он имел все основания хвастаться через сорок лет: «Хотя так много было написано и сделано в связи с этим странным человеком [Эхнатон], практически ничего не было добавлено к тем скудным фактам, которые я установил в моей работе 1891 года, и этим почти исчерпываются наши познания на данный момент»¹.

Эпиграфика и скандал: от Дэвиса до Борхардта

Прекрасные расписные полы, сохранение и защита которых доставляла участникам раскопок немало хлопот, были в итоге уничтожены разгневанным крестьянином. А затем, через десять лет после великолепных археологических достижений Питри, в заброшенном городе Эхнатона появился другой англичанин — Норман де Гарис Дэвис — уроженец Ланкастера, бывший студент Питри и лучший археолог-художник своего поколения. Жизнь Дэвиса будет посвящена копированию в мельчайших деталях сцен, вырезанных на стенах многочисленных египетских гробниц. Поработав до этого в разных храмах эпохи Древнего царства в Саккаре, Шейх Саиде и Дейр эль-Гебрави, и впечатлившись открытиями своего бывшего преподавателя, Дэвис решил обратить внимание на северные и южные группы гробниц эль-Амарны. Работодателем Дэвиса был Фонд изучения Египта (EEF; позднее — Общество изучения Египта, EES), для которого он создал свой шеститомный труд «Скальные гробницы эль-Амарны» (Лондон, 1903-1908 гг.), до сих пор используемый в научных исследованиях. После публикации этого издания, наполненного детально зарисованными надписями и изображениями, стал возможен интеллектуальный анализ феномена Амарны.

Новый материал для исследований был получен совсем скоро — когда в 1907 году начались систематические раскопки, проводившиеся «маленьким самодовольным» Людвигом Борхардтом и Немецким восточным обществом (DOG) — берлинским аналогом EEF. Сосредоточившись в основ-

¹ Petrie W.M.F. Seventy Years in Archaeology. London, 1931, p.141.

ном на южных окраинах, немецкие археологи проводили работы очень качественно, поделив территорию на квадраты со стороной 200 метров (656 футов), обозначив их буквами и цифрами, и в дальнейшем указывали номер соответствующего квадрата в номере каждой находки.

В процессе раскопок DOG обнаружило много интересного. Потрясающую удачливость этой команды сложно объяснить даже сегодня. Первой удачей было обнаружение новых глиняных табличек. Затем, в 1912 году, раскапывая разрушенную кирпичную усадьбу царского скульптора Тутмоса, люди Борхардта обнаружили удивительную коллекцию портретов царей и их подданных. Это собрание скульптур — одно из самых больших и наиболее важных среди всего, что найдено в Египте. Там было более 20 гипсовых литых прототипов, по-видимому, сделанных при помощи глиняных форм (более простые и обветшалые их аналоги Питри уже находил ранее), а также готовые скульптуры из различных пород камня. Здесь, работая исключительно кисточками, археологи оказались лицом к лицу не только с самим Эхнатомом, но и со всеми его придворными.

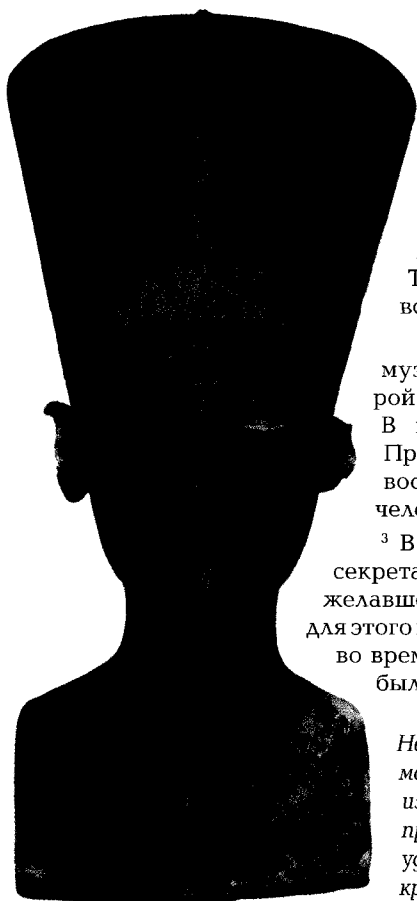
Большинство этих творений в конце концов оказалось в Берлинском музее, чья коллекция амарнского искусства по своей значимости является сейчас величайшей в мире. Ее центральным памятником является самое знаменитое произведение древнеегипетского искусства — величественный бюст Нефертити из раскрашенного известняка, изобража-

Раскопки в южном пригороде эль-Амарны, проводившиеся DOG в 1914 году. Ясно видны очертания хорошо сохранившихся стен, не намного глубже нынешней поверхности земли.

ющий ее в короне с плоским верхом¹ и в ожерелье тонкой работы. Скульптурный портрет был обнаружен 6 декабря 1912 года, вместе с разбитым бюстом Эхнатона, посреди остатков стенового шкафа. Полка этого шкафа со временем рухнула, и бюст упал на пол. К счастью, повреждения были незначительными: наиболее явной стала потеря левого инкрустированного глаза Нефертити, который, должно быть, от удара вывалился².

Качество большинства произведений искусства, собранных DOG, было превосходным, но красота бюста Нефертити, который обычно считают творением самого Тутмоса, не сравнима ни с чем. 20 января 1913 года, во время формального раздела трофеев, он был отдан доктору Джеймсу Симону, спонсору раскопок DOG. Тот, в свою очередь, в 1920 году официально преподнес свою коллекцию в дар прусскому государству; и через три года царица предстала перед взорами изумленной публики. Египетское правительство возмутилось, что предмет был вывезен из Египта незаконно (фактически дележ находок производил младший сотрудник музея — человек, чей профессионализм можно поставить под сомнение)³. Неохотно было принято решение о возврате бюста Нефертити, и в 1930-х гг. это уже почти произошло. Однако, из-

¹ В настоящее время доказано, что речь идет не о короне, а о парике. Известны изображения Нефертити в этом уборе, когда вся его поверхность покрыта стилизованными локонами волос. Это уточнение в интерпретацию знаменитого бюста Нефертити внесла еще М.Э. Матье. См. Матье М.Э. Во времена Нефертити. Л.-М., 1965, с. 57. О значении этого убора царицы см. Ertman E. The Search for the Significance and Origin of Nefertiti's Tall Blue Crown // Sesto Congresso Internazionale di Egittologia. Atti. Vol. I. Torino, 1992, p. 190; на русском языке: Солкин В.В. Египет: вселенная фараонов. М., 2001, с. 106. — Прим. ред.

² Последние исследования памятника в Египетском музее Берлина, проведенные в 2009 году, показали, что второй глаз бюста Нефертити никогда не был инкрустирован. В глазнице отсутствуют следы связующего вещества. Причины этого, скорее всего, лежали в области магического восприятия египтянами точного слепка с лица живого человека. — Прим. ред.

³ В 2009 году «Шпигель» опубликовал сенсационное письмо секретаря Борхардта, в котором он передает слова археолога, не желавшего расставаться с бюстом Нефертити и приложившего для этого все усилия: облик царицы был искажен гипсом, памятник во время распределения находок в Египетском музее в Каире был помещен в темный угол. — Прим. ред.

Нефертити: превосходный бюст в натуральную величину из мастерской скульптора Тутмоса. Вырезан из цельного куска известняка, затем покрыт гипсом и раскрашен. Правый глаз представляет собой инкрустацию из горного хрусталя, которая удерживается на своем месте благодаря воскообразному красителю, использованному для создания зрачка.

за безупречной «арийской» внешности царицы, Гитлер наложил вето на этот план. По слухам, он сказал: «То, что принадлежит германскому народу, не будет отдано никому!»^{1,2}.

Общество изучения Египта: Пит, Пендлбери и другие

«Английская экспедиция насчитывает шестерых или семерых. Помимо директора, есть архитектор, эпиграфист и обычно еще трое, которые не имеют определенных обязанностей, но могут выполнять любую работу по мере необходимости... Имеются примерно пятнадцать хорошо обученных профессиональных копателей из Куфта [Коптоса, рядом с Луксором]. Из них выбираются бригадиры. Остальные работники берутся из местных, и число мужчин может достигать сотни, [причем каждому] участнику раскопок помогают двое или иногда трое детей, которые уносят песок, который он удаляет...» *Джон Пендлбери*³.

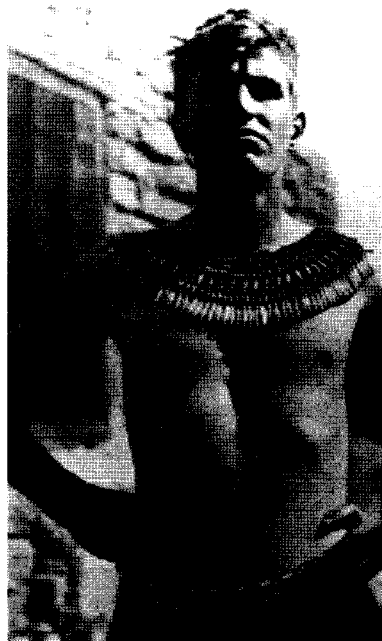
В 1914 году, с началом Первой мировой войны, работы DOG в эль-Амарне были прекращены; однако, учитывая их предшествующее везение, немцы не жаловались. Вскоре после их возвращения домой, в 1920 году, когда бюст Нефертити все еще скрывался, Общество изучения Египта перекупило право на раскопки. С 1921 по 1936 гг., практически без остановки, EES тщательно перекапывало всю эль-Амарну, в том числе вокруг и внутри царской гробницы. После этого их энтузиазм пошел на убыль, поскольку египетское правительство выпустило новые правила раздела находок — создало систему, от которой очень зависело финансирование работ британцев.

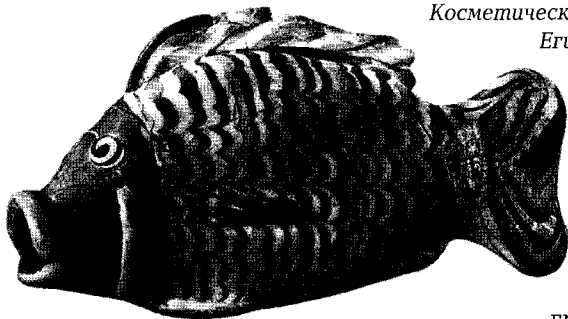
¹ Сообщено Хансом Гютербоком на лекции в Университете Чикаго в феврале 1987 г.

² Известно, что Адольф Гитлер питал к портрету Нефертити особые чувства. Он планировал создать в Берлине особый музей, в центре которого должна была стоять Нефертити, получившая по воле нацистов новое имя — «Германия». — *Прим. ред.*

³ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. xxiv.

Британский египтолог Джон Пендлбери в амарнском ожерелье из цветных фаянсовых бусин. «За этой внешностью заурядного выпускника средней школы и университета скрывался человек, для которого всякое рванье было милее элегантного серого пин-страйпа ... Амарна ... давала ему ... возможность уйти от неромантичных проявлений действительности».

Косметический сосуд, найденный Обществом изучения Египта во время раскопок в эль-Амарне.

Сделан из стекла в форме плывущей рыбы. Технические навыки и фантазия, необходимые для создания таких великолепных произведений искусства, достигли новых высот во времена правления Аменхотепа III и Эхнатона.

Британские раскопки возглавила группа известных ученых, в том числе посредственный, но знаменитый филолог Томас Эрик Пит, археолог Леонард Вулли (который впоследствии прославится книгой «Ур халдеев», несчастный Фрэнсис Ньютон, который умер от какой-то ужасной местной болезни, великолепный голландец Генри Франкфорт, и наконец, героический Дж. Д. С. Пендлбери. Он окончит свои дни на Крите, в окрестностях Ираклиона, где в 1941 году наступающие немецкие войска расстреляли его как шпиона. Среди египтологов Пендлбери считается редкой харизматичной фигурой в удручающе нехаризматичных условиях. Имеется отличная фотография, где он, с обнаженным торсом, позирует в египетском фаянсовом ожерелье, найденном при раскопках и восстановленном. Также вспоминают его стеклянный глаз, последствие детской травмы, который — как у Нерфити — имел неприятную особенность вываливаться из глазницы и пугать рабочих.

Находки команды EES были интересными, но не потрясающими, хотя несколько новых клинописных текстов было добавлено к их быстро растущему своду, а некоторые интересные скульптуры — остатки из мастерской Тутмоса — поддерживали у спонсоров хорошее расположение духа. Главным достижением этих лет было сопоставление большого числа надписей и археологических находок, обнаружение противоречивых деталей. Результаты частично опубликованы в трехтомнике, озаглавленном «Город Эхнатона». Как мы увидим, уже тогда, на основе этого свода научных свидетельств, могла быть выстроена не просто внушительная, но даже общепринятая теория.

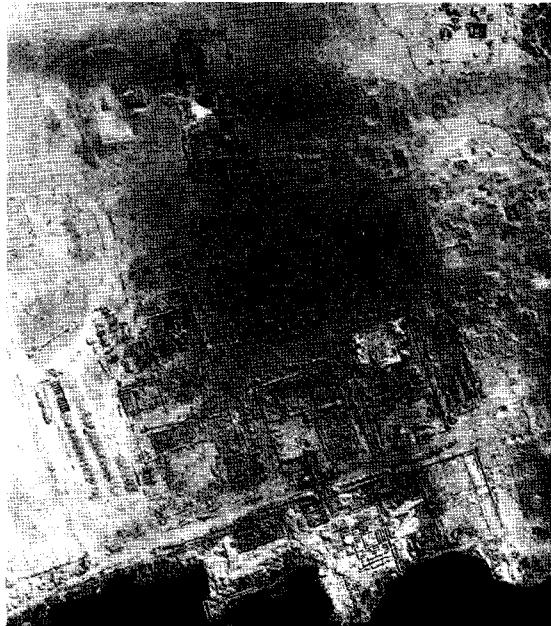
Британские раскопки в эль-Амарне продлились 15 лет, и на последующие четыре десятилетия местность вновь была заброшена археологами, в то время как ученые у себя дома играли с имеющимися под рукой материалами. Однако в 1939 году немецкая археологическая экспедиция, проводившая раскопки в эль-Ашмунейне (Гермополь Магна) на противоположном берегу реки, обнаружила новые свидетельства, связанные с амарнским периодом. К своему удивлению, немцы нашли там множество известняковых блоков, аккуратно сложенных в основании пилона, т.е. монументальных храмовых ворот, построенных Рамсесом II из XIX династии. Этими блоками, по всей видимости, когда-то были облицованы кирпичные стены главных зданий эль-Амарны. Во время Второй мировой войны, вскоре после отъезда немцев, предприимчи-

вые туземцы распродали остатки второго пилона вместе со многими частями первого, предварительно раскрасив их в довольно пугающие цвета. В настоящее время известно примерно 1500 таких довоенных «Гермопольских рельефов», их качество и содержание изображений создают яркое впечатление об ушедшей красоте и элегантности города Эхнатона. Позднее в эль-Ашмунейне и соседних городах — таких как Асьют и эль-Шейх Ибада (Антинополь) — были найдены новые образцы повторно использованных амарнских рельефных изображений, хотя это только единичные экземпляры. Некоторые находили даже в отдаленном южном Абидосе; и это — очень важное дополнение к эль-амарнской головоломке.

Три десятилетия после 1945 года отмечены ростом интереса к амарнским исследованиям, хотя основан он был лишь на книгах, а самому городу по-прежнему уделялось очень мало внимания. Однако в 1974 году огромный интерес и одобрение вызвал опубликованный британским археологом Джеффри Т. Мартином первый том документального и археологического «обзора» раскопок, ранее проводившихся Пендлбери и другими в царской гробнице в эль-Амарне. При работе над вторым томом Мартин начал сопоставлять копии рельефов со стен гробницы, после чего предпринял (вместе с Али эль-Хули, египтологом Службы древностей) новую расчистку внутри и вокруг царского вади. Археологические работы в городе были возобновлены в 1977 году, на этот раз под вдохновенным руководством Барри Дж. Кемпа из Кембриджского университета — опять же работавшего на EES. Сегодня, после более двадцати лет напряженной работы, история города Эхнатона и находившихся в нем сооружений и учреждений известна лучше, чем когда-либо ранее. К этому мы вернемся для детального рассмотрения в одной из следующих глав.

Но для начала — немного истории. Что же толкнуло Эхнатона на столь зловещий путь? Какова была подоплека создания «Горизонта Атона»?

Фото центрального города, сделанное с высоты птичьего полета в 1932 году. Виден контраст между темными участками, занятыми под сельское хозяйство (внизу), и более светлой пустыней. Правее центра снимка ясно виден Малый храм Атона, примыкающий к Дому царя. Рядом с Домом царя — отдел делопроизводства (место, где были найдены амарнские таблички) и казармы городской стражи. Южный угол Великого храма Атона виднеется в левой части снимка.

*Амон-Ра, царь богов, коронует царицу Хатшепсут.
Рельеф на обелиске в Карнаке.*

ЖРЕЧЕСКИЕ АМБИЦИИ

Истоки: Египет при фараонах

Цивилизация Египта фараонов существовала в течение трех тысяч лет — как до, так и после рождения Христа, и в мировой истории такой продолжительности нет аналогов. Это был сложный путь, далекий от ровного стабильного развития, о котором могла бы свидетельствовать крайняя неизменяемость египетского искусства. Драматичные взлеты и падения следовали один за другим, застойные периоды в развитии общества и материальной культуры сменялись яркими начинаниями. Каждое потрясение в истории Египта оставляло неизгладимый след на характере этой цивилизации, и в особенности — на характерах ее людей. События, описанные в этой книге, были не просто потрясением, а намеренно созданным искажением, затрагивающим как последующие века правления фараонов в Египте, так и будущее интеллектуальное развитие всего мира.

Традиционно считается, что история древнего Египта началась примерно три тысячи лет до н.э. после объединения юга и севера легендарным царем Менесом. Последующие 30 веков будут поделены на три выдающихся периода в развитии культуры: Древнее (Старое) царство, или эпоха пирамид, которое охватывает период с 2575 по 2134 гг. до н.э.; могущественное Среднее царство, которое развивалось между 2040 и 1640 гг. до н.э.; и Новое царство, которому суждено было возникнуть в 1550 и исчезнуть примерно в 1070 гг. до н.э. Последний из этих периодов отмечен стремлением к созданию империи, которое оставалось неподражаемо живучим и обеспечивало стране авторитет во всем мире. В этот период положение Египта среди стран мира достигло таких высот, о которых более ранние цари, как бы ни была сильна их власть внутри страны, могли только мечтать.

Правители Нового царства, также как и их предшественники из Древнего и Среднего царства, в наше время группируются в династии — «семьи» царей, на которые историк Манефон из Себеннита, творивший в III веке до н.э. (хотя сведения о нем дошли до нас лишь в работах более поздних авторов), разделил египетскую историю. Династии, составляющие Новое царство, — это XVIII (1550—1307 гг. до н.э.); XIX (1307—1196 гг. до н.э.); и XX — правившая с 1196 года до окончательного заката Египта под воздействием экономического коллапса и внешнего давления незадолго до начала I тысячелетия до н.э. Нас будет интересовать первая из этих эпох, XVIII династия, во времена которой и произошла амарнская революция. Краткий обзор истоков этой эпохи и ее последующего развития поможет понять, чего Аменхотеп IV—Эхнатон, творец нового режима, — стремился достичь, кому он противостоял и почему.

Вторжение: Гиксосы

«Тимаос. В его царствие бог, неведомо мне почему, прогневался, и неожиданно из восточных стран люди происхождения бесславного, дерзкие, напали на страну и без сражений легко овладели ею...» Манефон¹

Среднее царство бесславно завершило свое существование примерно в 1640 г. до н.э. при царях XIII династии. Хотя в стране было относительно изобилие, напор со стороны населения северных и восточных земель усиливался с каждым днем, вызывая чувство глубокого беспокойства. Неизбежный финал приближался все быстрее: азиаты захватили большие территории в восточной части египетской дельты Нила и создали независимое азиатское государство на севере Египта. Цари этой XV династии в настоящее время больше известны по их древнеегипетскому названию: *хекау хасут*, «правители чужеземных стран», что произносилось греками как «гиксос»; такая форма использовалась Манефоном и употребляется до сих пор. Вышеупомянутые азиатские цари, заслуженно или нет, считались жестокими тиранами. Вряд ли шок от иноземной оккупации удалось легко пережить, а потому ксенофобия, присущая жителям этой полностью изолированной страны, усиливалась.

Цари-гиксосы правили своими владениями в дельте почти целое столетие — сначала из древней столицы, Мемфиса, а затем из Авариса, расположенного к северо-востоку от нее. На юге власть взяла династия менее значительных царей. Управляя из Фив, эта местная династия (сейчас известная как XVII) сумела получить власть над территорией, простирающейся от Кусэ на севере и до первого порога Нила на юге. Территория за этой южной границей, хотя и находящаяся формально под властью Египта, теперь являлась независимым Нубийским царством со столицей в Керме. Какое-то время эти три режима существовали обособленно друг от друга и были объединены небольшим количеством междинастических браков их правящих семей. Терпя обиду и уязвление своей гордости, цари-египтяне по рождению затаились и попросту выжидали момент.

Освобождение: Камес и Яхмес

Вторжение гиксосов, нанесшее тяжелый удар по египетской гордости и самоуважению, имеет как отрицательные, так и положительные стороны главным образом в сфере новых технологий. Существенные достижения в обработке бронзы, ткацком и гончарном деле, сельском хозяйстве, создание принципиально нового устройства для поднятия воды, называемого *шадуф* — все это относится к данному периоду времени. Кроме того,

¹ Цит. по: Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона (пер. Я. Израэльсона и Г. Генкеля). СПб, 1898. — Прим. пер.

Фрагмент мумии фиванского царя Секененра Таа II. Видны раны, нанесенные булавой, стрелами и обухами азиатских топоров, которые и стали причиной его смерти. По всей видимости, тело царя какое-то время пролежало на поле битвы, поскольку трупное окоченение произошло еще до начала процесса мумификации.

разумеется, влияние гиксосов различным образом проявилось в искусстве, одежде, музыке и танцах. Однако наиболее значимым был вклад гиксосов в развитие египетской военной науки — следует отметить появление колесницы, составного лука, самострела, серповидного меча и чешуйчатых доспехов. Эти изобретения были приняты на вооружение фиванскими царями, приобретшими военный опыт в битве за национальное выживание, и в последующие годы направлены на уничтожение оккупантов.

Ранний этап противостояния между XV династией гиксосов и фиванской XVII династией описан в египетской сказке того времени — «Ссора Апопи и Секененра»¹. Для сторонника Фив конфликт закончился плохо: мумия Секененра, найденная в числе прочих царственных останков в Фивах в 1881 году в знаменитом «тайнике» в Дейр эль-Бахри, т.е. массовом захоронении в гробнице TT320, имеет многочисленные следы ударов копьем и азиатским топором, которые, предположительно, наносились уже после того, как царь упал, сраженный первым ударом. Хотя Секененра погиб, борьба, тем не менее, была продолжена его женой, царицей Яххотеп, которая в тот момент взяла власть в свои руки. Его преемник, Камес, продолжил эту «освободительную войну», для большего эффекта записывая свои успехи на двух стелах, установленных в Карнакском храме местного фиванского бога Амона. При божественной поддержке Амона, кампания была доведена до полной победы следующим царем, Яхмесом. За короткий период времени Египет был освобожден от ига иноземцев, страна вновь объединилась под властью национального правителя, враги фараона были оттеснены далеко в их предполагаемые родные земли — Палестину и Нубию. Это была новая заря над Египтом.

Путь к империи: Тутмос I

Яхмес был назван последующими фараонами основателем новой династии, XVIII-ой, с которой начинается новая эпоха, именуемая египтологами Новым царством. Успехи внутренней политики Яхмеса, правившего 25 лет, были развиты во время 21-летнего правления его сына, Аменхо-

¹ На русском языке сказка в переводе Г.А. Беловой издана в книге: Сказки Древнего Египта. М., 1998. — Прим. ред.

тепа I, которого вскоре объявили богом (вместе с его влиятельной матерью, Яхмес-Нефертари), а также покровителем фиванского западного берега — некрополя южного города. О событиях за пределами границ Египта в годы правления Аменхотепа I история умалчивает; возможно, записи утеряны, а может, фараон просто хотел, чтобы границы были на замке. Все изменилось с приходом к власти третьего царя династии, Тутмоса I, который, что важно, не был царских кровей¹. При нем интерес к внешнему миру проявился с новой силой.

Тутмос I известен в наше время как величайший царь-заоеватель в истории Египта, который отправился «утолять жажду сердца своего новыми землями». После ряда военных кампаний, уместившихся на коротком восьмилетнем отрезке его правления, границы Египта были раздвинуты беспощадно, безудержно, до таких пределов, каких в истории не было ни до, ни после этого: от Евфрата на севере до далекого нубийского юга за четвертым порогом Нила. То, что начиналось как оборона, быстро переросло в захват чужих земель. Как внутри, так и за пределами Египта этот успех продемонстрировал коренной поворот во внешней политике фараона; его взору открылась возможность господства над другими странами. И с тех пор Египет начал расцениваться как сила, с которой необходимо считаться.

Хатшепсут: царица, которая стала царем

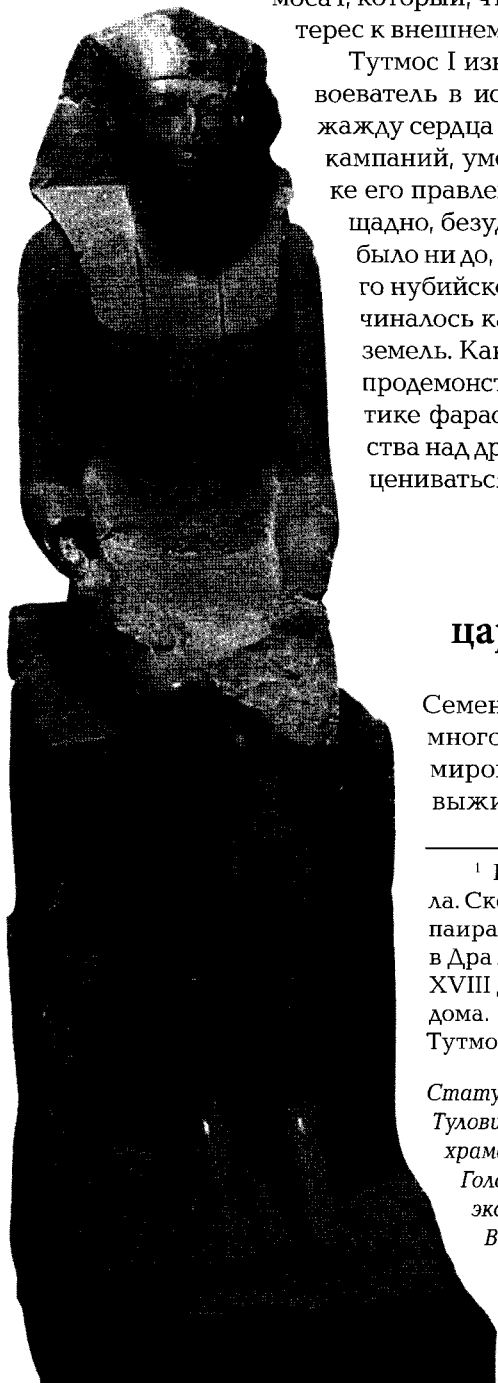
Семена Амарнской революции были посеяны немного позже. Тутмоса I, создателя египетской мировой державы, сменил на троне старший из выживших сыновей, которого тоже звали Тут-

¹ Гипотеза, которой придерживается автор, устарела. Скорее всего, Тутмос I был сыном принца Яхмеса-Сапаира, возможно, сына Секененра Таа II. Погребенный в Дра Абу эль-Нага, этот принц был очень почитаем при XVIII династии, как один из родоначальников царского дома. Родители придворной дамы Сенисенеб, матери Тутмоса I, действительно неизвестны. — *Прим. ред.*

Статуя Хатшепсут из мраморизованного известняка. Туловище найдено среди руин ее знаменитого заупокойного храма в Дейр эль-Бахри командой Лепсиуса в 1845 году.

Голова найдена между 1926 и 1928 гг. египетской экспедицией Музея искусств «Метрополитен».

В отличие от других изображений Хатшепсут в качестве царя, здесь ее женственность не скрывается.

мос. Его правление, длившееся всего семь лет, не было отмечено ничем значительным; однако той легитимности власти, которой он обладал, не будет в течение многих последующих лет. После безвременной кончины фараона власть перешла к его единственному ребенку, которого также звали Тутмосом — третьим. Важно то, что этот ребенок не был сыном главной жены Тутмоса II, Хатшепсут; его матерью была второстепенная жена по имени Исида; присутствие Хатшепсут при мальчике было условным.

Последующие годы стали временем жутких беспорядков, о которых до нас, в известных записях, долетели лишь обрывки информации. Но чем больше эти обрывки доказывают нам наличие целого комплекса политических интриг — которые, по всей видимости, являются неотъемлемой чертой египетского царского двора во все века, — тем менее славная реальность оказывается за пышным фасадом полубожественного правления. Период, в течение которого царская власть могла подвергаться, и подвергалась, посторонним воздействиям, выглядит одновременно шокирующе и обличающе.

Случилось следующее. После смерти Тутмоса II бразды правления перешли не к официальному наследнику, ребенку Тутмосу III, а к самой Хатшепсут. Учитывая возраст Тутмоса III, это было необходимостью. Да и прецедент уже имелся — в начале правления царя Яхмеса государственными делами заправляла его мать. А Хатшепсут, к тому же, была жадной до власти: вскоре после вступления Тутмоса III на престол она присвоила себе официальные титулы и регалии фараона и правила как старший партнер в период временного соправления, или двоевластия, отняв у настоящего наследника почти всю первую половину срока его правления. Система соправления имеет большое значение для нашей истории.

Подробности возвышения Хатшепсут, и причины, приведшие к этому, сейчас кажутся неясными, но очевидно, что для такого экстраординарного взлета царица должна была иметь могущественную поддержку политического закулисья. Поддержка была оказана, как мы сейчас понимаем, из храма Амона в Карнаке, где Хатшепсут имела статус «супруги бога», или его жрицы. Подобный статус в дальнейшем перешел к ее дочери, Нефруре.

Влияние Амона

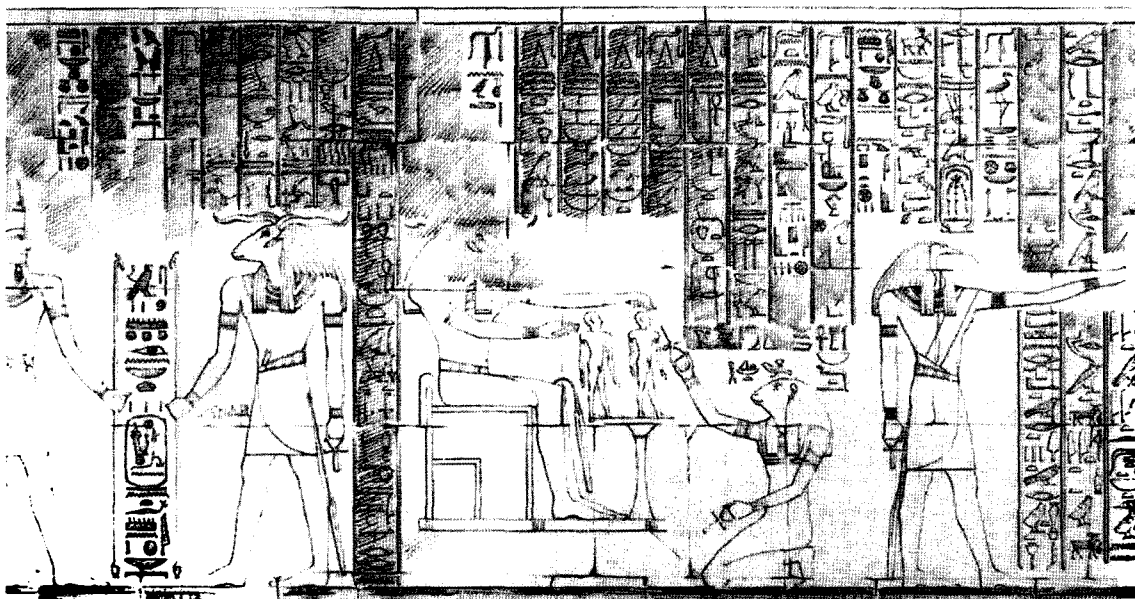
Огромное влияние бога Амона и его жрецов было симптоматичным при тех переменах, которые произошли внутри Египта в течение столетия после изгнания гиксосов. Эти годы объединения и роста сопровождались все возрастающей передачей царской власти жрецам, и результатом стало то, что они начали действовать все более и более независимо от царя. Жречество, которое в предшествующие годы было гораздо меньше по размеру, формировалось из набожных мирян и обслуживало духовные потребности людей за скромную пищу и небольшое вознаграждение.

Могущественный исполнитель воли Амона — верховный жрец Хапусенеб, который, в виде исключения, совмещал эту должность с должностью везира, то есть премьер-министра. В надписях, покрывающих статую, имя Хатшепсут систематически уничтожалось после ее смерти и заменялось именем ее супруга, Тутмоса II.

граждение, теперь превратилось в наследственную замкнутую группу — богатую, коррумпированную и любящую мирские наслаждения — что явилось результатом безмерной благодарности фараона, на словах и на деле, за поддержку Амоном его военных начинаний. Все более сплываясь и становясь тем, что историк Джеймс Генри Брестед впоследствии назовет «могучей жреческой организацией, охватывающей всю страну», некоторые жрецы почувствовали вкус власти и теперь желали править сами.

Решения как самого Тутмоса III, так и его соправительницы Хатшепсут, диктовались священным оракулом Амона; и не так уж сложно догадаться, что эти священные советы на самом деле исходили от верховного жреца бога — некоего Хапусенеба. При такой несамостоятельности, сложно найти разумное объяснение превосходства царицы над своим подопечным; но то, что жрецы Амона продолжали нахо-

Сделанная Говардом Картером копия сцены из Дейр эль-Бахри, в которой провозглашается божественное происхождение царицы. Слева направо: Амон отдает распоряжения Хнуму (с головой овна); Хнум создает Хатшепсут и ее Ка (то есть духовного двойника; причем обе фигуры изображены мужскими!); Тот сообщает о будущем ребенке Яхмес, главной супруге Тутмоса I.

Грубо нарисованный набросок из «гроба» над заупокойным храмом Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, который, несмотря на отсутствие поясняющих текстов, интерпретируется как изображение, раскрывающее тайную сексуальную связь царицы и ее фаворита Сененмута.

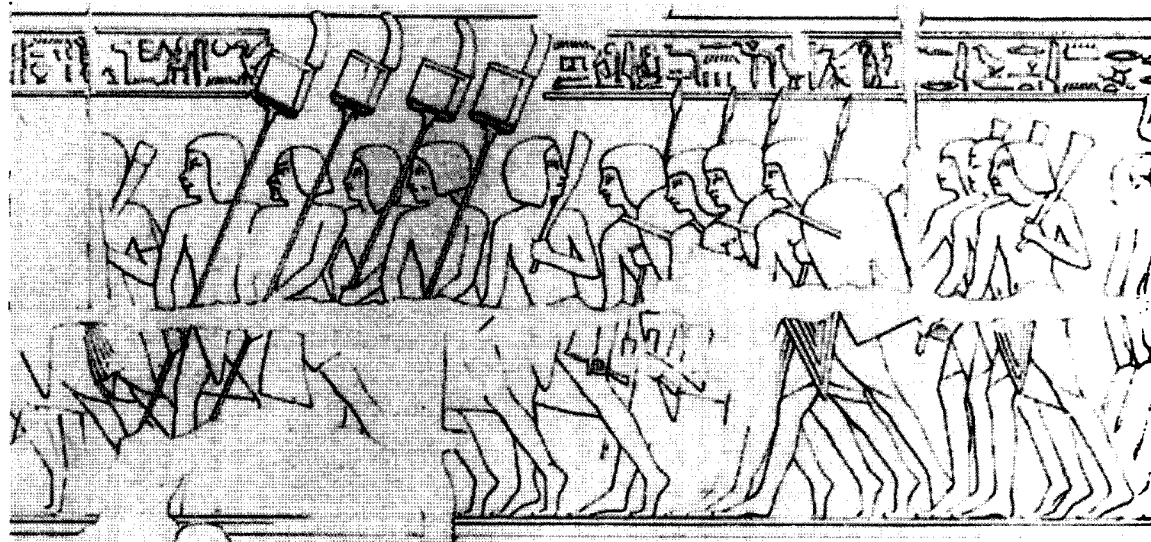
даться в стоворе для того, чтобы оставить Хатшепсут у власти, подтверждается официальными заявлениями о ее «божественном рождении», найденными на стенах величественного храма царицы в Дейр эль-Бахри — это первый случай, когда происхождение монарха от фиванского бога Амона было выражено в такой явной форме. Возможно, египтологи были сбиты с толку, недооценив вовлеченность Хатшепсут в династические манипуляции, поскольку считали, что Хатшепсут получала поддержку от другого человека — Сененмута, влиятельного хозяйственника храма Амона. Однако основная роль Сененмута не столько политическая, сколько романтическая — он был любовником цари-

Сененмут в роли воспитателя дочери Хатшепсут Нефруры. Скульптура найдена в Карнаке в 1904 году; это одно из немногих сохранившихся произведений, изображающих любовника царицы с его царственной воспитанницей.

Эффектный заупокойный храм Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, триумф древней архитектуры с изящными террасами, восходящими к вертикальным скалам. За скалами лежит Долина царей, где и расположено место погребения царицы — KV20, глубокая, закрученная спиралью, гробница, изначально вырубавшаяся для ее отца, Тутмоса I.

цы. Довольно непристойный, но от того не менее интригующий рисунок, который, как считается, разоблачает сексуальную связь царицы и простолюдина, был оставлен в незаконченной гробнице над Дейр эль-Бахри кем-то, кто был определенно лишен иллюзий по поводу ее правления.

Праздник Опет

Чтобы оплатить свой долг перед Амоном, Хатшепсут совершила ряд деяний, наиболее значительными из которых являются сооружение так называемого «Красного святилища» в Карнаке, а также установка в том же храме двух обелисков, на северной стороне основания которых содержится следующий красноречивый текст:

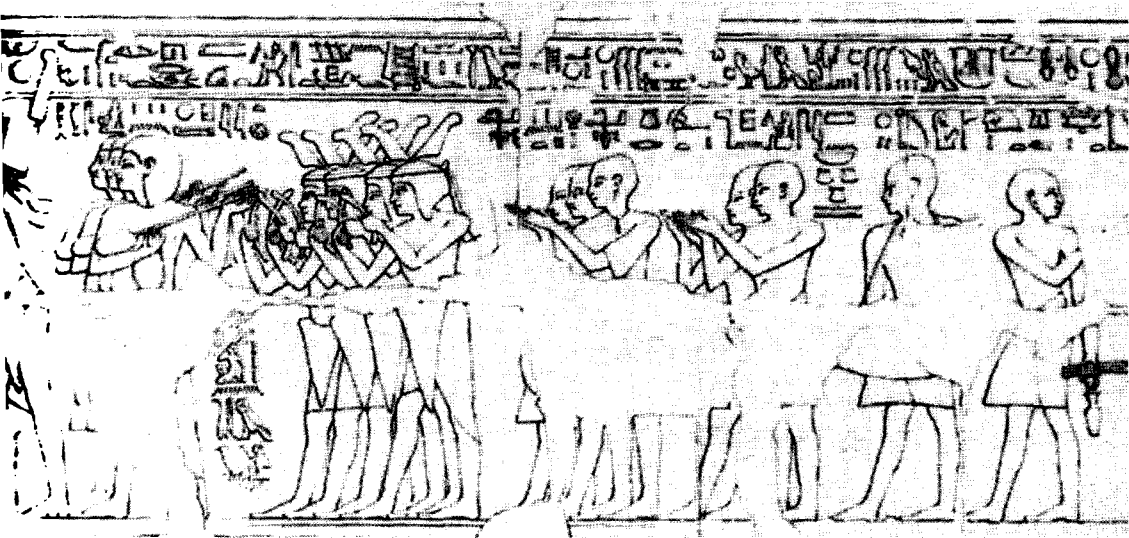
«Сотворила я это с любящим сердцем для отца моего, Амона, Посвященная в таинство его начала начал, Знающая о мощи его благотворной, Не забывающая о приказах его. Величество мое знает его Божественность, Творила я под началом его; Это он вел меня, Не назначала я работ без приказа его. Это он отдавал распоряжения...»¹

Одним из «распоряжений» Амона было учреждение «Прекрасного праздника Опет», отмечавшегося в течение 11 дней каждую осень, во второй месяц ежегодного разлива Нила. Во время праздника процессия, чествовавшая бога Амона, его супругу Мут и их сына Хонсу, шествовала от их обители в Карнаке к расположенному неподалеку Луксорскому храму; жрецы на плечах несли богов в их священных ладьях, после чего эти ладьи возвращались назад по реке. После правления Тутанхамона этот путь стали проделывать по реке в обе стороны. Это всенародное празднество, также как и «Прекрасный праздник Долины» (во время которого Амон из Карнака посещал владения Хатхор на

¹ Обелиск Хатшепсут в Карнаке (obelisk N). Перевод В.В. Солкина. Солкин В.В. Египет: вселенная фараонов. М., 2001, с. 154–156. — Прим. ред.

Рельефная сцена из Луксорского храма, посвященная празднику Опет.

Храм являлся конечной точкой пути Амона, Мут и Хонсу, следовавших из их дома в Карнаке. Создание этих рельефов началось при Аменхотепе III и не было закончено до вступления на трон Тутанхамона. Этот рисунок, с точной прорисовкой деталей, был сделан Говардом Картером.

западном берегу, а также погребальный храм правящего царя), вскоре стало ключевым событием фиванского года. Его пропагандистское значение — и не только для царя — было огромным.

О ритуалах самого празднества Опет мы знаем очень мало, хотя ясно, что фараон играл особую роль на этом празднике. Это очевидно, поскольку — возможно, в качестве кульминации торжеств — вновь объявлялась священная беременность матери царя, и, таким образом, подтверждалось божественное происхождение фараона. Такая формализация отношений между царем и богом в Фивах была ценой, которую Хатшепсут заплатила Хапусенебу за его поддержку; и, признав эту взаимозависимость, цари столкнулись с тяжелым компромиссом.

Тутмос III и Аменхотеп II: восстановление царской власти

«Каждый царь Верхнего и Нижнего Египта — бог, чьей заботой
живут люди». *Надпись в гробнице Рехмира, везира Тутмоса III*

Вскоре после смерти Хатшепсут, примерно на 22 году своего долгого 54-летнего правления, Тутмос III наконец смог править самостоятельно. Как показали события, он был царем такого же великолепного милитаристского склада, как и его дед. Разумеется, более ранние истории — под влиянием, к слову сказать, весьма скромного роста мумии (из-за того, что ступни были отломаны до измерения) — склонялись к тому, чтобы сравнивать его с Наполеоном.

Первым самостоятельным поступком фараона, в подражание героическому Тутмосу I, стало проведение длинной серии из семнадцати военных кампаний, в результате которых, после трех десятилетий бездействия, был восстановлен сюзеренитет Египта над Палестиной и Сирией. Годы бездействия империи в период правления Хатшепсут¹ позволили царству Митанни создать собственную сферу влияния в этих местностях, и это было угрозой, с которой теперь пришлось столкнуться в Мегиддо. В произошедшей там битве Тутмос III полностью разгромил коалицию сирийских царьков и захватил огромное количество трофеев, в том числе 924 колесницы. Он на этом не остановился и в ходе следующих кампаний продолжил продвижение вглубь территории Митанни.

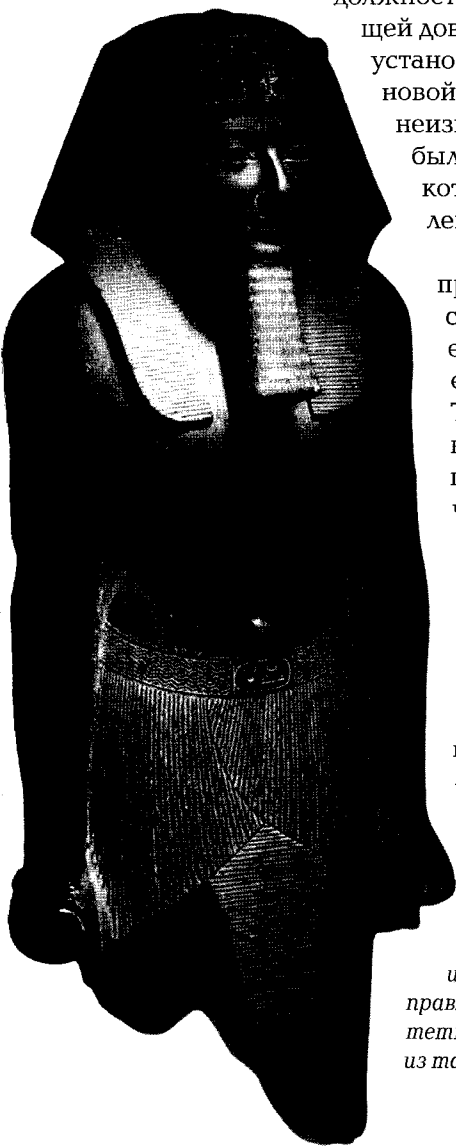
Но в стремлении фараона к завоеванию чужих земель было, несомненно, нечто большее, чем просто жажда наживы. Как это, вероятно, было и в случае с Тутмосом I, отпрыск второстепенной семьи внезапно

¹ Автор недооценивает Хатшепсут, годы правления которой были эпохой одного из наивысших расцветов древнеегипетской культуры. Походы войск Хатшепсут в Сирию и Нубию, о которых повествует надпись в Тангуре, в районе II порога Нила, и знаменитая экспедиция в Пунт были успешной демонстрацией могущества женщины-фараона. — *Прим. рег.*

получил трон и был озабочен тем, чтобы оставить свой след в истории. Похоже, что после унижительного ослабления царской власти при Хатшепсут, Тутмос III стремился вновь обрести почву под ногами и восстановить власть и авторитет царя. Вероятно, по тем же причинам постоянно восхвалялась физическая сила Аменхотепа II, его сына и преемника. С той же целью на рельефах и в надписях того времени были существенно смещены акценты: теперь уже не Амон даровал власть царю, как это было при Хатшепсут, а царь покровительствовал Амону¹.

Однако наиболее интересным и значимым в переменах, произведенных Тутмосом III, было увеличение числа публичных заявлений фараона о существовании и количестве его детей мужского пола, одновременно с отказом фараона от придания какой-либо из своих супругов статуса «великой супруги царской», — ритуальные функции этой должности осуществлялись только заслуживающей доверие матерью царя. Такой порядок был установлен, чтобы предотвратить появление новой Хатшепсут, и в дальнейшем оставался неизменным. Преемники царицы-фараона были явно встревожены той легкостью, с которой царская власть во время ее «правления» перешла в чужие руки.

Последней мерой предосторожности, предпринятой Тутмосом III на 51 году своего долгого правления, перед самым его окончанием, было объявление своего сына Аменхотепа II соправителем. Только после этого, когда преемственность власти была обеспечена, старый царь почувствовал уверенность в том, что удалось отделаться от истории с его ненавистой мачехой. В Дейр эль-Бах-

¹ Сохранившиеся источники говорят о другом. Известные надписи из Карнака и знаменитый «Гимн победы» Тутмоса III приписывают его военные успехи именно покровительству Амона. «Распоряжения» Амона там упоминаются ничуть не реже, чем при Хатшепсут. — *Прим. ред.*

*Фараон «наполеоновского типа»
Тутмос III; тронное имя указано на поясе.
Превосходная статуя из граувакки,
изображающая царя-воина в начале его
правления, когда он еще делил трон со своей
теткой Хатшепсут. Скульптура была извлечена
из тайника в Карнаке в 1904 году.*

Сцена омовения фараона в Карнаке: боги Хор и Тот льют на Хатшепсут знаки «жизнь» из ритуальных сосудов. Изображения женщины-фараона и надписи были сбиты ближе к концу правления Тутмоса III, когда его сын Аменхотеп II уже стал официальным преемником.

ри и других местах стирались ее картуши, уничтожались ее изображения и в крошку разбивались статуи¹.

Плоды империи

Похоже, что египетская империя постоянно ослабевала и рассыпалась, особенно на севере. И фараоны вовремя поняли, что им там нужна всего лишь буферная зона, чтобы защитить страну от угрозы со стороны Митанни и, позднее, хеттов. На северный регион выделялось настолько мало военных расходов, насколько это было возможно. В завоеванных городах Сирии-Палестины царь поставил вассальных правителей, поддерживаемых гарнизонами от 50 до 200 человек, состоявшими из чистокровных египтян. Эти правители были связаны присягой, а также тем, что их детей забирали в Египет для «египтизации». И за такую «защиту» они ежегодно выплачивали установленную дань. Нубия (Куш), ворота Африки, считалась египетской колонией. Там не было таких политических изысков, как на севере. Вольностей, связанных с национальными чувствами, было меньше. Эти земли напрямую использовались как огромные источники золота и других предметов роскоши, и в них было установлено жесткое военное управление, осуществлявшееся наместником — чистокровным египтянином, напрямую подчиненным фараону. В результате, Египет обладал фактической монополией на торговлю на большинстве территорий Ближнего Востока, и это приносило огромные доходы, тысячи рабов и необъятную власть.

Военные достижения Аменхотепа II, сына и преемника Тутмоса III, были не намного хуже, чем у отца, и доходы из-за границы продолжи-

¹ Согласно последним исследованиям, при уничтожении имени и статуй Хатшепсут речь шла отнюдь не о личной ненависти царя к Хатшепсут, а о ритуальном уничтожении следов правления женщины-фараона, существование которой было невозможно в рамках традиционных египетских представлений о сути царской власти. См. Roehrig C. (ed.) *Hatshepsut. From Queen to Pharaoh*. New York, 2005, pp. 267–284. — *Прим. ред.*

ли поступать в Египет. Вот, к примеру, список пленных, захваченных во время первой азиатской кампании, проведенной в 7й год правления Аменхотепа II:

«*марианну* [воины-колесничие]: 550; их жены: 240; хананиты: 640; дети правителей: 323; женщины-музыкантши правителей каждой земли: 270, вместе со своими инструментами из серебра и золота; итого: 2214. Лошади: 820; колесницы: 730, вместе со всем их вооружением»¹.

Не менее впечатляющими были поступления с юга, что видно из этого отчета об удачно собранной за один раз дани. Наместник фараона Усерсатет докладывает:

«Перечень тех, кто нес ... дань: несущих серебро: 220 человек; несущих золото: 150 человек; нагруженных сердоликом: 200 человек; нагруженных слоновой костью: 40 человек; нагруженных черным деревом: 1000 человек; нагруженных ладаном из иноземных южных земель: 200 человек; ... ведущих живую пантеру: 10 человек; ведущих собак: 20 человек; ведущих длиннорогий и короткорогий скот: 200 человек. Итого дань переносили: 2657»².

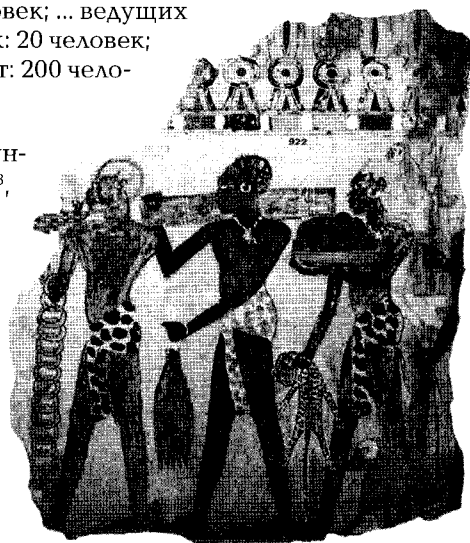
Многое из этого добра неизбежно оседало в сундуках фиванского бога. Но помня о *coup d'état*³, совершенном Хатшепсут, царь Египта решил ограничить богатство Карнака и пресечь попытки Амона вновь занять место на политической арене. Борьба была такой же долгой и тяжелой, как заграничные войны фараона; она развернулась в полную силу после 9 года, когда Аменхотеп II закончил свою последнюю военную кампанию.

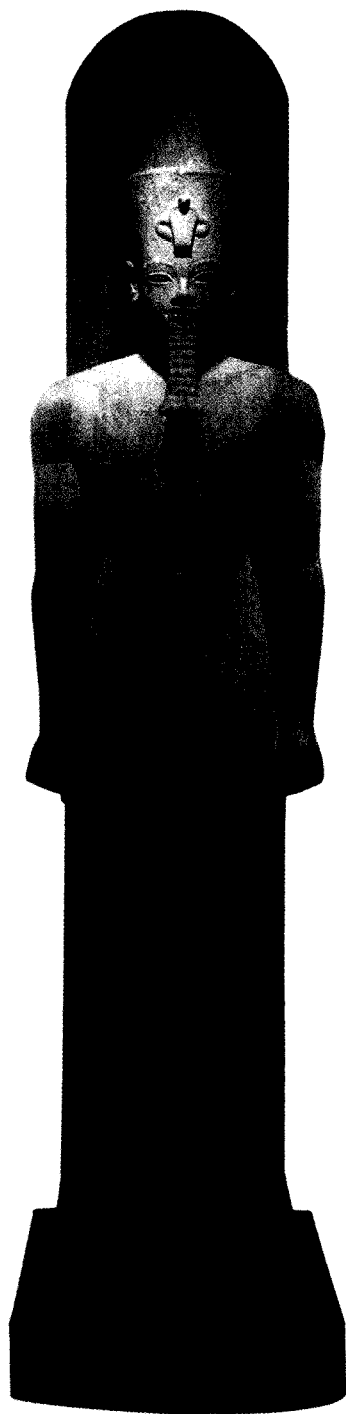
¹ Стела Аменхотепа II в Мемфисе. Цит. по Gardiner A.H. *Egypt of the Pharaohs*. London, 1961, p.202.

² Надпись Усерсатета. Цит. по Redford D.B. *Akhenaten the Heretic King*. Princeton, 1984, p.27.

³ Государственный переворот (фр.) — *Прим. ред.*

Различия в дани, подносимой севером и югом: два фрагмента настенных росписей из фиванской гробницы Себекхотепа (TT63), находящихся сейчас в Британском музее. Среди нубийских «подарков» — золотые кольца, лес, шкуры животных, экзотические животные. Сирийцы подносят искусно сделанные сосуды, рог с благовониями, а также ребенка-танцора (?).

Блистательное солнце Египта: статуя Аменхотепа III из красного кварцита, Луксор

ЦАРИ-СОЛНЦЕПОКЛОННИКИ

Новый мир

«Претензии Египта расширились. Фараон уже не был царствующим богом отдельного государства, он должен был занять место в ряду других царей мира... Но дух завоеваний, военных походов ... пропал. Египтяне устали от войны. Отныне им было достаточно лишь удерживать то, что они уже имели». Джон Пендлбери¹

Преемником Аменхотепа II был Тутмос IV, сын госпожи Тиаа, второстепенной жены, уроженки севера страны. Новый царь вззошел на трон, будучи еще юношей, и правил восемь лет или, возможно, больше. Его позиция в иерархии царских сыновей была неопределенной. Поскольку Аменхотеп II умер, не назначив соправителя, вполне возможно (и на это есть недвусмысленные намеки), что в действительности передача власти произошла не так уж гладко.

Но какие бы отклонения ни произошли тогда в процессе наследования, поворот царской политики от иностранных дел ко внутренним, случившийся в последние годы правления Аменхотепа II, должен был продолжиться — об этом говорит последовательное исчезновение воинственных надписей и увеличение количества и разнообразия административных органов сразу после начала политики мира.

Как и в начале любого правления, наиболее приоритетной задачей для Тутмоса IV было сохранение лояльности отдаленных доминионов. Однако все сводилось к пропаганде, а из военных достижений

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 4.

Царь Тутмос IV сидит рядом со своей матерью, недавно получившей титул «великой супруги царской». Диоритовая скульптура, обнаруженная французским египтологом Жоржем Легрэном в Карнаке.

нового фараона можно отметить разве что его краткий визит в сирийские владения. Дни активных завоеваний закончились, стабильность с этого времени гарантировалась редкими, ограниченными военными набегами, а также все увеличивающимся применением дипломатии.

Эта стратегия уже была опробована Аменхотепом II, когда он пытался сохранить мир путем переговоров с хеттами. Это произошло после окончания серии военных кампаний в девятый год его правления, поскольку он осознавал, что Египет не способен успешно колонизировать земли на таком расстоянии от дома. Тутмос IV тоже опасался увеличения мощи хеттов, и потому, чтобы предупредить разграбление египетских владений, он подписал договор о мире с Артатамой I, царем Митанни, согласно которому оба правителя надеялись сдержать хеттскую угрозу, и, разумеется, какое-то время им это удавалось. На этот договор есть ссылка в одном из амарнских писем (EA 29)¹, к тому же, мир был подтвержден отправкой митаннийской царевны в подарок царю Египта — это была первая из нескольких иностранок, которые в те годы были направлены, чтобы украсить собой двор фараона и его постель.

Беспокойства из-за жрецов

Длительное пребывание предшественников царей и их войск за пределами страны многим было на руку. Несмотря на официальные пропагандистские тексты, прославляющие сверхчеловеческую сущность царя и его безграничную доблесть на полях сражений, имеются намеки, что его авторитет дома был весьма ограниченным и постоянно расшатывался разными мелкими склоками внутри и вне системы управления Египта. Обстановка мира, созданная Тутмосом IV и его советниками была не только разумной, но и своевременной. Поскольку внимание фараона окончательно сфокусировалось на внутренних проблемах страны, он начал мстить за удары по царскому авторитету, нанесенные кощунственным междуцарствием Хатшепсут.

В процессе каждодневного управления египетским государством фараону помогали кабинет министров и прочие советники. Среди этих советников особо выделялись два везира — один по делам юга, другой по делам севера — которые были официально уполномочены надзирать за царскими урожаями, скотом, и, конечно же, за военными; наиболее известным из них был «царский сын Куша»², чьи успехи так обогащали страну. Некоторые из этих приближенных приходились царю дальними родственниками или даже учились вместе с ним, а их дочери

¹ Автор приводит инвентарный номер этой таблички в собрании Британского музея, Лондон. — *Прим. ред.*

² Титул царского наместника в Нубии, где еще при Тутмосе I была создана административная система по египетскому образцу. Лишь первые вельможи, носившие этот титул, по-видимому, действительно были царскими сыновьями. Эта гражданская должность просуществовала до конца правления XX династии. См. Белова Г.А. Египтяне в Нубии. М., 1988. — *Прим. ред.*

Голова статуэтки Амона в характерной короне с плоским верхом и двумя высокими соколиными перьями. Редкое раннее изображение фиванского бога. Волевые черты лица достались ему от фараона XII династии Аменемхета III, в период правления которого и была создана скульптура.

входили в состав его гарема¹. По крайней мере, на их лояльность можно было надеяться или даже рассчитывать.

Однако этого нельзя было сказать о жрецах древнего Египта, особенно о жрецах Амона, «сокровенного» Карнакского бога, а также его различных воплощений. Как мы уже говорили, восхождение этого бога к вершинам началось в период Среднего царства, с возрождением могущества Фив после изгнания гиксосов; тогда вззошла его звезда. Победа над азиатскими захватчиками и непрекращающаяся экспансия египетской власти и влияния в северных землях были официально поставлены в заслугу этому богу, его священному вмешательству и поддержке. Из этой пропаганды могущества Амона его последователи извлекли максимальную пользу. Карнак разросся до невероятных размеров, причем как физически (путем отгораживания стенами новых обширных участков земли, установки обелисков и статуй), так и в плане могущества и авторитета. Храм Амона, обслуживаемый огромными сельскохозяйственными угодьями, управляемый необъятным количеством бюрократов и имеющий в подчинении бесчисленное множество крепостных и рабов, существенно увеличил свое влияние в области судоходства, производства, добычи полезных ископаемых, и в других мирских делах. Цари Египта вели постоянную борьбу за то, чтобы держать под жестким контролем могущество вызывающих беспокойство жрецов Амона, создавших себе государство в государстве. Но это была очень трудная борьба — и, в конце концов, цари терпели поражение.

В течение столетий своей беспредельной славы Амон быстро продвигался к получению статуса главного бога Египта, а культы других божеств один за другим понижались в статусе, и это происходило еще быстрее под его всемогущественным владычеством. «Византийские» политические маневры верховного жреца Хатшепсута и его приближенных, результатом которых стало получение Хатшепсут верховной власти, тем не менее, обозначили вершину, выше которой влияние этого бога на царей XVIII династии не поднималось. Поддержка Амоном женщины-фараона явилась досадным просчетом — вторжением в чужие дела, которое наследники Тутмоса III не были готовы простить или забыть.

¹ В Древнем Египте никогда не существовало «гарема», как его принято себе представлять по культуре мусульманских стран. У каждой супруги царя был собственный дом, объединенный с другими в единый «женский дом» царя; этим огромным хозяйством руководили мать царя и великая супруга царская. — *Прим. ред.*

Ра и Амон

Несмотря на все успехи, жрецам Амона было нелегко добиться его доминирования на всей территории страны. Главным соперником этого бога в религиозных баталиях того времени был древний гелиопольский бог солнца — Ра, влияние и древнюю историю которого южане «признали» (поскольку не могли уничтожить)¹, изменив имя своего бога на составное «Амон-Ра» — солнечное воплощение Карнакского бога, в котором он все чаще восхвалялся. Это фиванское слияние двух главных божеств страны возникло в стремительные времена Среднего царства и, возможно, явилось результатом не столько религиозного, сколько политического соглашения, достигнутого в поисках возможностей для объединения двух древних и соперничающих народов Верхнего и Нижнего Египта под единым знаменем. Жрецы из Гелиополя, в свою очередь, смирились с победой конкурирующего культа, вобравшего в себя всех богов, включая Ра. Вряд ли стоит полагать, что древнее разделение на Север и Юг было преодолено; скорее, каждую из сторон это лишь ожесточило.

Естественно, сама царская семья не была свободна от региональных предрассудков, потому что состояла из выходцев и с Севера, и с Юга, и из всех промежуточных точек. Происхождение, несомненно, оказывало влияние на политико-религиозные пристрастия. Исходя из того, что Амон поддерживал Хатшепсут и эффективно подавлял Тутмоса III, отношения между царем и Амоном были напряженными; а с воцарением Тутмоса IV, северного царя, давление на южного бога начало увеличиваться.

Стела Сна

Симпатии сына Аменхотепа II от Тиаа, северной царицы, были предопределены еще в утробе. Наиболее раннее свидетельство этого можно обнаружить на одном из наиболее знаменитых египетских исторических документов — «Стеле Сна»: монументальной надписи, оставленной Тутмосом IV между лап Великого Сфинкса в Гизе.

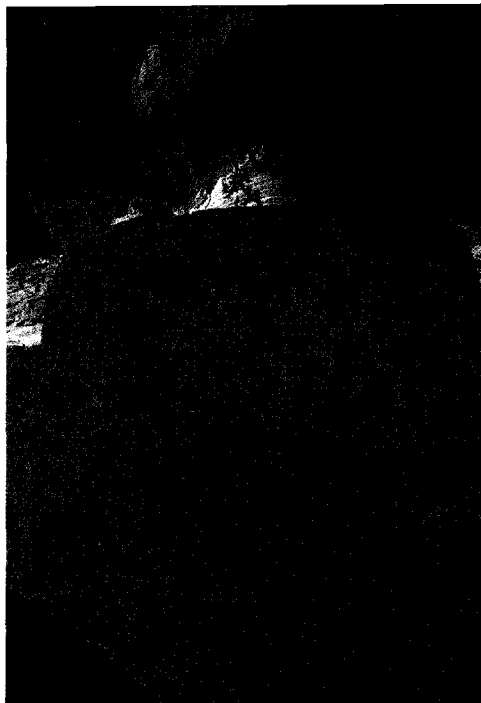
Этот текст показывает, как фараон, будучи еще юнцом, был избран в наследники своего отца не Амоном, но богом, которого, как тогда счи-

¹ Автор — сторонник порядком устаревшей концепции яркого противостояния основных теологических центров Египта, которого, скорее всего, не было. Если хоть какую-то конкуренцию за статус «государственного» бога еще можно проследить на древнеегипетских материалах, то право на глобальное «первенство» в принципе не укладывается в систему древнеегипетского религиозного сознания, в котором господствовала концепция о множественности подходов к единому. Автор, стремясь подтвердить свои гипотезы, неоправданно жестко, по западному, «осовременивает» куда более сложные и толерантные реалии древнеегипетского мировоззрения. Более объективная картина представлена в великолепной работе крупнейшего германского исследователя проблем древнеегипетского мировоззрения Яна Ассмана: Ассман Я. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999. — *Прим. ред.*

Монументальная стела Тутмоса IV между лапами Великого Сфинкса в Гизе. На ней описывается явление бога царю во сне: «Я — отец твой Хоремахет Хепри-Ра-Атум. Я дарую тебе царство мое... ибо я знаю, что ты — сын мой, мой спаситель».

тали, олицетворял Сфинкс — Хоремахетом («Хор в горизонте»). Соответствующая часть надписи гласит:

«В один из этих дней случилось так, что сын царский Тутмос прогуливался в полдень. Он отдыхал в тени этого Великого бога. Сон и дремота охватили его в тот момент, когда солнце было в зените. Обнаружил он Величество этого бога почтенного, говорящего своими собственными устами, подобно отцу, говорящему с сыном своим, сказавшего: «Взгляни на меня, посмотри на меня, сын мой Тутмос. Я — отец твой Хоремахет Хепри-Ра-Атум. Я дарую тебе царство мое [на земле моей во главе живущих]. Ты наденешь белую корону его (т.е. царства — В.С.) и красную корону его, на престоле Геба, наследник. Будет принадлежать тебе земля во всю ширь ее и во всю длину ее, все, что освещает Око Владыки всего сущего. Будут твоими приношения Обеих земель и дары великие всех стран иноземных, и срок жизни твоей [будет] великий годами. Лик мой принадлежит тебе, сердце мое принадлежит тебе, а ты — мне принадлежишь. [Вот, состояние мое подобно тому, кто пребывает в страдании и разрушены все члены мои]. Песок пустыни, на котором я должен быть, покрывает меня; ожидал я, чтобы сделать так, что исполнишь ты то, что в сердце моем, ибо я знаю, что ты — сын мой, мой спаситель. Приди! Вот я с тобой! Я — [советчик твой]»¹.

Характер надписи привел многих египтологов ко вполне справедливому выводу о том, что Тутмос IV обязан своим восхождением на трон не праву первородства, а политическому попустительству. По сути, «Стела Сна» показывает, что спор о правопреемстве был разрешен оракулом — такой же метод был использован для узаконивания власти Тутмоса III и Хатшепсут в предшествующие годы. Разумеется, Тутмос IV был не единственным претендентом на трон — Аменхотеп II, как мы знаем, оставил нескольких сыновей. И Тутмос III, и Аменхотеп II отказались от назначения какой-либо из своих жен на должность главной царицы из-за истории с Хатшепсут, поэтому иерархия царевичей могла быть весьма неопределенной.

¹ Перевод В.В. Солкина. См: Солкин В.В. Столпы небес. Сокровенный Египет. М., 2006, с. 214–216. — *Прим. ред.*

Далее «Стела Сна» ясно показывает нам, кто оказывал царю покровительство. Объявление о происхождении фараона от Атума, творца вселенной, и о том, что власть ему дал Хоремахет (бог, которого все больше отождествляли с Ра-Хорахте, и который теперь получал статус главного и самостоятельного солнечного божества), бесспорно, говорит нам о том, что силой, поддержавшей кандидатуру Тутмоса IV, было жречество Гелиополя. Это впечатление усиливается, если сравнить данный памятник со стелой, установленной на том же месте Аменхотепом II: на ней подтверждается его происхождение от шести богов и всемогущество фиванского Амона. А здесь, на «Стеле Сна» Тутмоса IV, Амон даже не упоминается.

В этом тексте содержится фундаментальное изменение. С воцарением Тутмоса IV лидирующие позиции заняли жрецы Гелиополя, а восхваления фиванскому Амону сделались пустыми словами. Внимательное изучение титулов и карьер чиновников времен правления Тутмоса IV и Аменхотепа III подтверждает данный вывод: ключевые управленческие должности уже не находились в руках жрецов Амона; они перешли к более зависимым людям. И, что более важно, к людям северного происхождения, включая царского наместника в Нубии и других военных.

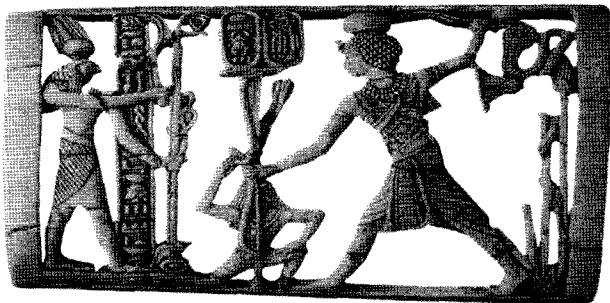
Поощрение солнцепоклонничества

Во времена Древнего царства, за полтора тысячелетия до Нового царства, божественность царя была всеми признаваемой реальностью, а его роль в надлежащем порядке вещей — непоколебимой. Однако с тех пор цари совершали ошибки столь часто, что теперь их образ потускнел. История с Хатшепсут, при которой амбициозные жрецы вмешивались в дела государства, не сделала ничего, чтобы восстановить былое сияние.

Определенные слои египетского общества, по понятным причинам заинтересованные в возвращении светской власти¹, явно желали повернуть колесо истории вспять. Среди них были ключевые фигуры из гелиопольского жречества, имена которых не сохранились. Опасаясь повторного установления монархии, основанной на теологическом фундаменте, они преследовали цель вернуться к ценностям незамутненной древности, когда богоподобный статус царя был неоспорим, а главной силой на небесах был Ра — солнечное божество, во славу которого создавались пирамиды — величайшее достижение Египта. Они стремились к тому, чтобы никакой правитель не мог быть лишен законной власти, поскольку видели, как перед этим власть медленно, но верно ускользала из рук правителей.

¹ Власть египетского царя никогда не могла быть «светской». Признавая или же отвергая влияние Карнака, следует учитывать, что царь в Древнем Египте — это «живой бог», воплощение Хора на земле и верховный жрец государства. Его власть априори священна и лишь отчасти включает в себя тот элемент, который мы сегодня можем очень условно назвать «светским». — *Прим. ред.*

Фрагмент ажурного браслета, вырезанный из цельного куска слоновьего бивня. Тутмос IV в коротком «нубийском» парике, увенчанном солнечным диском, поражает пленного азиата кривым мечом «хепеш» перед лицом бога войны Монту.

Восхождение Тутмоса IV на трон было решающим моментом, ознаменовавшим явный рост интереса царя к солнечному культу. Свидетельства этого имеются не только в центре культа Ра, Гелиополе, но и в Гизе, в чем мы уже могли убедиться. Даже на юге, в Карнаке, личная приверженность царя богу солнца была отмечена установкой огромного обелиска (в наши дни стоящего перед собором Св. Иоанна на площади Латеран в Риме), создание которого началось при Тутмосе III, но оставалось незавершенным в течение нескольких десятилетий. Однако влияние Гелиополя наиболее ясно видно в том, что сам Тутмос IV отождествлялся с богом солнца. Впервые мы видим, как при жизни фараон носит особое, состоящее из бусин, ожерелье шебиу и золотые браслеты, ранее встречавшиеся только в контексте царского погребения, а временами изображается с диском бога-солнца на голове (например, на браслете из слоновой кости, найденном немецкой экспедицией в эль-Амарне).

Наиболее значимым изменением было, однако, начавшееся в это время смещение акцентов в сторону «нового» высокочтимого воплощения солнца — Атона. Первоначально Атон был не самостоятельным богом, а наиболее доступным для органов чувств воплощением Ра, «видимым телом» бога солнца, состоящим из энергии света. С самого начала правления Аменхотепа II эта «сила» изредка изображалась в виде диска, протягивающего пару рук. После воцарения Аменхотепа IV-Эхнатона такие изображения станут обычными, Атона начнут изображать со множеством лучей-рук, протягивающих знак «жизни» царю и его семье — и лишь только им.

Скарабей Атона

Важным документом, связанным с этими новыми солнечными верованиями, является большой скарабей, амулет в форме жука, хранящийся сейчас в Британском музее. На нем впервые в явной форме выражено отношение к Атону как к независимому воплощению солнечного божества. Скарабеи были одними из самых популярных защитных талисманов в Египте и сами по себе символизировали солнце. Как жук откладывает яйца в навозный шарик и катит его по земле, так и солнце совершает свой путь по небу; а когда из яйца появляются личинки, то кажется, дополняя

Большой скарабей Тутмоса IV с 8 колонками иероглифического текста, повествующего о приеме митаннийской дани — или даже о прибытии принцессы из этой страны со свитой. В последнем предложении говорится, что иноземцы «попадают под власть Атона навеки».

метафору, что новая жизнь произошла из неживой материи.

Текст, написанный на плоском основании скарабея, упорядоченный в вертикальные колонки, говорит о следующем:

«Князья Нахарины [Митанни], держащие свои дары, узрели Менхепура [Тутмоса IV], выходящего из своего дворца. Услышали они голос его, подобный голосу сына Нут; лук в его руке был как у сына наследника Шу¹. Если пробудится он к битве, [будет] Атон перед ним, уничтожит он горные страны, растопчет пустынные страны, достигнув пределов Нахарины и Карои², чтобы сделать обитателей стран чужеземных подвластными Атону в вечности»³.

Подлинность текста неоднократно подвергалась сомнению; однако, несмотря на текстовые особенности, нет практически никаких сомнений, что это древняя вещь, и что следы повторного нанесения надписей отсутствуют. Этот скарабей является необычным предшественником так называемых «памятных скарабеев», выпущенных несколькими сериями при Аменхотепе III и, позднее, при его сыне Аменхотепе IV-Эхнатоне, предположительно для награждения придворных и придания известности определенным событиям эпохи. Хотя надпись, вероятно, посвящена приему митаннийской дани по завершении «кампаний» Тутмоса IV в северных регионах империи в ранние годы правления, она также может говорить о прибытии ко двору царевичей из этой страны. Ее действительная значимость для нас состоит в том, что Атона, только что получившего независимость, впервые упоминают в связи с международными отношениями. При следующем царе такие упоминания солнечного диска увеличатся по числу и значимости: в гробнице архитекторов Сути и Хори это уже полностью самостоятельный бог, а также, что более значимо, воплощение правящего монарха.

Атон — универсальный бог

Из-за огромного наплыва иноземных рабов, торговцев и знатных людей, случившегося во времена XVIII династии, Египет стал многона-

¹ «Сын Нут», «сын наследника Шу» — здесь: Сетх, с которым, как с богом войны, сравнивается царь. — *Прим. пер.*

² Карои — область в Нубии, район Напаты. — *Прим. ред.*

³ Перевод В.В. Солкина. — *Прим. ред.*

циональной страной. Настороженность египтян по отношению к иноземцам, вызванная 150-летним правлением гиксосов и более ранними событиями, постепенно пошла на спад. Со временем, многие из них вступили в браки с коренными жителями и начали стремиться к интеграции в египетское общество. Один из них, Апер-эль, во времена Аменхотепа III и Аменхотепа IV-Эхнатона достиг беспрецедентных головокружительных высот, получив должность везира севера. Иноземцы оказали влияние на культуру, искусство, язык Египта, а также привнесли туда свои верования: культы Баала, Астарты и Решепа.

Официальным божеством Египетской империи по-прежнему оставался Амон-Ра, своеобразный царь богов, составное божество, сочетавшее в себе главные культовые традиции севера и юга страны; но его первенство начало исчезать вместе с возрождением Гелиополя. Как Амон, так и Ра были чисто египетскими божествами, и они в эти новые интернациональные времена уступали дорогу богу, не связанному ни с одной конкретной местностью. С ростом популярности солнцепоклонничества, Атон начинает вносить все больший вклад в диалог разных стран: как универсальный символ, видимый во всех странах, он, очевидно, считался более подходящим выражением «имперской» силы, с которым царь сливался в единое существо в момент смерти. Придание Атону статуса нового, универсального бога империи, пусть даже в виде эксперимента, означало усиление власти царя.

Смерть и погребение Тутмоса IV, восхождение на трон Аменхотепа III

Тутмос IV умер неожиданно, задолго до того как смог бы отметить свое первое «празднество Сед», то есть 30-летний юбилей; и — как считается — еще до того, как его наследник достиг возраста, необходимого, чтобы стать соправителем. Благодаря умелой политике Тутмоса IV, его сын получил в наследство «великое царство»: несравненно богатую страну со стабильной системой государственного управления, границы которой простирались от Сирии на севере до четвертого порога Нила на юге, и даже дальше.

Преемником стал Аменхотеп III, он был старшим из выживших царских отпрысков мужского пола и был рожден второстепенной женой по имени Мутемуйя. Как и Тиаа до нее, Мутемуйя, похоже, не имела статуса «великой супруги царской» до самого вступления на престол ее сына. Молодой царевич изображен ребенком вместе со своим воспитателем Хекаэрнехехом в известной сцене из фиванской гробницы этого воспитателя — TT64¹. (Отец Хекаэрнехеха, Хекарешу, был, в свою очередь, воспитателем отца Аменхотепа III, Тутмоса IV).

¹ См. Солкин В.В., Ларченко В.Н. Аменхотеп III: личность, эпоха и «стиль» цивилизации // Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 64. — *Прим. ред.*

Фараон Аменхотеп III «Великолепный», отец Эхнатона: фрагмент рельефа на известняке из гробницы царского писца Хазмхета, по прозвищу Маху, в Фивах (ТТ57). Царь изображен в шебиу — ожерелье из больших золотых бусин — что свидетельствует о том, что он стал солнечным божеством.

Гробница, в которой Аменхотеп III упокоил своего отца, была достаточно большой и впечатляющей. В современном реестре гробниц Долины царей она значится под номером KV43. В 1903 году вход в нее обнаружил Говард Картер, служивший в то время главным инспектором по древностям Верхнего Египта. Оказалось, что эта скудно декорированная, но просторная и хорошо вырубленная гробница усыпана обломками погребальных принадлежностей фараона. Синие фаянсовые фигурки ушебти (статуэтки слуг для загробного мира), амулеты, деревянные статуи божеств, обильно покрытые черной смолой, деревянные ящики, фрагменты мебели, тканей, посуды из фаянса, стекла и камня, были разбросаны по полу погребальной камеры и четырех вспомогательных камер. Среди военных принадлежностей царя выделялась искусно украшенная деревянная колесница¹. Согласно надписи, сделанной чернилами на стене вестибюля перед погребальной камерой, царское захоронение планировали восстановить во времена правления Хoremхеба, и работа была поручена двоим людям: казначею Майя и его помощнику Тутмосу, следы деятельности которых Картер впоследствии обнаружит в гробнице Тутанхамона.

Ко времени прихода Картера, мумии самого Тутмоса IV там давно уже не было: пережив ограбление, в конце эпохи Нового царства она была перемещена в новое укромное место. Эта мумия, лишенная драгоценностей, заново обернутая и небрежно уложенная в новый гроб, случайно была обнаружена в 1898 году в гробнице Аменхотепа II (KV35), в так называемом «тайнике», где были спрятаны сразу несколько царских тел.

Погребение царя было мрачным и продолжительным действием, таинственной процедурой со сложными ритуалами преобразования тела и духа. Она включала в себя традиционные 70 дней церемоний мумификации, во время которых сложные принадлежности погребального ритуала готовились и устанавливались внутри гробницы. Что происходило с этими вещами после решающего момента перехода в иной мир, похоже, мало кого волновало, судя по истории многих гробниц Долины: механизмы выполнили свое предназначение и отправили бога по его пути. После отправления последних ритуалов, когда молодой наследник, Аменхотеп III, совершил церемонию «Отверзания уст» царя-Осируса при помощи ритуального тесла, он мог официально занять трон вместо своего отца.

¹ См. Матье М.Э. Искусство Древнего Египта. Новое царство. XVI–XV века. Л., 1947, табл. LIII, LV. — Прим. ред.

Божественное рождение

В первые годы правления Аменхотепа III сохранялась прежняя традиция изображать фараона как сверхчеловеческого воина-атлета. «Но вскоре, — как пишет Пендлбери, — его охватила лень, которая свойственна восточным людям царских кровей»¹. С тех пор — или, как мог бы сказать сам царь, в эти более утонченные времена — особое значение стало уделяться связи фараона с богами, и особенно его тождеству с верховным творцом, богом солнца Ра.

Однако, несмотря на продолжающийся рост влияния Гелиополя, теологической основой царствования Аменхотепа III было происхождение царя от Амона (как и в случае с Хатшепсут) — об этом говорят рельефы на стенах Луксорского храма. Эти рельефы показывают, как царскую мать Мутемуйю ночью посетило божество, и будущий царь был зачат. Сопроводительные тексты детально описывают эту встречу:

«Когда принял он облик Величества этого супруга, царя Верхнего и Нижнего Египта Менхепрура [Тутмоса IV], которому дана жизнь, нашел он ее [Мутемуйю], когда отдыхала она в красоте своего дворца. Проснувшись она из-за аромата бога и воскликнула перед Его Величеством. Он направился прямо к ней... сделав так, что она видела его в облике бога... Возликовала она при виде его красоты и любовь к нему охватила члены ее. Был наполнен дворец ароматом бога; все благоухание его было благоуханием Пунта.

Слова, сказанные Мутемуйей перед Величеством этого бога священного, Амона-Ра, Владыки престолов обеих Земель: «Как велика сила твоя!.. Влага твоя пропитала все члены мои». И тогда Величество этого бога сделало с ней все, что пожелало. Слова, сказанные Амоном-Ра, Владыкой престолов обеих Земель, перед ней: «Аменхотеп, властитель Фив — имя этого младенца, которого поместил я в тело твое... Будет он царем благодетельным во всей стране этой.... Будет он править обоими Землями, подобно Ра, в вечности!»²

Почему вновь возникло повышенное внимание к Амону, если мы определили, что предшественники Аменхотепа III намеренно дистанцировались от Карнакского культа? В двух словах можно сказать так: времена изменились. Политические амбиции Амона были обузданы³, его

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 6.

² Перевод В.В. Солкина. Полностью тексты маммизи Луксорского храма см. в издании: Brunner H., Die Geburt des Gottkönigs. Wiesbaden, 1986. — *Прим. ред.*

³ Скорее речь шла о том, что жречество Амона в лице Птахмеса (который был одновременно еще и градоначальником Фив и везиром), получило достойное место в т.н. «регентском совете», который возглавляла царица Мутемуйя. Аменхотеп III взошел на престол в возрасте 8–10 лет и «регентский совет», видимо, управлял царством вплоть до 11 года его правления, вплоть до смерти царицы-матери. См. Солкин В.В., Ларченко В.Н. Аменхотеп III: личность, эпоха и «стиль» цивилизации // Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 64–66. — *Прим. ред.*

жрецы больше не претендовали на статус «надзирающих за жрецами Верхнего и Нижнего Египта» или на другие важные позиции в управлении египетским государством, а Птахмес — человек царя, северянин, бывший ранее везиром юга — теперь контролировал храм Амона, занимая должность верховного жреца. Утверждение о покровительстве Амона давало возможность повысить авторитет царя как божества. Более того, космологические теории тех лет утверждали, что Фивы являются центром египетской вселенной; очевидно, само место было столь же важно, как и его бог.

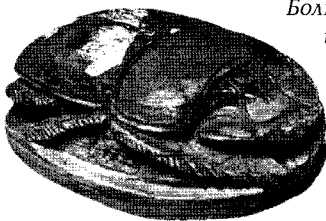
Брачный скарабей

После смерти Тутмоса IV сложилась такая же ситуация, как после смерти его отца и как, в дальнейшем, при воцарении Тутанхатона (Тутанхамона): поскольку фараон все еще был ребенком, бразды правления оставались в руках других людей. Нигде напрямую не указывается, кем были эти контролирующие силы, но намеки имеются. Одними из таких людей, очевидно, были тесть и теща юного царя.

Заметным событием времен правления Аменхотепа III был выпуск серии больших памятных скарабеев, аналогичных тому, который до этого был выпущен Тутмосом IV, чтобы отметить его сирийский «триумф». Скорее всего, они изготавливались именно в те годы, которые на них написаны, хотя и в разных мастерских. Однако некоторые египтологи утверждают, что все серии выпустили одновременно, после 11 года правления, чтобы отметить сразу все достижения первого десятилетия царя. Как мы узнаём из первых таких документов, ко 2 году правления молодой Аменхотеп III сделал «великой супругой царской» девушку нецарского происхождения — Тейе, дочь человека по имени Иуйя и его жены Туий, чьи владения располагались в Ахмиме, в 160 км к северу от Фив.

Публичное заявление о таком браке было беспрецедентным, и похоже, что внимание египтологов к нему никогда не ослабеет. Текст на скарабее гласит:

«Да живет Хор: бык могучий, Воссиявший в Истине, Обе владычицы: Утверждающий законы, Умиротворяющий обе Земли, Золотой Хор: Великий отвагой, повергающий азиатов, царь Верхнего и Нижнего Египта: Небмаатра, Сын Ра:

Большой и хорошо сохранившийся скарабей из стеатита, покрытого синей глазурью.

Основание надписано десятью рядами иероглифов, говорящих о существовании Тейе, главной супруги Аменхотепа III. Удивительно, что родители Тейе — Иуйя и Туий — также упомянуты, что говорит об их огромном влиянии при дворе.

Аменхотеп, властитель Фив, которому дана жизнь! Великая супруга царская Тейе, да живет она! Имя отца ее — Иуйя, имя матери ее — Туия. Она супруга царя могучего — южная граница его в Карои, северная граница его — в Нахарине»¹.

Выпуск этого так называемого «Брачного скарабея»² показывает, что по своему положению Иуйя и Туия могли быть не простыми подданными, а очень влиятельными особами Египта того времени; и мы можем заключить, что объявить о своей поддержке нового режима в наиболее доступной публичной форме было в интересах этих помощников юного царя. Этот вывод находит подтверждение в том факте, что на скарабеях другого выпуска, объявляющих о женитьбе царя на митаннийской царевне Гилухеппе на 10-м году правления, родители Тейе еще раз особо упомянуты, причем совершенно не к месту. Этим заявлялось, что какую бы второстепенную жену ни решил взять себе царь, влияние Тейе и ее семьи останется неизменным.

Гробница Иуйи и Туии

Немецкий ученый Ханс Вольфганг Хельк давно предположил, что нейтрализация египетского жречества, как минимум частичная, была достигнута увеличением внимания царя к военным — той части общества, которая, можно полагать, была не в восторге от амбиций жрецов. Одной из ключевых фигур в среде военных, как мы теперь понимаем, был Иуйя. До 1905 года ученые знали о тесте фараона не намного больше, чем пустые фразы с двух вышеупомянутых скарабеев. Но затем, в феврале этого года, американский археолог Теодор М. Дэвис³ случайно обнаружил гробницу этого человека и его жены, когда проводил серию раскопок в Долине царей. Это была необычайная находка, как писал своей жене представитель египетского правительства, египтолог Артур Вейгалл:

«Несколько мгновений мы практически ничего не могли увидеть, но когда наши глаза привыкли к свету свечей, мы увидели место, которое, я могу это точно утверждать, никто из ныне живущих никогда не видел. Погребальная камера была достаточно большая, грубо вырубленная. В центре помещения стояло два огромных деревянных саркофага, инкрустированных золотом. Крышки были открыты грабителями [в древности], а внутри гробов царил беспорядок, так что две мумии лежали ничем не

¹ Перевод В.В. Солкина. См. Солкин В.В., Ларченко В.Н. Аменхотеп III: личность, эпоха и «стиль» цивилизации // Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 71–73. — *Прим. ред.*

² На самом деле эти т.н. «брачные скарабеи» Аменхотепа III достаточно многочисленны. — *Прим. ред.*

³ Американский магнат Теодор Дэвис был лишь спонсором экспедиции; работая на его средства, гробницу Иуйи и Туии обнаружил археолог Джеймс Куибелл. — *Прим. ред.*

Отлично сохранившиеся лица мумий Иуйи (слева) и Туи (справа) — родителей Теи, Анена и, возможно, Эйе; влиятельные тесть и теща фараона Аменхотепа III. Их богато обустроенная гробница (KV46) в Долине царей была обнаружена Теодором Дэвисом в 1905 году.

защищенные... Вокруг саркофагов, иногда достигая потолка, были свалены в кучу стулья, стол, кровати, вазы и тому подобное — все в отличном состоянии... В одном из углов лежала большая колесница, хорошо сохранившаяся, по чистоте сравнимая с лондонскими двуколками; а рядом с ней — массивный остов кровати из дерева с инкрустациями, что-то вроде Чиппендейла¹. Далее, там имелась группа ваз, восхитительно расписанных множеством золотых и серебряных фигур. В другом углу стояли какие-то сосуды с вином, их крышки были завязаны веревками; а среди них стоял большой алебастровый кувшин, наполненный медом — все еще жидким... Комната выглядела так, как выглядит лондонская гостиная, когда люди уезжают на лето и запирают ее. Но с тем пугающим отличием, что все там было в стиле 34-вековой давности...

[Гастон] Масперо, Дэвис и я стояли там какое-то время с раскрытыми ртами в чуть ли не священном трепете — думаю, мы все почувствовали, что встретились лицом к лицу с чем-то, что переворачивает все представления человека о пространстве и времени. Затем мы набросились на эти вещи и прочли имена принца Ауаи [Иуйя] и его жены Туайе [Туйя] — знаменитых родителей царицы Ти [Теи]. Они были так хорошо известны и так часто обсуждались, что казались нам старыми друзьями... Но никто не ожидал увидеть их вот так, лицом к лицу ... [Туйя] с сохранившейся прической и в элегантной одежде, и ... [Иуйя] с мирно закрытыми глазами и слегка приоткрытым ртом»².

Гробница, которая получила номер KV46, была самой эффектной находкой, сделанной в Долине царей до Тутанхамона. Она пережила нечто большее, чем просто ограбление: три тысячи лет назад в нее зашли рабочие, вырубавшие соседнюю гробницу KV3 для сына Рамсеса III. Злоумышленники времен Рамсеса попросту разграбили свою наход-

¹ Стиль английской мебели XVIII в. — *Прим. ред.*

² Weigall A., цит. по Hackney J., KMT 9/2 (summer, 1998), pp. 42—43.

ку, тайком вынося оттуда металлы, ценности и прочие, пользующиеся наибольшим спросом, мирские вещи, такие как покрывала и пелены. Они могли унести и принадлежащие мертвой чете благовония и масла, потому что крышки емкостей с маслами были грубо сорваны. Но этого не случилось, поскольку содержимое оказалось прогорклым.

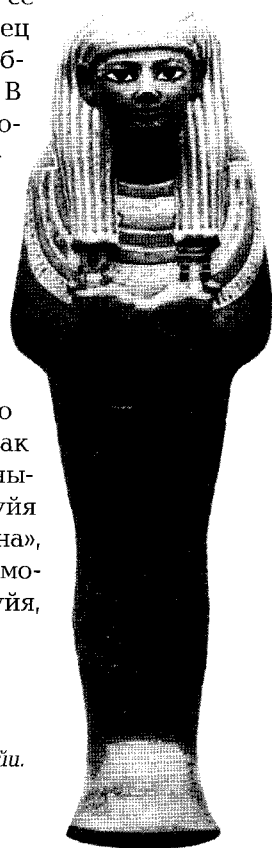
Несмотря на эти кражи, в гробнице оставалось еще много ценностей, и она внесла огромный вклад в прославление и более подробное изучение жизни двора времен XVIII династии. Хотя в дальнейшем гробница Тутанхамона еще больше потрясет археологов, останки Иуйи и Туйи по-прежнему остаются наиболее хорошо сохранившимися мумиями из тех, что когда-либо были найдены.

Тесть и теща царя

У захоронения, обнаруженного командой Дэвиса, имеется одна загадочная особенность. Множество вариантов произношения имени, как это было в случае с Иуйей, обычно указывает на иноземное происхождение носителя, и, по мнению некоторых, эта версия подтверждается поразительными чертами мумии (об этом позже). Однако мы знаем о связях семьи с городом Ахмим в Среднем Египте, где Ией, предполагаемый отец Иуйи, занимал такую же должность; кажется невероятным, что этот человек мог не быть коренным египтянином — хотя, в принципе, семья могла иметь иноземные корни. Главный титул Иуйи был «отец бога» — этим загадочным титулом с непонятным значением обладали несколько высших чиновников времен XVIII династии. В случае с Иуйей, это, конечно же, могло пониматься буквально, поскольку он был тестем царя; однако в отношении других, включая Иея, трудно утверждать, что в силу своего возраста или должности (например, царского воспитателя или советника) они могли претендовать на особые отношения с фараоном.

Остальные титулы Иуйи разделяются на две группы. Первые связаны с его жреческими обязанностями в собственном городе — «жрец Мина» и «начальник скота Мина, повелителя Ахмима». Вторые отражают его управленческую роль при дворе — «начальник лошадей» и «командир боевых колесниц Его Величества». Причем эти титулы периодически используются как доказательство того, что предки Иуйи были высокопоставленными сирийскими *марианну* (колесничими воинами). Титулами Туйи были: «мать великой супруги царской», «госпожа из гарема Мина», «глава музыкантш Мина», «певица Амона», «глава музыкантш Амона», а также «певица Хатхор». В отличие от своего супруга, Туйя, судя по облику мумии, была коренной египтянкой.

Превосходно вырезанная из дерева фигурка ушебти, одна из находок Теодора Дэвиса в 1905 году — магическое изображение, которое в загробном мире выполняло бы, при необходимости, сельскохозяйственную работу вместо Иуйи.

У Иуйи и Туии имелись и другие дети помимо Тейе, в том числе сын Анен, упоминаемый дважды на гробах матери. Анен занимал важную должность верховного жреца Ра в Фивах, как написано на его большой, впечатляющей статуе в жреческих одеяниях (возможно, первоначально она была установлена в заупокойном храме Аменхотепа III в Комзль-Хеттане). Надпись гласит:

«Наследный князь и вельможа, носитель печати царя Нижнего Египта, близкий к своему господину, возлюбленный в доме царском, почитаемый и уважаемый во дворце, отец бога, чистый руками, жрец-чтец, знающий движения небес, Великий Видящий Большого дома, жрец сем Южного Гелиополя [т.е. Фив], подносящий жертвы в места их, умиротворяющий богов своим голосом, второй жрец Амона, Анен правогласный»¹.

Вклад Анена в предстоящие события неясен, но, вероятно, значителен. К сожалению, в настоящий момент мы знаем об этом и о других его свершениях очень мало, имея в распоряжении лишь один исторический памятник — разрушенную гробницу в Фивах (TT120), где после смерти он обрел свой вечный дом.

Наиболее значимым был, однако, человек, которого считают третьим ребенком Иуйи и Туии — военный офицер Эйе. Он, как и Анен, унаследует от Иуйи титул «отец бога», а затем и его политическое влияние, все до последней капли.

Все жёны царя

«Скажите царю, моему повелителю, моему богу, моему Солнцу: Послание от Шатии, правителя Энишаси, твоего слуги, пыли под ногами царя, моего господина... С этим я посылаю свою дочь во дворец, к царю, моему повелителю, моему богу, моему Солнцу»².

Мумии Иуйи и Туии — это не единственные человеческие останки, дошедшие до нас от времени правления Аменхотепа III. Мумия самого фараона также сохранилась. Как и мумия Тутмоса IV, она была найдена во «втором тайнике», в гробнице Аменхотепа II (KV35) в 1898 году, хотя и в ужасном состоянии: сломанная, повторно замотанная, по-

¹ Перевод В.В. Солкина. См. Брайан Б.М. Аменхотеп III и мемфисская теология // Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 171. — Прим. ред.

² Амарнское письмо EA 187.

Мумия так называемой «Старшей дамы», обнаруженная в одной из боковых камер гробницы Аменхотепа II в 1898 году. В настоящее время точно установлено, что это — царица Тейе.

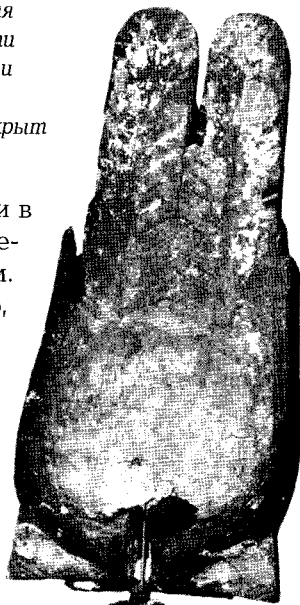

Царица Тейе в поздние годы своей жизни: маленькая, превосходно вырезанная из дерева голова, найденная в Ком Мединет Гуроб. Головной убор в древности был заменен — возможно, в связи с изменением статуса царицы после смерти Аменхотепа III. Были добавлены двойные перья «шуты» и солнечный диск, обрамленный рогами; изначальный серебряный головной убор «хат» был покрыт куском льна, пропитанным гипсом.

мещенная в новый, скромный гроб, исписанная пометками в процессе нескольких перемещений из одного потайного места в другое. Смерть не стала для Аменхотепа III упокоением. И царские женщины, которых у него в жизни было много, вряд ли смогли бы узнать его в таком виде.

Тело Тейе, дочери Иуйи и Туйи, главной жены Аменхотепа III, также находилось среди тел во втором царском тайнике. Поначалу эту хорошо сохранившуюся, почти красивую мумию называли «Старшая дама»¹. Основанием для идентификации ее с Тейе послужило изучение черепа. Команда, возглавляемая американским ортодонтом и специалистом по мумиям Джеймсом Е. Харрисом, установила, что ее череп имеет такую же форму, как у Туйи. Также помогло сравнение ее все еще раскинутых рыжих локонов с образцом ее же волос, найденным в гробнице Тутанхамона. Эта идентификация была впоследствии поставлена под сомнение, и возможно, что когда-нибудь в будущем новые исследования смогут пролить свет на этот вопрос.

Положение Тейе в период правления ее мужа было непоколебимым. Ее продолжили восславлять и после смерти Аменхотепа III в течение более десяти лет правления ее сына, Аменхотепа IV-Эхнатона. Впервые в египетской истории имя царицы стало неотъемлемой частью царского титула, что создало значимый прецедент для будущего. Где бы ни упоминался Аменхотеп III, Тейе в обязательном порядке упоминалась тоже, даже на самых незначительных предметах, в том числе на фаянсовых сосудах с кхолом — краской для век, которые в дни праздников бросались, подобно конфетти, в ликующую толпу вместе с другими дешевыми и яркими вещицами. Также, подобно самому Аменхотепу III, царица была обожествлена, наиболее часто — как солнечная богиня Хатхор, божественная спутница царя, но иногда и в других обликах.

¹ Множество фотографий этой удивительно красивой мумии сохранилось в архиве Виктора Лоре, археолога, нашедшего царские тела в гробнице Аменхотепа II. См. Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 94. В 2010 году было проведено полноценное исследование ДНК нескольких царских мумий из KV35, в результате которого было доказано, что описываемая мумия — это царица Тейе. См. Hawass Z. et al. Ancestry and Pathology in King Tutankhamun's Family // The Journal of the American Medical Association, Vol. 303, no. 7 (2010), p.644 — *Прим. peg.*

Подчеркивая такой экстраординарный статус Тейе, «партия» Аменхотепа III, очевидно, преследовала определенную цель: сделать божественность царской семьи неоспоримым фактом. Следующий фараон будет стремиться к тому же, причем более открыто. Таким образом, происходил возврат к той политике, которая ранее была отвергнута в память об узурпации власти царицей Хатшепсут. Зачем такие перемены? Как это часто бывает с Древним Египтом, события были гораздо сложнее, чем мы можем себе представить. Но учитывая молодость Аменхотепа III, и понимая, кто мог быть заинтересован в этих изменениях, вполне логичным становится предположение о влиянии Иуйи и его семьи.

Несмотря на свою власть, Тейе, похоже, никак не противодействовала очевидному пристрастию Аменхотепа III к женской плоти (был ли у него интерес к мужчинам, мы не знаем). У царя имелось несколько других, второстепенных жен. Их число известно из редко встречающихся упоминаний в официальных текстах того времени; и среди них были его дочери Сатамон и Исида, которые, именно в таком порядке, исполняли роль «великой супруги царской» в конце его правления. Также, разумеется, имелось несколько иноземных царевен, многие из которых упоминались в международной дипломатической переписке: сестра и дочь Кадашман-Энлиля, царя Вавилона; ранее упоминавшаяся дочь митаннийского царя Шуттарны II Гилухеппа, прибывшая в Египет в сопровождении 317 служанок; Тадухеппа, дочь преемника Шуттарны II, Тушратты, которую сопровождали 270 служанок и 30 слуг, и за которую царь отправил выкуп в золотых и серебряных слитках и другие подарки; и наконец, безымянная дочь Тархундараду, царя Арцавы в западной Анатолии. Эти женщины ненадолго появляются на исторической сцене, а затем вдруг исчезают (вероятно, скрываясь за новыми египетскими именами), навеки заключенные в сумрачный мир царского гарема.

В одном из амарнских писем (EA1) фараон сам упоминает о беспокойстве Кадашман-Энлиля, царя Вавилонии, за судьбу одной из своих «пропавших» женщин — его сестры:

«...Воистину я получил послание, которое ты написал мне относительно ее, а именно: «Ты действительно желаешь мою дочь для брака, хотя моя сестра, которую мой отец дал тебе, находится с тобой, но ни один еще не видел ее, жива она или умерла... Если бы твоя сестра умерла, зачем было бы кому-то скрывать ее кончину?»¹

На самом деле, иноземных царевен ожидала необычайная роскошь и уважение — об этом стало известно благодаря открытию, сделанному египетскими местными жителями в 1916 году среди фиванских скал. Они нашли нетронутую, хотя и сильно пострадавшую от наводнения, гробницу, принадлежащую трем второстепенным сирийским женам

¹ Амарнское письмо EA 1. Перевод И.А. Стучевского. См. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987, с. 63. — *Прим. ред.*

фараона Тутмоса III: Менхет, Менуи и Мерти (последнее имя, что интересно, является ранней версией имени «Марта»). Все три были величественно захоронены, с массой золотых и серебряных украшений, посуды, косметических принадлежностей и других безделушек из различных дорогих материалов. Если то, как их баловали после смерти, отражает ту роскошь, которой они наслаждались при жизни, беспокойство Кадашман-Энлиля, разумеется, было безосновательным.

Разумеется, царским женщинам приходилось исполнять различные формализованные ритуальные роли. Однако другой, и вряд ли менее важной, функцией было доставлять царю сексуальное удовлетворение. Поэтому можно предположить, что от них требовалось иметь нечто большее, чем хороший вкус. Некоторые из царских наложниц известны по фигуркам ушебти и по группе фрагментов канопа, которые были безжалостно выброшены в процессе очистки гробниц фиванского некрополя, происходившей во времена позднего Нового царства. Их обнаружили местные копатели на рубеже веков, а тексты впервые опубликовал французский египтолог Жорж Легрэн в 1903 и 1904 годах. Надписи на сосудах проливают яркий свет на широту сексуальных вкусов и наклонностей фараона — об этом одновременно, и независимо друг от друга, написали Джон Р. Харрис (который очень любезно разрешил мне сослаться здесь на его сведения) и канадский египтолог Николас Миллет. Работа Харриса подробно показывает, приводя семь примеров из этих надписей, в каких явных выражениях там описаны сексуальные характеристики и «умения», требовавшиеся от обитательниц гарема. Сюда входили: самое заурядное «неумеренное сексуальное рвение» (госпожа Таусерт), садомазохизм (леди Сати, названная «госпожа-плётка»), а также, возможно, немного эротических танцев, подаваемых леди Тахат в качестве аперитива.

Однако у фараона хватало энергии на большее:

«Милкили, правителю Гезера: Вот, царь [повелевает] ...
Прислать необычайно красивых женщин-виночерпиев безо
всякого изъяна ...»¹

Царские дети

Основных детей Аменхотепа III — тех, кто был рожден великой царской женой Тейе, — было как минимум шесть: царевичи Тутмос и Аменхотеп, и несколько царевен: Сатамон, Хенуттанеб, Исида и малоизвестная Небетах. Старое предположение о том, что Тутанхамон мог быть сыном этой царской четы, в наши дни полностью отвергается². Следу-

¹ Британский музей, табличка EA31a. Дамы обошлись фараону по 40 шекелей серебра за каждую. См. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987, с. 65. — *Прим. ред.*

² В результате анализа ДНК установлено, что Тутанхамон был сыном Эхнатона и его родной сестры, мумия которой — это т.н. «молодая женщина» из KV35.

ющей царевной, загадочной Бакетатон, которая впервые появляется во времена правления Эхнатона, вполне может быть Сатамон, получившая новое амарнское имя¹. Или, в худшем случае, это мог быть поздний ребенок Аменхотепа III, рожденный Сатамон, поскольку инцест отца с дочерью, похоже, несмотря на все табу, был одной из необычных особенностей этого периода. Вне всяких сомнений, помимо этих, имелись и другие дети, рожденные женщинами из царского гарема.

Тутмос, старший сын царя и наследник престола, лучше всего известен своей деятельностью на севере страны, в Мемфисе, где он занимал должность жреца-сем и верховного жреца Птаха. В этой роли он изображен на рельефах Серапеума; показано, как он помогает Аменхотепу III в похоронах первого быка Аписа, земного воплощения бога Птаха. Также существует изображение мумии царевича, лежащей на носилках², и миниатюрный саркофаг, хранящийся сейчас в Каирском музее, который Тутмос приготовил для похорон своей домашней кошки, ласково (и, возможно, по тем временам весьма оригинально) называемой «Киска». Как отмечали другие, царевич достиг необычайной выразительности, что может означать столь же неординарные способности — однако он прожил недостаточно долго, чтобы успеть их применить.

Единственным упоминанием о младшем брате Тутмоса, относящимся к тому периоду, является пометка на винном сосуде, найденном среди руин дворца Малькатта: «имущество истинного(?) царского сына, Аменхотепа»³. Судя по дальнейшему развитию событий, царевич Аменхотеп мог получать «профессиональное образование» в гелиопольской религиозной традиции, а не в мемфисской, как его старший брат. Он был назван официальным преемником вскоре после смерти Тутмоса, которая, как мы можем предположить, произошла незадолго до празднования Аменхотепом III своего первого празднества *Сед* в тридцатый год правления. Роль наследника на этой церемонии играл дублер, высокопоставленный чиновник Аменхотеп сын Хапу. Смерть царевича Тутмоса стала неожиданным и жестоким поворотом судьбы: никто не предвидел, что трон унаследует Аменхотеп (IV). И для блага Египта, вероятно, было бы гораздо лучше, если бы он никогда им не правил.

Вопрос о том, кому из сестер Эхнатона принадлежит мумия и, соответственно, кто из них приходится матерью Тутанхамону, в настоящее время все еще открыт, хотя кандидатура Сатамон явно является предпочтительной. См. Nawass Z. et al. Ancestry and Pathology in King Tutankhamun's Family // *The Journal of the American Medical Association*, Vol. 303, no. 7 (2010). — *Прим. ред.*

¹ Для этого предположения нет никаких документальных оснований. К моменту переезда в Ахетатон Сатамон, пропавшая из письменных источников, была уже взрослой женщиной, тогда как царевна Бакетатон в эти годы изображается еще почти младенцем. — *Прим. ред.*

² Памятник хранится в собрании музея в Берлине (inv. VÄGM-112-97) — *Прим. ред.*

³ Hayes W.C. *Journal of Near Eastern Studies* 10 (1951), p. 172, fig. 27 (KK).

Правление Аменхотепа III отмечено почти полным отсутствием международных конфликтов. Жизнь в «империи» была преимущественно стабильной и безопасной. Помимо редких постановочных охот на быков и львов (как записано на двух царских памятных скарабеях), да небольшого мятежа в Нубии, у фараона не имелось возможностей продемонстрировать свою физическую мощь. Как и во время правления его отца, в международных отношениях главенствовала дипломатия.

Международные контакты Аменхотепа III были чрезвычайно разнообразными. Он взаимодействовал как с независимыми царствами — Вавилонией, Митанни и Хатти — так и с крошечными сирийскими городами-государствами, и с отдаленными средиземноморскими территориями, такими как Алашия (древний Кипр), которая была главным источником меди в древнем мире. Хотя часть формальных контактов задокументирована в амарнских письмах, сведения о взаимоотношениях Египта и средиземноморья того времени получены большей частью благодаря археологии. Особый интерес представляет основание статуи, обнаруженное среди руин погребального храма Аменхотепа III в Ком эль-Хеттане, на которой изображена серия из 14 «именных колец», в которых легко распознать эгейские топонимы. Эти надписи — в том числе Фест, Микены, Илион (Троя) и Кносс — были предположительно идентифицированы как направления развития дипломатических миссий, направлявшихся царем Египта с целью установления торговых отношений. А большие синие фаянсовые тарелки из Микен, на которых написано имя Аменхотепа III, используют как подтверждение этой теории. Все возможно; но вместе с тем более вероятно, что основание статуи в Ком эль-Хеттане говорит нам о том, что эгейская «дань» была привезена на торговых кораблях, подобных тому, что был датирован по золотому скарабею Нефертити; этот корабль был найден недавно подводным археологом Джорджем Басом близ Улу Буруна, у берегов Турции.

Амарнские письма

Напомню, что амарнские письма совершенно случайно были обнаружены египетской крестьянкой, копавшей среди руин древнего города в 1887 году. Благодаря последующим раскопкам, проведенным Флиндерсом Питри и Джоном Пендлбери, теперь мы знаем, что они были найдены на месте бывшего «Дома корреспонденции фараона, да будет он жив, невредим, здрав!» — египетского министерства иностранных дел. Хотя они и были сделаны из нехарактерного для Египта материала (глины), а текст нанесен на иностранном языке иностранными знаками (аккадской клинописью), проведенный в последнее время анализ показал, что многие из 380 с лишним табличек были не оригиналами, а копиями, изготовленными в Египте, возможно в Мемфисе, для внутреннего оборота.

Э.А. Уоллис Бадж на своем рабочем месте в Отделе египетских и ассирийских древностей Британского музея. Благодаря умению читать клинопись, Бадж сразу понял значение амарнских табличек и приобрел их для своего музея столько, сколько смог.

Первые документы архива относятся приблизительно к 30 году правления Аменхотепа III. Далее следуют те, что относятся к царствованию Аменхотепа IV-Эхнатона; завершается архив примерно в то время, когда город был заброшен при Тутанхамоне. Документы могут быть разделены на две основных группы: корреспонденцию «великого царя», то есть непосредственную переписку между правителями в последние годы Аменхотепа III и первые годы его преемника; а также (основная часть архива) письма вассалов — отчеты с окраин от подчиненных царьков, в которых исчерпывающим образом описывается непрекращающееся соперничество и мелочные споры различных местных правителей Сирии-Палестины — большинство из этих текстов, очевидно, описывают события постфактум. В дополнение к переписке, в архиве содержится немного мифов, литературных произведений и силлабариев. Их использовали в качестве справочных материалов канцелярские служащие царя Египта, чьей работой, в этой «самой западной академии клинописного мира», было переводить, копировать и хранить полученные письма, а также составлять проекты надлежащих ответов и хранить их. Однако, несмотря на обширность и важность найденных документов, ясно, что амарнская находка представляет собой лишь вершину настоящего айсберга документации, которая должна была когда-то существовать и, возможно, когда-нибудь будет обнаружена на том же месте или где-то еще.

Из-за необычности амарнских писем сначала ученые называли их фальшивками. По мере того как собрание переходило от перекупщика к перекупщику, негативные мнения по поводу его древности росли. И только когда письма, наконец, попали в руки куратора Британского музея Эрнеста Альфреда Уоллеса Баджа (одного из немногих египтологов, знакомых со странной клинописью), их настоящая значимость была понята. К сожалению, к тому моменту некоторое количество табличек уже было потеряно из-за неосторожного обращения. Бадж впоследствии описал момент того открытия в своих мемуарах:

«На самой большой и лучше всех написанной ... я смог разобрать слова «A-naNi-ib-mu-a-ri-ya», т.е. «Нибмуарии [Аменхотепа III]», а на другой — слова «[A]-naNi-im-mu-ri-yasharmâtūMi-is-gi», т.е. «Ниммурии [Аменхотепа III], царю земли Египта»¹.

Бадж «был уверен, что таблички были подлинными и имели огромную историческую важность»². Причем это самое сдержанное высказыва-

¹ Budge E.A.W. *By Nile and Tigris*, I. London, 1920, pp. 140—141.

² Там же.

ние десятилетия: с обнаружением мумии Аменхотепа III в 1898 году, фараон обрел лицо и физическое бытие; а теперь, в качестве продолжения, археология вернула ему голос и черты личности.

Работа международной дипломатии

«Скажите Ниммурие [Аменхотепу III], царю Египта, моему брату: к нему обращается Бурна-Буриаш, царь Кардуниаша [Вавилонии], его брат. У меня все в порядке. Пусть и у тебя, у твоего дома, у твоих жен, у твоих сыновей, у твоей страны, у твоих вельмож, у твоих лошадей, у твоих колесниц все будет в порядке. Как раньше ты и мой отец были друзьями друг с другом, так и мы с тобой должны быть друзьями друг другу. Между нами вообще ни о чем другом не должно быть и речи. Напиши мне, что ты хочешь от моей страны, чтобы это могло быть доставлено тебе, а я напишу, чего хочю от твоей страны, чтобы это могло быть доставлено мне ...»¹

Когда читаешь переписку между фараоном и дружественными ему царями, возникают сверхъестественные ощущения: исчезают напыщенные слова о славе и могуществе, написанные на памятниках, и вместо них возникают лстивые просьбы и мелкая торговля. Важную роль в этих переговорах играла жажда иноземной женской плоти, впервые возникшая у Тутмоса IV и достигшая апогея при его сыне. Однако важно то, что подарки в виде женщин были односторонними: на них никогда не отвечали такими же подарками. Аменхотеп III надменно сообщал одному из своих адресатов (возможно, Кадашман-Энлилю из Вавилона), желающему получить египетскую царевну: «Издревле дочь царя Египта не выдается никому»². Но золото все же давало некоторое утешение, как следует из ответа того самого безымянного адресата:

«Что касается золота, о котором я писал [фараону]: пришли мне, сколько у тебя есть, столько, сколько возможно... чтобы я смог закончить работу, о которой мы договаривались. Если в течение этого лета, в месяцы Таммуз или Аб, ты пришлешь мне золото, о котором я пишу, то я отдам тебе *свою* дочь. Поэтому, пожалуйста, пришли мне золото ...»³

Такому неравнозначному обмену было суждено продолжаться, и фараон, по-прежнему имеющий преимущества в международной политике, испытывал к своим адресатам явное презрение: «Хорошо это, что ты отдаешь своих дочерей за горстку золота!»⁴ В Египте золото имелось в изобилии. Все — например, Тупшратта, царь Митанни, в письме к Аменхотепу III — постоянно повторяли: «В Египте золота больше, чем пыли»⁵.

¹ Амарнское письмо EA 6.

² Амарнское письмо EA 4. Перевод И.А. Стучевского. См. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987, с. 63. — *Прим. ред.*

³ Амарнское письмо EA 4.

⁴ Амарнское письмо EA 1.

⁵ Амарнское письмо EA 20.

Строительство

«Радуется сердце Его Величества, создавая памятники великие; не было подобных им с изначальных времен в обеих Землях»¹. Из текста *стелы заупокойного храма Аменхотепа III*

В отсутствие войны Аменхотеп III мог посвятить себя превращению Египта во владение, подобающее богатейшему и могущественнейшему человеку мира. Причем от такой политики получали преимущества все основные города — и больше всех Фивы. У фараона имелась сильная поддержка среди рабочих и чиновников, а также постоянно увеличивающийся приток богатства. С помощью этих средств Аменхотеп III решил сделать так, чтобы южная столица Египта затмевала все другие города своей славой и великолепием, и это стало бы лучшим памятником его правлению. Он серьезно преуспел в достижении этой цели, возведя здесь, в резиденции, избранной им в конце своего правления, некоторые из наиболее впечатляющих памятников, которые Египет когда-либо видел. Можно предположить, что причиной такого повышенного внимания было расположение Фив в самом центре большого египетского пространства (Египет и Нубия). В перспективе город виделся как центр египетской вселенной со всеми ритуальными функциями, присущими такому месту.

В течение 37 лет правления Аменхотепа III Фивы постепенно преобразились из провинциального города в один огромный храмовый комплекс, средоточие жизни страны, соперничающий по славе и влиятельности с Мемфисом, древней административной столицей страны и ее главным городом на протяжении всего династического периода. Помимо Фив, столь же впечатляющие строения были возведены в таких городах как Мемфис, Эль-Каб, Летополь, Гермополь и Элефантина, а также в Солебе, Седеинге и Вади эс-Себуа в далекой Нубии. Строительную программу царя Ариэль Козлофф охарактеризовала как «величественную, оригинальную и всеобъемлющую»², хотя и претерпевавшую постоянные изменения и усовершенствования. Памятники возводились и демонтировались без особых сомнений, когда это было целесообразно или необходимо.

Число проектировщиков, архитекторов, писцов и художников, которые являлись опорой царской власти, постоянно росло; их должно было хватить для увеличившегося фронта работ. В высшей точке развития их численность, вероятно, превысила даже численность тех, кто был занят на грандиозных стройках времен Древнего царства, когда сооружались пирамиды. Общее руководство работами осуществлял главный царский советник и наставник Аменхотеп, сын Хапу, когда-то бывший везиром и «писцом новобранцев». Возможно, его присутствие при дворе в годы, когда Аменхотеп IV-Эхнатон был царевичем и получал образование, сыграло решающую роль в дальнейшем развитии государства.

¹ Перевод В.В. Солкина — *Прим. pег.*

² Kozloff A.P. in Kozloff A.P. & Bryan B.M. *Egypt's Dazzling Sun. Amenhotep III and his World*. Cleveland, 1992, p. 4.

Ком эль-Хеттан: заупокойный храм царя

В наши дни Аменхотеп, сын Хапу, более всего известен своими достижениями в добыче и транспортировке с севера, из Гебель эль-Ахмара, материала для двух монументальных кварцитовых статуй царя, каждая высотой более 21 метра и весом по 700 тонн. Грубо отесанные блоки были выставлены у входа в заупокойный храм фараона (Ком эль-Хеттан), где из них были сделаны скульптуры под руководством Мена, отца скульптора Бека, заложившего основы амарнского стиля в искусстве во время правления Эхнатона. Колоссы Мена должны были стать символом новых Фив Аменхотепа III, так же как сейчас они являются символом древности. Царь начертал на них: «Их [статуй] высота достигает небес; их лучи падают на лицо, подобно Атону, когда он сияет на рассвете».

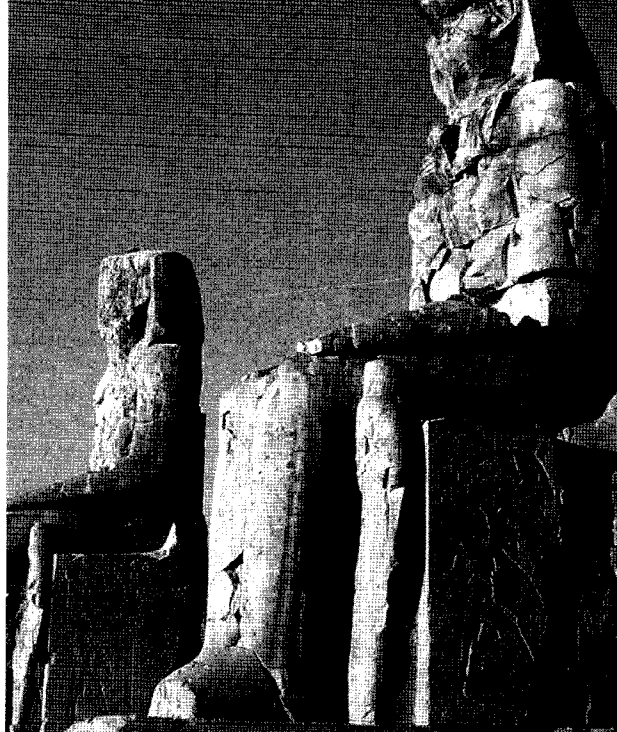
Современное название этих статуй — «Колоссы Мемнона» — возникло из-за того, что в греко-римское время их ошибочно отождествили с эфиопским царевичем Мемноном, сыном Эос, богини зари. Это отождествление могло возникнуть после землетрясения, случившегося в 27 году до н.э., когда северная статуя начала периодически издавать нечеловеческие стоны — предположительно, когда она нагревалась на рассвете. Считалось, что это Мемнон жалобно взывает к своей матери. Стоны прекратились после реставрации монумента, предпринятой Септимием Севером в III веке н.э.

Храм, для которого статуи были изначально созданы, был одним из величайших храмов в истории Египта. Он занимал огромную площадь примерно 37 гектаров, большая часть которой оказывалась под водой во время ежегодных разливов Нила. В нем было установлено множество изысканных скульптур разных размеров, изготовленных из всех пород камня, известных на то время — от известняка до обсидиана — а также отлитых из всех видов драгоценных металлов¹. Список содержит множество статуй богов, с которыми фараон должен был слиться во время своего празднества *Сег* (см. ниже), следуя традиции, установленной древним царем III династии Джосером с его ступенчатым пирамидальным комплексом в Саккаре. Как гласит надпись на стеле Аменхотепа III, средств ни на что не жалели:

¹ См. Сурузян Х., Штадельманн Р. «Храм, что принимает Амона и возвышает его красоту»: Колоссы Мемнона и заупокойный комплекс Аменхотепа III Ком эль-Хеттан (Западные Фивы) // Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 107–152. — *Прим. ред.*

Главный чиновник при дворе Аменхотепа III, Аменхотеп сын Хапу, изображенный в виде писца. Развернутый папирус на его коленях изглажен прикосновениями тысяч рук верующих. В памяти последующих поколений Аменхотеп остался как мудрец, чародей и святой, а во времена Птолемеев ему поклонялись как богу.

Колоссы Мемнона — все, что осталось от великолепного заупокойного храма, воздвигнутого Аменхотепом III на фиванском западном берегу. Статуи были творением Мена, отца амарнского скульптора Бека, судя по скульптуре, хранящейся в Берлине, человека весьма дородного.

«... [Это] памятник в вечности и бесконечности, из песчаника превосходного. Стены храма этого из золота великолепного, полы его из серебра. Все ворота его сделаны из великолепия земель (т.е. из золота). Украшение для него — этот великий памятник (т.е. стела, на которой сделана эта надпись); наполнен он статуями господина нашего из гранита Абу, песчаника и всякого ценного камня, сделанными превосходно. Сотворено в нем место для господина из золота и всяких ценных камней. Пилоны его (храма) достигают небес, мачты для флагов его тянутся к звездам. Когда видят люди это, воздают они хвалы Его Величеству, царю Небмаатра, радующему сердце отца своего Амона... Подобен он горизонту небес, когда Ра восходит в нем...»¹

В качестве вознаграждения за свои достижения Аменхотеп, сын Хапу, удостоился небывалой чести построить собственный погребальный храм вблизи от храма своего господина. Не в последнюю очередь благодаря его таланту, потомки свято хранили память об Аменхотепе, волшебнике и святом; в период Птолемеев он почитался как второстепенный бог². Его популярность можно понять, взглянув на поверхность его статуй в Карнаке: они гладкие от тысяч прикосновений набожных паломников, жаждущих соприкоснуться, пусть и опосредованно, с великим — хотя, как мы увидим, и несчастливым — человеком.

¹ Перевод В.В. Солкина. — *Прим. ред.*

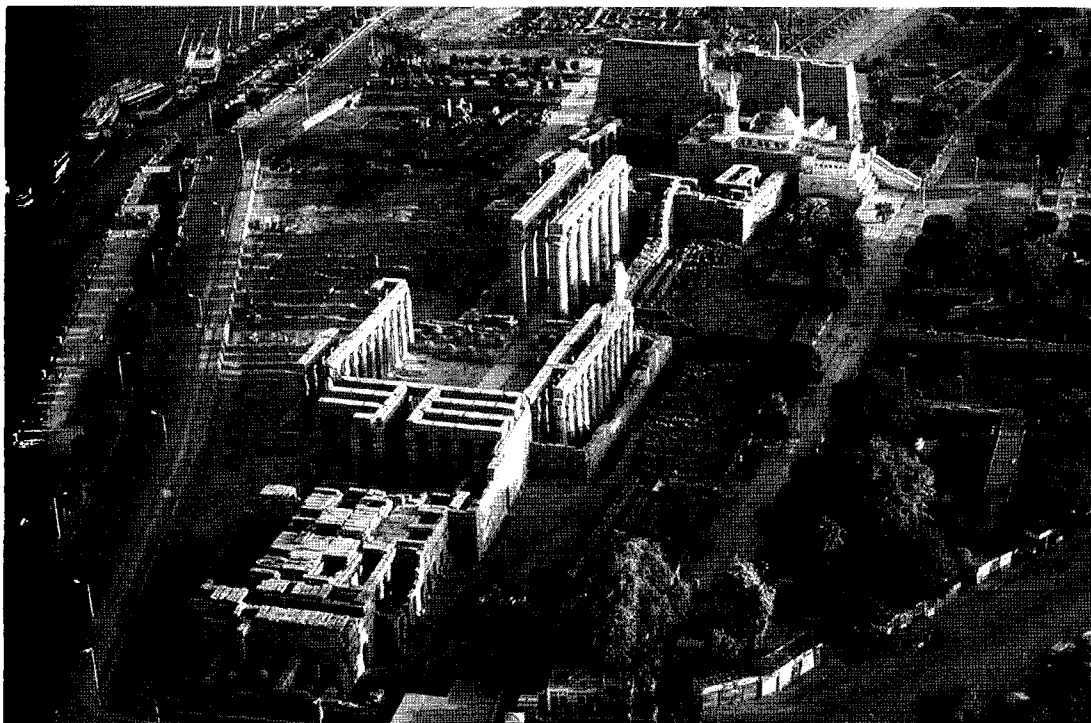
² См. Солкин В.В. Египет: вселенная фараонов. М., 2001, с. 219–221; Wildung D. Egyptian saints: deification in pharaonic Egypt. New York, 1977. — *Прим. ред.*

Карнак и Луксор

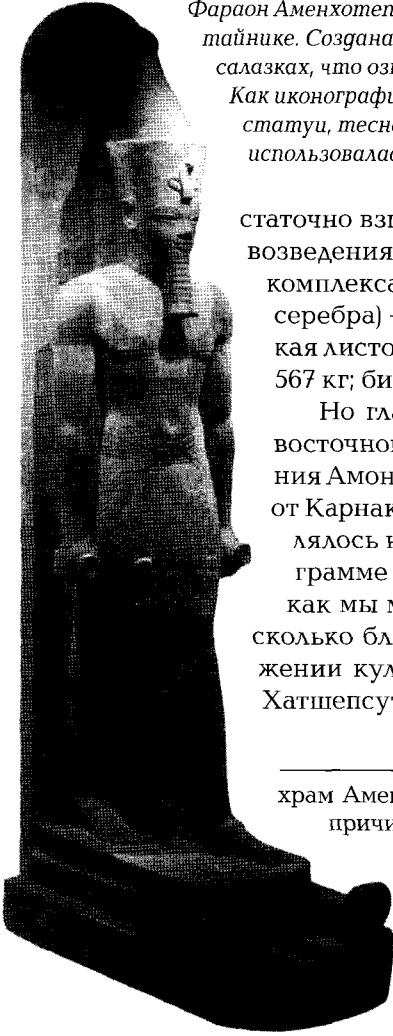
Постоянным объектом внимания Аменхотепа III был Карнак — роскошный храм-резиденция фиванского Амона. Следует упомянуть, что царь построил третий пилон, то есть монументальные ворота, вместе с западной колоннадой, а также десятый пилон. Делалось это с явной целью акцентировать внимание на двух главных ритуальных путях храма. Повсюду по всему комплексу царь устанавливал статую за статуей. В храме Мут это было сделано наиболее эффектно: несколько сотен статуй в человеческий рост, изображающих львиноголовую богиню Сехмет были выстроены в ряд, в том порядке, в каком их перемещали из Ком эль-Хеттана через реку после царских юбилейных празднеств¹. О стоимости этих сооружений даже не задумывались. До-

¹ Статуи богини Сехмет покинули Ком эль-Хеттан отнюдь не при Аменхотепе III, а гораздо позже, при Рамсесе II и Мернептахе, когда заупокойный

Луксорский храм в наши дни, сфотографированный с высоты птичьего полета. Часть храма, в которой находилась «святая святых» — прямоугольное, частично закрытое крышей помещение в нижней части снимка — была сооружена в начале правления Аменхотепа III. Большой солнечный двор и узкая церемониальная дорога, ограниченная колоннами (в центре снимка), были сооружены немного позднее. Сцены праздника Опет, которыми украшены колонны, были завершены при Тутанхамоне. Пилон при входе и первый двор (вверху снимка) были добавлены при Рамсесе II.

Фараон Аменхотеп III: статуя из красного кварцита, найденная в луксорском тайнике. Создана в конце правления этого царя. Царь изображен стоящим на салазках, что означает его возвышение до уровня божественных предков. Как иконография, так и материал, использованный при создании этой статуи, тесно связаны с солярным культом. Такая же корона, как на царе, использовалась в изображениях гелиопольского бога Атума.

статочно взглянуть на перечень материалов, использованных для возведения всего лишь одного сооружения внутри карнакского комплекса, храма Монту: электрум (самородный сплав золота и серебра) — 3,25 тонны; золото — 2,5 тонны; медь — 420 кг; тонкая листовая (?) медь — 10 тонн; бронза — 1,5 тонны; лазурит — 567 кг; бирюза — 98 кг.

Но главным архитектурным триумфом Аменхотепа III на восточном берегу в Фивах стал Луксорский храм, место рождения Амона¹. Он был расположен примерно в 3 километрах к югу от Карнака и соединен с ним ритуальной дорогой. Луксору уделялось наиболее пристальное внимание в строительной программе Аменхотепа III на восточном берегу — и не столько, как мы можем предположить, благодаря его связи с Амоном, сколько благодаря ключевой роли, которую он играл в продвижении культа самого царя. Старый храм времен Тутмоса III и Хатшепсут был разрушен², и на его месте в три этапа сооружено

храм Аменхотепа III был превращен по естественным и ритуальным причинам в каменоломню. Многие памятники, в том числе и десятки статуй Сехмет, найденные в последние годы в развалинах комплекса «Европейской миссией по спасению Колоссов Мемнона и храма в Ком эль-Хеттан», видимо, оставались на месте и после его разрушения. Однако лучшие памятники, среди которых — сотни Сехмет и колоссальный скарабей-ребус, воплощающий в себе идею о триединстве солнечного божества, были перевезены в Карнак. Многие памятники храма также были перевезены

в другие царские заупокойные храмы фиванского некрополя и даже в другие города Египта. См. Bryan B.M. The statue program for the mortuary temple of Amenhotep III // Quirke S. (ed.) The Temple in Ancient Egypt. London, 1997, pp. 57–81; Брайан Б.М. Аменхотеп III и мемфисская теология // Петербургские сфинксы. Солнце Египта на берегах Невы. СПб., 2005, с. 171. — *Прим. ред.*

¹ Луксорский храм никогда не считался «местом рождения» Амона. Это храм, посвященный при Аменхотепе III культу царского Ка и таинствам возрождения царственной сущности царя. Место рождения и упокоения Амона в Фивах — это «Джеме» — малый храм Хатшепсут и Тутмоса III в Мединет Абу, на западном берегу, где Амон почитался в облике предвечного змея Кематефа. См. Bell L. Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka // JNES 44 (1985), pp. 251–294. — *Прим. ред.*

² Автор ошибается. Святилище для священных ладей Амона, Мут и Хонсу, сооруженное при Хатшепсут и Тутмосе III, не только не было разрушено, но, наоборот, позже включено в комплекс Луксорского храма при Рамсесе II, для чего пришлось немного сменить основную ось храма. В дни Аменхотепа более древнее и камерное святилище стояло рядом с грандиозной новостройкой царя. — *Прим. ред.*

полностью новое здание из чистого песчаника, состоящее из святилища, широкого двора с папирусными колоннами, гипостильного зала и колоннады с семью парами огромных колонн высотой по 13 метров с капителями в виде распустившихся папирусов.

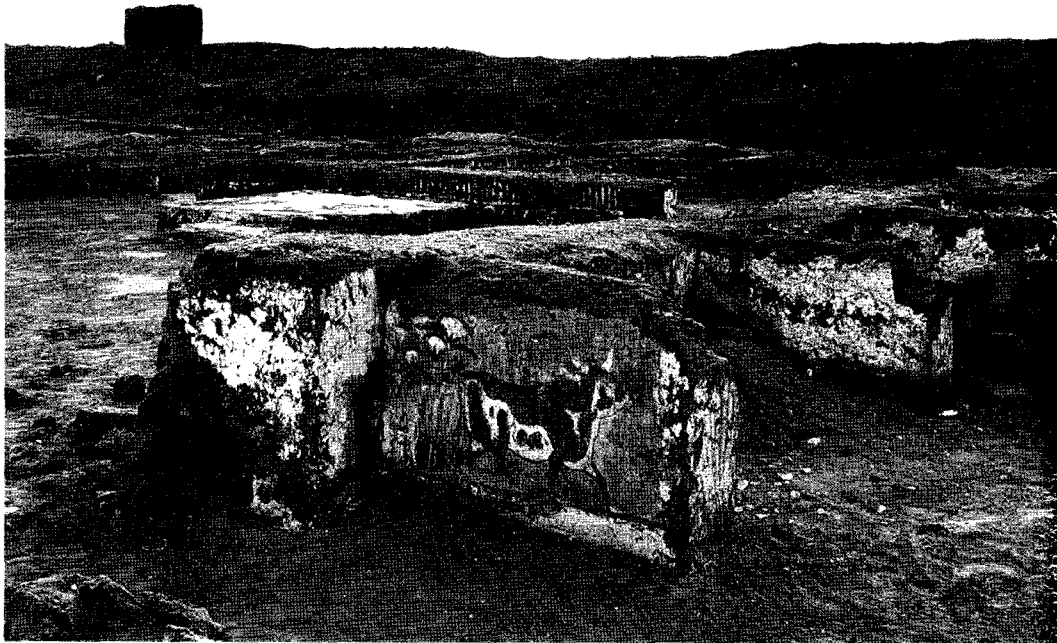
Луксорский храм отлично сохранился до наших дней; свой законченный вид он приобрел после расширения во времена Рамсеса II. Его части, построенные при XVIII династии (величайшее достижение братьев Сути и Хори, главных фиванских архитекторов фараона¹), являются драгоценностью в фиванской короне. Именно здесь в 1989 году среди прочих памятников т.н. «Луксорского тайника» была найдена, погребенная под плитами пола солнечного двора, одна из лучших статуй Аменхотепа III из чисто красного солнечного кварцита. В этой статуе царь, «ослепительное солнце всех земель», показан в облике гелиопольского солнечного божества Ра-Атума. Формально она посвящена Атуму, однако, как следует из надписей на статуе, сам царь является солнечным божеством, которое дает и поддерживает жизнь, даже среди богов.

Малькатта

Раньше считалось, что резиденция египетского царя размещалась в одном из главных храмов, и, разумеется, самые большие храмы действительно содержат апартаменты, которыми фараон мог пользоваться во время своих визитов. Но постоянно царь жил совсем не там; это выяснилось после обнаружения Малькатты, дворцового комплекса Аменхотепа III из сырцового кирпича на западном берегу в Фивах.

Дворец Малькатта был случайно обнаружен весной 1888 года молодым Джорджем Даресси, который незадолго до этого был назначен ассистентом Гастона Масперо, директора Службы древностей и музея в Булаке. Решив провести на этом месте небольшие раскопки, Даресси обнаружил не только ряд комнат и украшенный царский помост, но и несколько важных элементов изначальной облицовки стен. С тех самых пор редко удавалось найти сохранившиеся украшения внутри зданий. Эти предварительные исследования дворца в начале XX века лишь разожгли аппетит других ученых, в том числе Перси Ньюберри и Робба де Пейстера Титуса; Нью-Йоркского музея искусств Метрополитен в 1910—1920 гг.; Университета Пенсильвании в 1971—1977 гг.; и самыми последними в 1985 году серию раскопок там начала японская экспедиция из токийского университета Васеда. Главной находкой этой последней миссии стала великолепно расписанная платформа-постамент для трона (хотя и попорченная вандалами) в Ком эль-Самаке, позади озера-залива Биркет Абу. Очевидно, она использовалась во время одного из царских праздников *Сег*.

¹ Главным архитектором, создавшим Луксорский храм, был Аменхотеп сын Хапу. Братья Хори и Сути работали под его началом. — *Прим. ред.*

Хорошо сохранившиеся настенные росписи, обнаруженные в Малькатте египетской экспедицией Музея искусств «Метрополитен».

Дворцовый комплекс Аменхотепа III, сохранившийся в почти нетронutom виде с момента, когда он был заброшен более трех тысяч лет назад, остается золотой жилой для археологов и историков.

Что мы знаем об этом месте? До правления Аменхотепа III фараоны редко посещали Фивы, и то лишь во время праздников. Однако похоже, что за какое-то время до своего первого юбилея Аменхотеп III решил сделать южную резиденцию своим основным домом. Поэтому он начал сооружать дворец Мальката и прилегающие здания. Хронологически это было связано с празднованием трех празднеств *Сег* в течение последнего десятилетия правления царя.

В наши дни по руинам можно определить пять главных зон дворца: апартаменты царя с прилегающими залами для празднеств, апартаменты царицы, апартаменты главных должностных лиц; молельня бога Амона, а также помещения для работников. Аменхотеп III назвал это здание «Домом Небмаатра во славу Атона», а после празднования первого юбилея в 30-й год правления оно стало известно как «Дом ликования». Современное название этого места — «эль-Малькатта» — переводится как «место, где находят вещи», что связано с огромным количеством великолепного синего фаянса, особенной синей посуды и других артефактов, которыми эта местность, все еще не до конца раскопанная, в течение многих лет была просто переполнена.

В наши дни ясно, что Малькатта была больше чем простым дворцовым комплексом: занимая в общей сложности 32 гектара, она существовала как город в городе. Судя по закрашенным упоминаниям Амона в

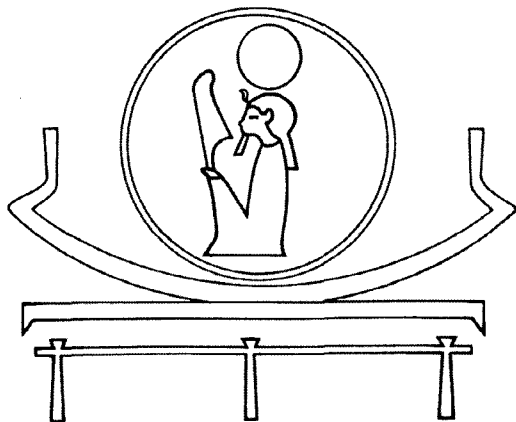
имени фараона на внутренней отделке, дворец продолжал использоваться в течение первых лет правления Аменхотепа IV, до тех пор, пока «еретик» не перебрался в эль-Амарну. Затем дворец был заброшен.

Юбилей царя

Аменхотеп III устраивал празднества *Сег*, то есть юбилей своего восшествия на трон, трижды: примерно на 30, 34 и 37 год правления. И, как мы увидим, все говорит о том, что до самой смерти он активно занимался подготовкой четвертого. Устраивая первый из этих праздников на тридцатом году правления, Аменхотеп III действовал строго в соответствии с традицией. Большинство царей, решавших подобным образом продемонстрировать свою способность занимать трон, праздновали *Сег* (или планировали это сделать) задолго до тридцатого года. Другие — например, Тутмос III — несмотря на их долгие сроки правления, похоже, вообще этого не делали. Объяснения для таких аномалий найти пока что не удалось.

Конечно, детали самого *Сег* остаются для нас загадкой. Мы знаем, что приготовления были очень долгими и включали создание всего: от новых зданий, в которых праздник проводился, до изображений божеств и царских скульптур лучшего качества, украшений и полотна, а также пищи, вина и другой провизии для праздничных пиршеств. По какой-то причине Аменхотеп III уделял празднованию юбилеев гораздо больше внимания, чем его предшественники.

В сопроводительных текстах подчеркивается, насколько важными были различные ритуалы (о порядке проведения которых мы, к сожалению, по-прежнему ничего не знаем). Причем они должны были проводиться «в соответствии с древними писаниями» из-за стремления к изначальной истине (*маат*), понятие о которой постепенно развивалось при Аменхотепе III и стало доминировать во времена правления его сына, Аменхотепа IV-Эхнатона. Тенденция обозначена в тронном

Новое написание тронного имени Аменхотепа III — *Небмаатра* — в виде ребуса. С глиняной печати от сосуда, найденной во дворце Малькатта. Имя царя занимает место солнца на магической лагье, ежедневно проплывающей по небу.

имени царя — «Небмаатра», которое может быть переведено как «Ра — владыка Маат». Также подтверждения можно найти в том, что царь восстановил «гробницу Осириса» в Абидосе и повелел выгравировать на древней додинастической палетке из граувакки изображение себя и своей царицы. Похоже, что большинством исследований, на которых основывались праздники и другие элементы правления, занимался мудрый человек Аменхотеп, сын Хапу, главная интеллектуальная сила того времени. Его собственные пристрастия к древним знаниям видно по его статуям, которые явно восходят к образцам времен Среднего Царства.

О первом юбилее Аменхотепа III сохранилось больше всего свидетельств: пометки на винных сосудах из Малькатты (где праздник проводился), рельефы и надписи в храме царя в Солебе (в Верхней Нубии), руины заупокойного храма в Ком эль-Хеттане, заупокойный храм Аменхотепа сына Хапу, а также рельефы в гробницах высокопоставленных чиновников Хаэмхета (ТТ57) и Херуефа (ТТ192). Второй юбилей известен только по пометкам на серии сосудов из Малькатты; а третий подтверждается более поздними сосудами из Малькатты, а также сценами и надписями в гробнице Херуефа.

Как известно из других источников, празднование юбилея продолжалось в течение длительного периода и проходило в присутствии богов Египта, представленных их различными культовыми статуями. То, что праздник был запоминающимся, можно понять по количеству употребленной пищи и напитков, а также по раздраженным жалобам царя Вавилонии, Кадашман-Энлиля, которого на праздник не пригласили.

Фараон становится богом

«Ра-Хорахте, бык могучий, воссиявший в Истине, бог воистину благой, владыка, властитель Девяти луков, ослепительный солнечный диск всех земель...» *Надпись на кварцитовый статую Аменхотепа III из Луксорского тайника*

Пелена тумана лежит на земных делах Египта, но со знаниями по теологии дело обстоит еще хуже, хотя за последние годы кое-что и начало проясняться. Повсюду присутствуют намеки, что в период правления Тутмоса IV произошли важные изменения, а при Аменхотепе III, как мы понимаем, изменения продолжились. Похоже, что, заняв трон как полубожественное существо, спустя примерно 40 лет правления, этот фараон закончил жизнь уже в качестве полноправного бога, «ослепительного солнечного диска (Атона)», причем со своим собственным жречеством (в которое входил и безымянный владелец фиванской гробницы ТТ46). До него подобного перевоплощения фараоны достигали лишь после смерти.

Как показал американский ученый У. Рэймонд Джонсон, это изменение статуса могло произойти в период между первым юбилеем и

третьим, то есть примерно на четвертом десятилетии правления царя. До первого юбилея, судя по различным изображениям, фараон не носил ожерелье из тяжелых золотых бусин (*шебиу*) и браслеты; а после третьего такие изображения появляются, что говорит об изменении статуса. Далее Джонсон пытается доказать, что превращение произошло во время первого юбилея, после которого царя стали больше отождествлять с солнцем. Было принято новое написание тронного имени царя — «Небмаатра» — в виде ребуса, в котором использовались фигура царя (*неб*), держащего перо (*маат*) и стоящего под солнечным диском (*Ра*). Различные храмовые сооружения — в Луксоре и в других местах — строились без крыши. Преобразование также отражено в надписях, исследованных египтологом Бетси Брайан: в них записано, что царь не просто решил *присоединиться* к солнцу в его путешествиях по небу на ладье, а *занял место солнца*.

Некоторые, включая Джонсона, считают причиной возведения фараона в ранг бога необходимость его дистанцирования от земного царства, потому что после первого праздника *Сег* Аменхотепу III понадобился соправитель, и он его себе назначил. Соправление Аменхотепа III и его сына — вопрос интересный, и по нему ученые до сих пор не пришли к единому мнению. Об этом мы поговорим в следующей главе.

Простые люди расprostерты ниц в пыли у ног фараона.

РЕВОЛЮЦИЯ

Длинное или короткое соправление?

Одним из наиболее любопытных явлений в жизни царей Древнего Египта, которое уже упоминалось в этой книге, была система соправления. Она применялась нерегулярно и, к разочарованию египтологов, о ней сохранилось мало явных свидетельств. Наследник становился младшим царем при жизни предшественника, и таким образом обеспечивался спокойный переход власти. Те, кто изучает историю Среднего царства, вынуждены оперировать хронологическими подтекстами, связанными с феноменом соправления, хотя иногда задача упрощается благодаря наличию «двойных датировок» — надписей, в которых указаны годы правления одновременно главного и младшего правителя. В период Нового царства таких подсказок уже нет, и у египтолога остается лишь небольшая возможность отыскать косвенные свидетельства существования и продолжительности соправления при каждом из царей.

У тех, кто пытается установить хронологию Амарнского периода, возможность соправления Аменхотепа III и Аменхотепа IV неизменно вызывает беспокойство. Вполне достаточно следующего примера: если соправления не было, или оно существовало в короткий период на стыке правлений двух фараонов, то отцом «царского сына» Тутанхатона/Тутанхамона мог быть исключительно Аменхотеп IV-Эхнатон; а если два фараона правили вместе в течение длительного времени, то Аменхотеп III также является одним из возможных отцов.

Версия о том, что Аменхотеп III и Аменхотеп IV могли какое-то время править вместе, неоднократно выдвигалась на протяжении столетия и даже больше. Еще в 1935 году Пендлбери назвал эту проблему «невероятно сложной», и за прошедшие годы она стала не намного проще, несмотря на все дискуссии, возникавшие по ее поводу. При всём обилии слов, сторонникам обеих точек зрения по-прежнему недостает неоспоримых доказательств; и нам остается лишь рассуждать о вероятностях. По понятным причинам, обзор этой ситуации здесь необходим.

Учитывая неожиданную смерть Тутмоса, предполагаемого наследника Аменхотепа III, и понимая, какое беспокойство при дворе вызвало подобное развитие событий, мы не можем увидеть ничего необычного в возможном введении соправления. Одним из археологических свидетельств того, что такое соправление на какой-то стадии могло возникнуть, является знаменитая сцена на третьем пилоне Карнакского храма, изображающая большую и маленькую фигуры — Аменхотепа

Аменхотеп III и сопровождающая его призрачная (стертая) фигура на рельефе третьего пилона Карнакского храма. Существует вероятность того, что эта фигура в синей короне «хепреш» — его молодой соправитель Аменхотеп IV.

III и другого, стёртого царя. Выдвигались различные объяснения этих фигур, но самым правдоподобным является то, что перед нами изображения главного царя и его сына-соправителя Аменхотепа IV.

Если предположить, что соправление Аменхотепа III и Аменхотепа IV-Эхнатона существовало, то как долго оно могло продолжаться? До недавнего времени те, кто доказывал, что соправление было долгим, оставались в меньшинстве. Но усилиями У. Рэймонда Джонсона версия продолжительного соправления была искусно подкреплена новыми доказательствами, главным образом основанными на явных сходствах в искусстве времен правления двух царей. По мнению Джонсона, совместное правление отца и сына могло начаться уже на 29 году Аменхотепа III, когда готовилось празднование первого *Sega*, который, как считает Джонсон, проводился для придания царю статуса солнечного божества. Доказано, что изображения Аменхотепа III, связанные с этим юбилеем, имеют близкое сходство с пред-амарнским стилем, использованным Аменхотепом IV в Карнаке, и этот стиль отличается от традиционного. Моложавые изображения Аменхотепа III в конце его правления — в окончательном, «преображенном» виде — Джонсон сравнивает с чрезмерным натурализмом амарнского искусства. На основании этих сопоставлений Джонсон доказывает, что изменение имени молодого соправителя с «Аменхотеп IV» на «Эхнатон», а также основание города Ахетатон, совпадает с празднованием второго юбилея главного царя пятью годами позже; а когда еще через три года состоялось утверждение Атона в его новом городе, был отпразднован третий юбилей.

Таким образом, Джонсон приводит сильные аргументы в пользу продолжительного соправления, однако данная версия все еще не получила широкой поддержки. Египтологи по натуре консервативны, и их осторожные отзывы мало что говорят о действительной ценности теории. С другой стороны, по-прежнему необходимо объяснить, как идеи Джонсона согласуются с тремя действительно важными частями в море «свидетельств», приводимых его оппонентами в спорах о соправлении.

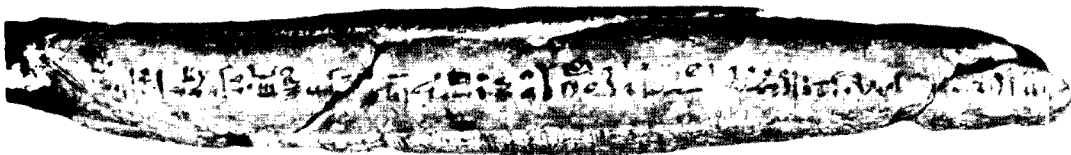
Первой из них является пометка на грани одной из амарнских клинописных табличек (EA27), небрежно сделанная черными чернилами при помощи иератических знаков (рукописной формы египетского иероглифического письма). Похоже, что этот текст устанавливает верхнюю границу продолжительности предполагаемого совместного правления Аменхотепа III и его наследника:

«[Го]д [...?]2, первый месяц зимы, [день ...], когда он [т.е. царь] был в южном городе [т.е. в Фивах], в поместье Хазмахет; копия письма из Нахарины [Митанни], доставленного посыльным Пирисси и посыльным [Тулубри]»¹.

Выводы, которые можно сделать из этой амарнской таблички, достаточно ясны: во-первых, из текста самого письма (см. далее) ясно, что пометка была сделана вскоре после смерти Аменхотепа III и начала единоличного, признаваемого во всем мире, правления Аменхотепа IV; и во-вторых, дата в этой пометке показывает, в каком году правления фараона-преемника соправление между двумя царями закончилось. Однако очевидно, что значительная часть надписи была повреждена. Ранее считалось, что дата должна читаться как «[Го]д [I]2» — это означало бы, что Аменхотеп IV стал править единолично лишь после длительного периода соправления, и версия У. Рэймонда Джонсона подтвердилась бы. Но в настоящее время большинство египтологов, похоже, сошлись на том, что дата должна читаться просто как «[Го]д 2», и тогда можно говорить, в лучшем случае, лишь о довольно коротком периоде совместного правления.

Второе свидетельство против продолжительного соправления это странная надпись на одной из амарнских пограничных стел, датированная 5 годом правления Аменхотепа IV-Эхнатона, которую мы рассмотрим несколько позже. В этом тексте царь упоминает Аменхотепа III в ряду других своих скончавшихся предков, и это, как отмечает британский египтолог Джон Р. Харрис, является надежным свидетельством того, что отец к тому моменту уже должен был умереть.

¹ Амарнское письмо EA 27.

Иератическая надпись, сделанная чернилами на ребре одной из амарнских табличек (EA 27), обнаруженных в эль-Амарне в 1887 году. Текст гласит: «[Го]д [...?]2, первый месяц зимы, [день ...], когда он [т.е. царь] был в южном городе [т.е. в Фивах], в поместье Хазмахет; копия письма из Нахарины [Митанни], доставленного посыльным Пирисси и посыльным [Тулубри].» Раньше дату читали как «[Го]д [I]2», и этим обосновывали существование длительного периода соправления Аменхотепа III и его сына и преемника Аменхотепа IV — Эхнатона.

Третий аргумент против продолжительного соправления находится в гробнице Аменхотепа III, WV22. Имена царя в картушах (стр. 79) представлены здесь в их полной форме: тронное имя + личное имя, «Небмаатра Аменхотеп», а не в анти-амоновской форме, употреблявшейся его преемником, где данное при рождении имя заменялось вторым («Небмаатра»). Это, а также тот факт, что упоминание Амона сохранилось до наших дней невредимым, явно говорят о том, что ко времени смерти Аменхотепа III преследование Эхнатомом фиванского бога все еще не началось.

Таким образом, мы будем считать предпочтительной версию о коротком периоде совместного правления Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV-Эхнатона. Преимущества этой версии станут нам ясны в процессе дальнейшего повествования.

Похороны Аменхотепа III

«Вознесся бог к окоёму своему, царь Верхнего и Нижнего Египта Схетепибра [Аменемхет I]. Вознесся он в небеса и соединился с солнечным диском. Божественная плоть царя слилась с тем, кто породил ее. Царский двор погрузился в безмолвие, сердца погрузились в печаль. Великие Врата замкнулись, придворные опустили головы на колени, народ рыдал»¹.

Эта цитата взята из знаменитого текста времен Среднего царства, известного как «История Синухета». На примере Аменемхета I из XII династии, она описывает коренное изменение сущности царя — его слияние с солнечным диском, то есть Атоном. Для Тутмоса IV и Аменхотепа III подобное слияние частично произошло уже при жизни. И когда второй из них — толстый, лысеющий и брюзгливый из-за подверженных абсцессу дёсен — Аменхотеп III на 38 году своего правления наконец перешел в разряд умерших предков, политико-религиозные устремления его сына приобрели в один миг огромную значимость.

Поскольку Аменхотеп III был богатейшим и наиболее влиятельным среди правителей XIV века до н.э., его похороны, а также церемонии, сопровождающие коронацию его преемника, должны были быть великолепным зрелищем, на котором, среди богатой и красочной свиты, присутствовали посланники из всех уголков известного тогда мира. Когда процесс бальзамирования и связанные с ним мрачные ритуалы были завершены, похоронная процессия начала движение от изумительного заупокойного храма царя к усыпальнице в Долине царей. Широко известная сцена в погребальной камере гробницы Тутанхамона сохранила свидетельство о том, как люди толпились по обеим сторонам дороги, по которой должна была следовать процессия. Внутренний гроб, содержа-

¹ Перевод М.А. Коростовцева. См. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 38. — *Прим. ред.*

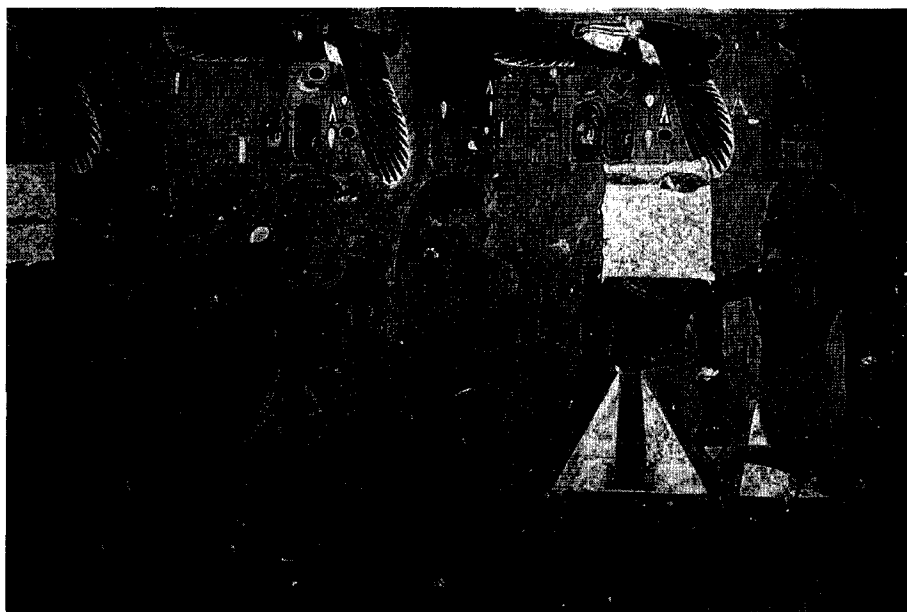
щий скрытую под маской и украшенную драгоценностями мумию царя, лежал на украшенном гирляндами катафалке, который символически везли пять групп высших сановников, в число которых входили везиры Верхнего и Нижнего Египта. Можно предположить, что перед ними шли жрецы, жгущие ладан, чтобы освятить путь, а позади следовали колонны слуг, несущих похоронные принадлежности, царские украшения и другие личные вещи, которые надо было захоронить вместе с царем.

Царская гробница

Гробница, которую Аменхотеп III приготовил для своих похорон, была расположена в дополнительной части Вади Бибан эль-Мулук, т.е. Долины царей, в месте, известном сейчас как Западная Долина. На самом деле, работа по вырубке погребальной камеры началась в период правления его отца, Тутмоса IV — этим открытием мы обязаны Говарду Картеру, который, расчищая в 1915 году местность напротив входа, раскопал ряд закладок в фундаменте, содержащих несколько маленьких тарелочек из синего фаянса, на которых были изображены картуши предыдущего царя. Почему Тутмос IV начал сооружение второй гробницы — загадка, до сих пор не нашедшая объяснения. Однако в этом нет ничего невозможного, если работы были начаты в период соправления Тутмоса IV и его сына. Сведений о таком соправлении нет, но остается надежда их найти.

Аменхотеп III рассчитывал использовать гробницу в Западной Долине не только для собственного погребения, но и для погребения двух своих жен: Тейе и, вероятнее всего, Сатамон, своей дочери, которая не только исполняла обязанности царицы в конце правления отца, но и могла являться матерью его загадочной дочери Бакетатон. Обе царицы пережили своего супруга. В частности, Тейе дожила до 14 года правления своего сына, однако они были похоронены в других местах: похоже, что не было желания нарушать священность гробницы после того, как мумия фараона заняла свое место. Со временем эта нерешительность исчезнет, и в конце правления XX династии захоронение Аменхотепа III будет безжалостно разгромлено. Тогда весь некрополь был вскрыт государственными командами по «спасению» царских тел, а обитатели царских гробниц были вынесены оттуда и перезахоронены в ряде тайников, мозаично расположенных по всему некрополю. Сильно поврежденная мумия Аменхотепа III, как мы уже видели, в конце концов, была найдена в гробнице Аменхотепа II (KV35), обнаруженной Службой древностей в 1898 году. В этом последнем месте упокоения, царя сопровождали мумифицированные останки 15 других царей и членов царской семьи, чьи гробницы были точно так же разграблены древними государственными комиссиями эпохи, последовавшей за владычеством Рамессидов.

После выноса мумии царя гробница Аменхотепа III в Западной долине была заброшена и забыта. Ее впервые обнаружили в 1730-х

Фрагмент изображения на южной стене камеры с шахтой гробницы Аменхотеп III (WV22) в западной части Долины царей в Фивах. Картуши царя здесь имеют нормальный вид, тогда как впоследствии, при его сыне, в обоих картушах стали писать одно и то же тронное имя. Поскольку изображения не повреждены, можно сделать вывод, что Аменхотеп III умер и был похоронен до начала преследования Амона, то есть до середины правления Эхнатона.

годах, затем ее посетила экспедиция Бонапарта в 1799 году, позже она была частично расчищена людьми Теодора Дэвиса во время или после первого десятилетия XX века, и лишь после этого Говард Картер приступил к ее изучению. Работы в гробнице были завершены в 1989 году японской командой из токийского университета Васеда. Эти археологи начали с того, на чем закончил Говард Картер, и осторожно изучали то, что осталось после команд по «спасению» тел. Если внимательно изучить много сотен осколков, можно понять, что эта гробница была гораздо богаче гробницы Тутанхамона: щепки царских гробов, еще сверкающие остатками своей первоначальной позолоты, изысканный лазуритовый урей, содранный, вероятно, с золотой маски фараона, и множество осколков и обломков различных статуй царя и богов, а также других погребальных принадлежностей, которые должны были охранять покой Аменхотеп III в загробной жизни.

Даже сегодня, оскверненная и мрачная, эта царская гробница производит сильное впечатление на посетителя: ее размеры огромны, она вырублена с потрясающей точностью, а то, что осталось от настенных росписей (в результате бессмысленного вандализма охотников за сувенирами XIX века), выглядит грандиозно. Ведь это была гробница, действительно подобающая «ослепительному солнцу» Египта.

Определение возраста Эхнатона: тело из гробницы 55

Аменхотеп III умер и был похоронен своим вторым сыном, Аменхотепом IV. Что мы знаем о преемнике на этом раннем этапе его карьеры? Чтобы ответить, возможно, на главный вопрос — какого возраста он был — нам необходимо для начала обратиться к еще одной находке в Долине царей, интерпретация которой является ключевым моментом в амарнской истории.

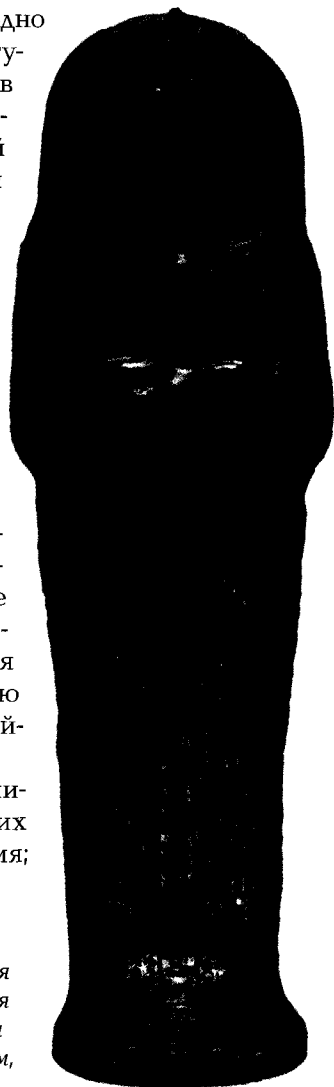
Как мы уже говорили, богатого американского дилетанта Теодора М. Дэвиса, раскапывавшего царскую погребальную землю в 1905 году, постигла неимоверная удача: он обнаружил захоронение родителей царицы Тейе — Иуйи и Туйи. Через два года, ведя раскопки неподалеку от той гробницы, люди Дэвиса обнаружили еще одно важное царское захоронение, которое вошло в литературу под именем «Гробницы царицы Тейе». Эта находка в наши дни больше известна как «Гробница 55» или, более прозаически, «KV55», в соответствии с современной нумерацией гробниц Долины царей. Опубликованный сбивчивый рассказ о находке, а также долго бытовавшая среди анатомов вера в то, что обнаруженное там тело принадлежало достаточно молодому человеку, в течение многих лет затрудняли полное и правильное понимание этого захоронения — и последствия такого положения серьезные.

Как установил Дэвис, в гробнице 55 находились четыре основных группы предметов, любопытных и вроде бы противоречивых ключей к разгадке личности владельца (или владельцев) гробницы:

- сильно поврежденные остатки изысканного деревянного гроба с позолотой и инкрустациями, первоначально приготовленного для женщины, но позднее использованного для царя. Изображенные на нем картуши были впоследствии вырезаны, а изображающая лицо маска сорвана с явной целью предать забвению личность лежащего в гробе, а также лишить его дальнейшего благополучия в загробном мире;

- панели от большого погребального ковчега, надписанные для царицы Тейе. Царские изображения на них точно так же подвержены цензуре в более позднее время;

Восстановленная крышка гроба из гробницы 55 в Долине царей. Стил, в котором гроб изготовлен, а также надписи на нем свидетельствуют о том, что изначально он был предназначен для женщины, а впоследствии переделан для захоронения царя. И хотя картуши нового владельца были вырезаны, а золотая портретная маска сорвана, использованные эпитеты говорят о том, что в нем, возможно, был захоронен сам Эхнатон.

Южная сторона погребальной камеры гробницы 55, когда ее впервые открыли. Обломки позолоченного деревянного погребального ковчега царицы Тейе свалены у восточной стены, а безымянная, пострадавшая от воды мумия лежит на усыпанном мелкими камешками полу. Над ней, в нише, стоят четыре канопы с крышками в форме человеческих голов.

- группа из четырех узурпированных алебастровых каноп, с крышками, выполненными в том же стиле, что и гроб; тексты на этих сосудах опять же были стерты в древности;

- группа из четырех «магических кирпичей», заклинания на минимум двух из них содержат тронное имя Аменхотепа IV-Эхнатона: «Осирис Неферхеперура-Уаэнра».

В дальнейшем раскопки позволили обнаружить ряд меньших объектов, некоторые из которых вывалились из разных деревянных ящиков, запечатанных в древности печатями с именем Тутанхамона.

Это собрание предметов поначалу произвело слабое впечатление на исследователей. Руководствуясь именем на ковчеге и ошибочным заключением первого попавшегося врача, что тело принадлежит женщине, Дэвис озаглавил публикацию об этой находке так: «Гробница царицы Тейе».

На самом же деле, все обстояло гораздо сложнее, как вскоре установил Артур Вейгалл, контролировавший раскопки Дэвиса (стр. 83) от лица египетского правительства со времени обнаружения гробницы Иуйи и Туйи. Вейгалл на протяжении всей своей жизни энергично доказывал, что в переделанном и сильно поврежденном, но превосходно украшенном гробе лежал владелец «магических кирпичей» — сам Аменхотеп IV-Эхнатон. Он сделал вывод, что первоначально этот царь делил гробницу с хозяйкой ковчега, т.е. со своей матерью Тейе, но уже в древности ее тело было перемещено людьми, не одобрявшими присутствие рядом с ней сына-«еретика».

Слабым местом в реконструкции Вейгалла был предполагаемый возраст скелета из гробницы 55. Анатом Грэфтон Эллиот Смит в 1912 году определил, что этот человек умер в 25 или 26 лет. Вейгалл признавал, что такого возраста недостаточно, чтобы идентифицировать его как Эхнатона, но все равно вероятность оставалась, и на какое-то время его версия была доминирующей. А исследование мумии Тутанхамона в 1926 году первоначально вроде бы подтверждало версию Вейгалла: строение его тела и тела из гробницы 55 были настолько схожи (теперь, благодаря анализам, мы знаем, что у обоих тел была также одинаковая группа крови), что при жизни они должны были быть близкими родственниками.

Однако после повторного исследования тела из гробницы 55, проведенного анатомом Дугласом Дерри через непродолжительное время, версия, похоже, рухнула: Дерри посчитал, что в момент смерти возраст этого человека был даже меньше, чем предполагал Эллиот Смит — не более 23 лет. Казалось, что идентифицировать его как Эхнатона невозможно, поскольку в таком случае в момент вступления на престол Аменхотеп IV был бы еще очень маленьким — максимум шести лет от роду — и это не вязалось с теми реформами, которые он практически сразу начал проводить. Как для Дерри, так в дальнейшем и для других, казалось более правдоподобным отождествить тело с призрачным преемником Аменхотепа IV-Эхнатона: Сменхкаррой. Хотя об этом царе не было известно практически ничего, ранее высказывались домыслы о том, что он мог быть старшим братом Тутанхамона. Теперь, после нового отождествления тела из Гробницы 55, настолько похожего на Тутанхамона, гипотеза казалась подтвержденной. Вся эта аргументация замкнута сама на себя, что неизбежно вызывает подозрения, равно как и тот факт, что ни единая частица археологических свидетельств и надписей в обнаруженной Дэвисом гробнице никак не подтверждает отождествления тела со Сменхкаррой.

А анализ археологических находок, проведенный Вейгаллом, был очень логичен, и современные исследования подтверждают его мысли о том, что тело из гробницы 55 должно было принадлежать Аменхотепу IV-Эхнату¹. Также ясно, что гробница 55 не являлась первоначальным местом захоронения как этого тела, так и всех захороненных вместе с ним вещей: все это было перенесено туда из эль-Амарны в период правления Тутанхамона, как показывают несколько маленьких отпечатков печати, найденных на полу среди мусора. По сути, гробница 55 была местом поспешного перезахоронения матери и сына, и с ними туда были помещены случайно выбранные похоронные принадлежности, изначально приготовленные для других, самых разных владельцев, в том числе гроб и канопы, которые когда-то принадлежали второстепенной жене Эхнатона по имени Кийя. Об этой женщине мы впоследствии еще поговорим.

Несмотря на случайный набор похоронных принадлежностей, перезахоронение в гробнице 55 было проведено почти по правилам, и первоначально количество вещей было значительно больше, чем об-

¹ Тело мужчины из KV55 действительно, судя по анализам ДНК, принадлежит сыну Аменхотепа III и Тейе и отцу Тутанхамона — Эхнату. Полностью исследования опубликованы в 2010 году: Hawass Z. et al. Ancestry and Pathology in King Tutankhamun's Family // The Journal of the American Medical Association, Vol. 303, no. 7 (2010). Таким образом, вопрос об идентификации останков из KV55 закрыт, а распространенная гипотеза о том, что это останки Сменхкара (которой придерживался и выдающийся отечественный специалист по Амарнской эпохе Ю.Я. Перепелкин), окончательно отвергнута. Дополнительные исследования, посвященные останкам и материалам гробницы, были опубликованы в рамках выставки саркофага, в котором был погребен Эхнатон: Das Geheimnis des Goldenen Sarges. Echnaton und das Ende der Amarna zeit. Muenchen, 2001. — *Прим. ред.*

Череп мумии из гробницы 55. К сожалению мумия оказалась пропитана водой, и Дэвису удалось спасти лишь кости; вся мумифицированная плоть, еще оставшаяся на момент обнаружения, в скором времени превратилась в пыль.

наружил Дэвис. Разграбление и беспорядок были устроены при повторном обнаружении, через два столетия после Тутанхамона, когда вырубалась лежащая выше гробница Рамсеса IX. Вероятно, обнаружив пустоту благодаря эху, возникавшему от ударов, рабочие эпохи Рамессидов приостановили свою работу и занялись исследованиями. То, что они обнаружили, привело их в ужас. Они поступили соответствующим образом. Чтобы мумия Тейе не осквернялась нахождением рядом с сыном-«еретиком», ее перезахоронили где-то в другом месте — возможно, именно ее обнаружили в захоронении Аменхотепа II в 1898 году. А гробу и его обитателю была уготована ужасная участь забвения и анонимности. Имена систематично удалены, лицо на гробе сбито, чтобы уничтожить глаза, нос и рот, то есть перекрыть сущности царя — зрение, дыхание и питание. В завершение, перед самым уходом, на голову гроба был брошен камень. Очевидно, что это нападение в полной мере отражает то, как в эпоху Рамессидов поносили память Аменхотепа IV-Эхнатона.

Довольно об археологии. Но как же быть с проблемой возраста тела в момент смерти? Джойс Файлер все еще придерживается мнения о его молодости, однако самым полным и наиболее убедительным исследованием костей из гробницы 55 остается работа Фаузиа Хуссейн и Джеймса Е. Харриса, обнародованная на Международном конгрессе египтологов в Каире в 1988 году. Эти анатомы сделали вывод, что скелет, вне всяких сомнений, является мужским и принадлежал человеку «довольно хрупкого телосложения», который находился в близком родстве с Тутанхамоном; зубы у него как у человека тридцати с лишним лет, а антропологические стандарты и новые рентгеновские исследования (в особенности трубчатых костей) позволяют установить, что возраст был не менее 35 лет. Если не появятся новые свидетельства, можно считать, что мы вышли из тупика, то есть Эхнатон найден, и мы, наконец, можем двигаться дальше.

Молодой преемник

Согласно анатомическому исследованию, опубликованному Р.Г. Харрисом в 1966 году, тело, найденное в гробнице 55, принадлежало мужчине, немного склонному к женственности и обладающему ростом примерно 1,7 м. Необычайная деформированность тела, показанная в памятниках начала самостоятельного правления царя, на самом теле не присутствует. Ясно, что многое из искусства Аменхотепа IV-Эхнатона представляло собой умышленное преувеличение реальности, почти

карикатуру, предназначенную для того, чтобы подчеркнуть потусторонний статус фараона и ту пропасть, которая разделяла его с обычными людьми. Мы можем предположить, что известная статуэтка царя из желтого известняка, хранящаяся сейчас в Лувре¹, наиболее верно отражает внешность царя при жизни — сходство лица изображенного там человека и лица Тутанхамона такое же точное, как и сходство двух мумий.

Согласно недавнему повторному исследованию Хуссейна и Харриса возраста тела из гробницы 55 на момент смерти, нам известно, что Аменхотеп IV вступил на престол в юности. Поскольку в дальнейшем его действия были подобны ярким вспышкам, их следует отнести на счет юношеской заносчивости. Кэмбриджский египтолог Джон Рэй провел великолепное сравнение Эхнатона с молодым фатимидским халифом эль-Хакимом (996—1021 гг. н.э.):

«он [эль-Хаким] был сыном правителя, известного своим великолепием и терпимостью, он попал под влияние властной женщины, своей сестры ..., он продемонстрировал растущую страсть к религии, которая питала сама себя, и также он обладал малопонятной сверхчувствительностью... Интеллектуальные способности были неразрывно связаны с жестокими капризами, непредсказуемыми поворотами в политике, действиями на основе внутренних побуждений, смущением общества и негуманными наказаниями тех, кто вызвал неудовольствие эль-Хакима...»²

Первые намеки на тяжелый характер фараона обнаруживаются в его отношениях с Тушраттой. Показателен следующий отрывок из письма митаннийского царя:

«Когда мой брат Ниммурия [Аменхотеп III] ушел к своей судьбе, сообщили об этом. Когда услышал я то, о чем говорили, ничто не было дозволено готовить в горшке. В тот день я сам сидел и рыдал... В тот день я не принимал ни пищи, ни воды. Печалился я, говоря: «Пусть даже я умру, или пусть умрут 10000 в моей стране, а также в стране брата моего 10000, но пусть мой брат, которого я люблю и который любит меня, был бы жив так долго, как существуют небо и земля»...»³

Но когда сказали, что Напхурия [Аменхотеп IV], старший сын Ниммурия и Тейе, его главной жены, учится управлять вместо него, тогда я произнес следующее: «Ниммурия, мой брат, не умер. Напхурия, его старший сын, теперь учится управлять вместо него. А потому ничто не будет изменено по сравнению с тем, как оно было раньше...»

¹ Речь идет о фрагменте скульптурной группы из Лувра (N 831), которую одинаково часто считают как поздним изображением Эхнатона, так и изображением Сменхкара (см. Матье М.Э. Искусство Древнего Египта. М.-Л., 1961, с. 400—401). Последние годы Лувр корректно называет памятник «фрагментом царской скульптурной группы Амарнской эпохи». — *Прим. ред.*

² Ray J.D. Göttinger *Miszellen* 86 (1985), p. 81.

³ Амарнское письмо EA 29.

Желтая известняковая статуэтка Эхнатона (?), хранящаяся в Лувре. Верхняя часть приобретена у Генри Солта в начале XIX века; все, что ниже колен, восстановлено впоследствии. Это первое среди найденных изображений царя, и именно оно, похоже, лучше всех показывает его настоящую внешность.

Официальное письмо Тушратты, вероятно, свидетельствует об одном из величайших разочарований в истории — ни в оставшейся части этого письма, ни в других подобных письмах не выражено так явно, как здесь, безнадежное желание установить взаимопонимание с новым фараоном. В братстве «великих царей» Аменхотеп IV с самого начала был проблематичным «братом», как следует из последующих писем царя Митанни.

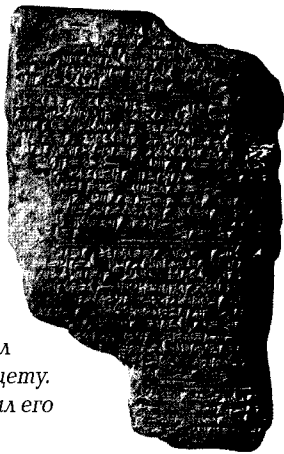
Амарнское письмо ЕА 27 — табличка, на которой имеется пометка «Год 2», обсуждавшаяся выше в связи с проблемой соправления, — в основном посвящено недоставке двух массивных золотых статуй: самого Тушратты и его дочери Тадухеппы, которые, возможно, составляли последнюю часть выкупа за невесту, обещанного Аменхотепом III перед смертью, но так и не были доставлены. Тушратта, в чем бы ни состояла причина этого, страстно желал обладать этими безделушками, а потому тема была снова затронута во втором письме. Вторая табличка (ЕА

26) адресовалась Тушраттой вдове Аменхотепа III, Тейе, от которой митаннийский царь явно ждал, что она повлияет на своего сына. Такая стратегия была бы странной, если бы новый царь не являлся несовершеннолетним¹.

Дальнейшее подтверждение молодости царя, вероятно, можно обнаружить в амарнском письме ЕА 29, посланном Тушраттой вскоре после предыдущего. Его сердитый тон очевиден; эффект усиливается тем, что митаннийский правитель умышленно не использует в нем титул «великий царь» — определение, которое Тушратта, тем не менее, подчеркнуто оставляет для самого себя. Тушратта пишет:

¹ Учитывая роль Тейе при дворе того времени, вполне вероятно, что она могла влиять на своего сына и после его совершеннолетия. В этой связи стратегия Тушратты также ничуть не была бы странной. — *Прим. ред.*

Одно из клинописных писем, найденных в эль-Амарне в 1887 году (ЕА 26). Оно адресовано царице Тейе Тушраттой, царем Митанни. «Ты та самая, кто знает, что я всегда проявлял любовь к [Аменхотепу III], твоему мужу, и что ... твой муж, со своей стороны, всегда проявлял любовь ко мне. ... Пусть твой сын ... не подвергает меня в нищету. ... Пусть он поступает со мной в 10 раз лучше, чем поступал его отец, с любовью и признаками уважения».

«...дело моего брата сделалось теперь причиной для осуждения. По какой причине мой брат [...]. Он мужчина, и он занял место на троне своего отца, который теперь стал богом»¹.

При переводе древних текстов многие нюансы неизбежно теряются; но если читать между строк, то похоже, что митаннийский царь хотел сказать следующее: «Ты уже не мальчик, а мужчина; вот и ведай себя как мужчина!» Разочарование Тушратты сложившейся ситуацией и отношением к ней Эхнатона вполне понятно; желание фараона довести иноземца до белого каления подтверждается тем, что он раз за разом задерживал посыльных митаннийского царя. Ситуация выглядела настолько злобедней, что Тушратта в том же самом письме постепенно приходит к выводу, что хорошие отношения между двумя странами закончились со вступлением на трон нового царя. К сожалению, у нас нет копии ответа фараона. Хотя, возможно, ответа вообще не последовало.

Вероятно, Тушратта немного успокоился бы, если бы узнал, что и другие иноземные правители испытывали трудности с Аменхотепом IV. Суппилулиума, царь хеттов, очевидно, имел такие же проблемы, как выясняется из других писем (EA 41 и EA 42, если, конечно, адресатом второго был Аменхотеп IV):

«И теперь, что касается таблички, которую ты мне прислал: почему ты поставил свое имя выше моего имени? И кто же из нас разрушает теперь хорошие отношения между нами, пристойны ли такие поступки? Брат мой, писал ли ты мне с мирными намерениями...?»²

В чем была причина такого безразличия фараона? Очевидно, он считал дружественных великих царей и их пустяковые дела недостойными своего внимания. В дальнейшем станет ясно, что его взор был устремлен на более возвышенные вещи.

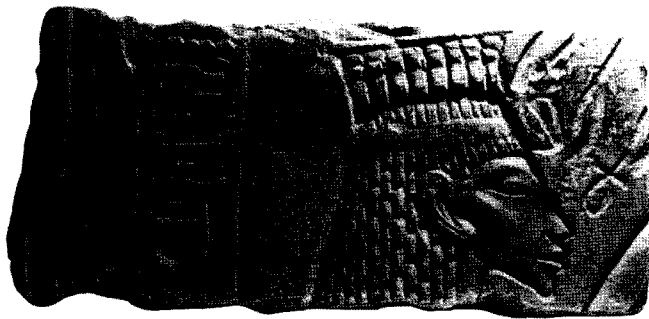
Нефертити

«...Та, кто умиротворяет Атона голосом сладостным, своими руками прекрасными, держащими систры» *Нагпись из гробницы «отца бога» Эйе*

На нескольких ранних изображениях Аменхотепа IV, известных в наше время, царь изображен без Нефертити — той женщины, которая будет играть ключевую роль в его жизни в последующие годы. Но важно отметить, что первая и третья дочери этой пары, Меритатон и Анхесенпаатон, были к концу правления достаточно взрослыми, чтобы самим иметь детей. Следовательно, их мать, Нефертити, была царицей

¹ Амарское письмо EA 29.

² Амарское письмо EA 42.

Супруга царя, Нефертити, изображенная в утрированном стиле первых лет правления Аменхотеп IV-Эхнатона. Солнечный луч перед ее лицом заканчивается человеческой рукой, держащей знак «жизнь». Стиль, размеры и материал изготовления блока (песчаник) говорят о том, что когда-то он был частью храмового комплекса Атона, воздвигнутого в Карнаке в начале правления Эхнатона и впоследствии разрушенного его преемниками.

с самого начала правления Аменхотеп IV. Ее отсутствие на изображениях может быть всего лишь пережитком прошлого: если царь в то время являлся соправителем отца, то, как при любом соправлении, могла существовать всего одна общеизвестная царица, и ей была Тейе, которую в ряде случаев изображали вместе с сыном. То, что Нефертити не известна как царица до провозглашения нового стиля, посвященного Атону, может свидетельствовать о том, что революция Аменхотеп IV началась лишь после смерти его отца.

Происхождение Нефертити остается загадкой. Бледная кожа¹ и стройный, величественный вид хранящегося в Берлине скульптурного портрета, так поразившего Гитлера, вполне могут свидетельствовать об иноземных корнях. Об этом же, видимо, говорит и имя царицы: «Красавица пришла». Нет ничего удивительного в том, что ее неоднократно пытались идентифицировать как Тадухеппу — дочь Тушратты, царя Митанни². Однако против подобной идентификации было выдвинуто несколько аргументов. В том числе обнаруженное в эль-Амарне (в гробницах Панехси, Майя и других) упоминание о «сестре царицы», которую звали Мутбенерет/Мутноджемет — произношение спорное — а также о том, что у Нефертити была своя египетская кормилица, что, в случае с недавно прибывшей взрослой Тадухеппой, очень сложно объяснить.

В настоящее время считается, что, скорее всего, Нефертити родилась и выросла в Египте. Ее кормилицей была не кто иная как Ти́и, жена Эйе.

¹ Пигмент, которым передан цвет кожи Нефертити на ее знаменитом бюсте из Берлина, ничем не отличается от оттенка, которым в Египте традиционно передавался цвет женской кожи. Есть примеры намного более светлого пигмента, использовавшегося для окраски статуй коренных египтянок. история семей которых хорошо известна. — *Прим. ред.*

² В настоящее время эта гипотеза признана окончательно устаревшей. — *Прим. ред.*

Преданные слуги: «отец бога» Эйе и его супруга Ти́и получают фаянсовые (?) золотые ожерелья в качестве подарков от Эхнатона и его жены. Сцена из гробницы Эйе в эль-Амарне (№ 25). Царственные дарители показаны на рисунке Лепсиуса — см. стр. 17.

предполагаемого шурина Аменхотепа III и дяди Аменхотепа IV. Может, Эйе был отцом Нефертити? Возможно, как и в случае с предполагаемым отцом Эйе, Иуйя, его титул «отец бога» должен пониматься буквально, как «тесть царя». И, конечно же, Эйе возлагал большие надежды на этот титул, поскольку в дальнейшем он был включен в его царское имя и мог служить обоснованием его прав на трон. Но если Эйе был отцом Нефертити, то почему Ти́и названа всего лишь «кормилицей»?¹ Возможно, она просто была поздней женой Эйе, в отличие от настоящей матери Нефертити².

Разумеется, если Эйе был отцом Нефертити, он должен был продолжать традицию породнения с царской семьей, на котором, как минимум отчасти, основывались успехи его семьи. Отцовство может объяснить и высокую честь, которая оказывалась ему как самому преданному стороннику нового режима (см. далее), и расположение его впечатляющей гробницы в эль-Амарне, и даже его будущее восхождение на царский трон. В таком случае возникает предположение, что Мутбене́рет/Мутно́джемет была еще одной его дочерью³. А братом этих двух сестер (может быть, сводным) мог являться предполагаемый сын Эйе, Нахтмин, на которого Эйе в дальнейшем, уже став фараоном, будет возлагать большие надежды.

¹ Скорее всего, родители Нефертити — Эйе и Ти́и не упоминаются такими в современных им текстах, а Ти́и именуется всего лишь «кормилицей» царицы потому, что новая амарнская религиозная доктрина полностью изменила статус царя и царицы, провозгласив их воплощениями Шу и Тефнут — первой пары порождений Атума. См. Arnold D. *The royal woman of Amarna*. New York, 1996. В настоящее время египетское происхождение Нефертити не подвергается сомнению. — *Прим. ред.*

² Нет ни одного источника, который подтверждал бы существование у Эйе «первой» жены, предшественницы Ти́и. — *Прим. ред.*

³ В нескольких амарнских текстах Мутно́джемет, сестра Нефертити, открыто называет себя дочерью Ти́и. Подробнее см. Солкин В.В. Истинное имя Таиах // Восточная коллекция, весна 2012, с. 104–111. — *Прим. ред.*

Религиозный импульс

«Боги приходили и уходили. Фараоны покровительствовали то одним, то другим, так же как в христианские времена короли покровительствовали какому-нибудь известному святому, не извещая об этом Церковь. Амен [Амон] был утвержден быстро. Вероятно, его ненавидели жрецы Ра, которых он отстранил от власти, но ни один Фараон не был настолько сумасшедшим, чтобы восстать против бога, принесшего победу. Однако они не принимали в расчет возможность появления фанатика». *Джон Пендлбери*¹

Политико-религиозные воззрения Аменхотепа IV изменили облик древнего мира. Но откуда они возникли? Кто были учителя фараона? Одним из них мог быть гелиопольский жрец Анен, его дядя, но мы практически ничего не знаем об этом человеке, за исключением его титулов. О другой влиятельной фигуре известно от Манефона — историка, жившего в III веке до н.э. — слова которого донес нам его более поздний редактор Иосиф Флавий. Вот как он описывает начало амарнской эры:

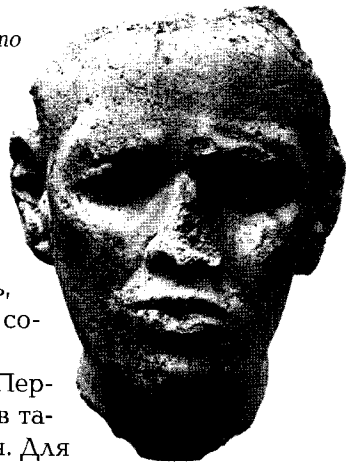
«...[царь Аменофис], подобно Гору, одному из своих царственных предшественников, пожелал созерцать богов. Он сообщил об этом желании своему тезке Аменофису, сыну Пааписа, который, как считалось, причастен божественного совершенства благодаря своей мудрости и дару предвидеть будущее. Этот человек сказал ему, что он сможет созерцать богов, если полностью очистит страну от прокаженных и других нечистых. Обрадованный царь велел изгнать из Египта всех, кто имел скверну на теле (число их составило восемьдесят тысяч человек), и приказал заключить их в каменоломни к востоку от Нила, чтобы те работали там наравне с прочими египетскими заключенными. Среди них, говорит он, были даже несколько ученых жрецов, зараженных проказой. Однако Аменофис, этот мудрец и прорицатель, побоялся навлечь на себя и на царя гнев богов за то, что кто-то увидит их самовольно, и придумал сказать, что какие-то люди возмут нечистых в союзники и будут править Египтом тринадцать лет. Не решившись сказать этого царю самолично, он оставил ему подробное письмо и покончил с собой»².

Очевидна путаница в деталях этой истории, как и во многом из того, что дошло до нас из творчества Манефона. Как пишет сам Иосиф Флавий, «поскольку Манефон следовал древним записям, он не уходил далеко от правды; а когда он обращался к неавторитетным легендам, то либо излагал их в неправдоподобном виде, либо иным образом выражал не-

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 8.

² Цит. по: Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона (пер. Я. Израэльсона и Г. Генкеля). СПб, 1898. — *Прим. пер.*

Бразительно реалистичная гипсовая модель из мастерской скульптора Тутмоса. В наши дни считается вполне вероятным, что это лицо Аменхотепа сына Хапу — мудрого советника Аменхотепа, который, как пишет Манефон, покончил жизнь самоубийством в времена правления сына этого фараона.

Доверие к предполагаемым очевидцам». Дальнейшие отрывки из официальных египетских «историй» со всеми упоминаниями об Аменхотепе IV-Эхнатоне и его преемниках, возможно, позволяют отчасти объяснить, почему Манефон изложил такую искаженную версию событий: он в значительной степени полагался на слухи.

Имена царственных прототипов достаточно ясны. Первый из них, «Аменофис» — это Аменхотеп IV; а «Гор» в таком случае — его отец в образе Хора, предвечного царя. Для Иосифа Флавия «Аменофис» был «выдуманной фигурой», поскольку Манефон «не указал длительность его правления, хотя в случаях с другими царями он точно указывал их годы». Однако у его молчания могут быть и другие объяснения — в том числе проклятие, наложенное на фараона-еретика потомками.

Подлинный интерес в этом отрывке из Манефона представляет упоминание «Аменофиса, сына Пааписа», который является не кем иным, как почтенным Аменхотепом, сыном Хапу, великим строителем, администратором, мудрецом, постигшим тайны. Он безупречно служил Аменхотепу III и преобразил облик Фив и многих других мест. То, что этот мудрец мог жить и при правлении Аменхотепа IV, обычно игнорируется, но, возможно, подтверждением этому являются два гипсовых бюста из числа работ студии Тутмоса в эль-Амарне (см. далее). Кого они, скорее всего, изображают, подсказал мне У. Рэймонд Джонсон. Основополагающее влияние Аменхотепа сына Хапу на нового царя¹ помогает объяснить преемственность философии двух царей, двух владык этого вельможи. Однако, как показывает Манефон, эту философию Аменхотеп избрал с самого начала правления и истолковал в своей особой манере.

Храмы Карнака

Согласно традиции, фараон являлся связующим звеном между миром богов и миром людей. При жизни его считали воплощением Хора, после смерти он воссоединялся с Осирисом и нерушимыми звездами. В

¹ Если говорить о роли Аменхотепа сына Хапу при детях царской семьи, то не следует забывать, что он являлся управляющим хозяйством Сатамон, дочери Аменхотепа III, а также большим почитателем Амона в Карнаке. Нет никаких свидетельств какого-либо влияния этого исключительного человека на Аменхотепа IV. Приписанная ему автором роль с трудом укладывается в известные сегодня исторические реалии. Роль «солнечного» идеолога в царской семье, скорее всего, играл Анен, брат Тейе. — Прим. ред.

Маленькие блоки от разрушенных карнакских храмов Аменхотепа IV-Эхнатона были использованы в качестве наполнителя в строительных работах последующих фараонов. На этой фотографии видны внутренности девятого пилона Карнакского храма, воздвигнутого Хоремхебом: множество талататов, уложенных ровными рядами.

период правления Аменхотепа III вера в божественность фараона была медленно, намеренно, целенаправленно поднята на новую и (в случае с XVIII династией) беспрецедентную высоту, чтобы восстановить авторитет царя. Это стремление разделялось и его сыном, который действовал быстрее и упорнее, восстановив авторитет царя до того неприступного уровня, на котором он находился в самом начале египетской истории¹. Однако Аменхотеп III был умерен в своих амбициях и прислушивался к мудрым советам других, а Аменхотеп IV был молод, тороплив, порывист и чрезмерно самоуверен.

Приверженность Аменхотепа IV культу солнца — в его собственной, элитарной версии, которая опять же воспроизводит религию далекого прошлого — проявилась

в полную силу уже в самом начале его правления. Ясно, что фараон считал необходимым исполнить определенную миссию. Он обладал редким умом, был хорошо подкован в мельчайших деталях теологии и досконально изучил тайны храмовых архивов; невзирая на возраст, он имел четкие воззрения и был полон решимости распространять их. Одним из проявлений этой юношеской самоуверенности была грандиозная строительная программа, развернутая царем в начале своего правления, главным образом в Фивах, перед восточным и западным входами великого карнакского храмового комплекса.

За последние десятилетия численность свидетельств, связанных с карнакскими строениями, сильно возросла за счет компьютерного изучения нескольких десятков тысяч песчаниковых блоков того време-

¹ Аменхотеп III стал третьим в череде нескольких царей Египта (Хуфу, Аменхотеп III, позже, в XIII в. до н.э., — Рамсес II), которые, в отличие от традиционной модели, представлявшей царя как сына Солнечного божества, провозгласили себя зримой земной ипостасью Солнца. Таким образом, в случае с Аменхотепом III, речь идет не о «восстановлении авторитета» царя, а о его новом невероятном прижизненном самообожествлении, противоречащем традиционным формам египетского религиозного мировоззрения. — *Прим. ред.*

ни, несущих на себе, главным образом, выдолбленные и раскрашенные рельефы. Эти блоки использовались в качестве строительного наполнителя во времена тех царей, которые разрушали строения Аменхотеп IV. Эту научную программу — «Проект храма Эхнатона» (*Akhenaten Temple Project — АТР*) — придумал американец Рэй Уинфилд Смит; а ученым, реализовавшим ее, стал канадский египтолог Дональд Б. Редфорд. Параллельно, независимо от них, Франко-египетским центром (*Centre franco-égyptien*) в Карнаке велась работа над похожими блоками, причем со столь же интересными результатами.

Карнакские блоки, покрытые рельефами, известны двух стандартных размеров: большие, с рельефами в традиционном стиле и подписанные именем Аменхотепа IV — их, как известно, обнаружили у южных ворот Карнака — и другие, во многом более интересные блоки меньшего размера, длиной в пол-локтя. Размер уменьшили совсем не обязательно с той целью, чтобы их было легче транспортировать, как некоторые думают. Возможно, их хотели сделать того же «чистого» размера, что и блоки, из которых выстроен комплекс ступенчатой пирамиды Джосера времен III династии. Эти меньшие блоки обычно называют *талатам* — данный термин (вероятно, итальянского происхождения) используется в исламской архитектуре и, как считается, связан с их размером в три ладони. Хотя египтологи уже с начала XIX века знали о *талатах* из работ Эмиля Присс д'Авенна и Карла Рихарда Лепсиуса, до проекта АТР их значение оставалось неопределенным. По кусочкам составляя элементы этой огромной головоломки (у большинства фрагментов обломаны края, что делает связи между ними менее очевидными), участники «Проекта храма Эхнатона» пролили важный и неожиданный новый свет на малоизвестный до этого период правления Аменхотепа IV.

В результате восстановительных работ к настоящему моменту удалось состыковать более 20 процентов *талататов*, и установить, что в

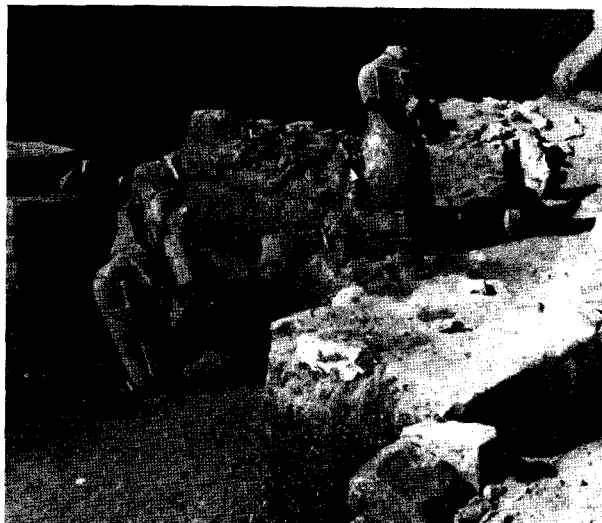
Путем медленной и кропотливой работы, иногда с использованием компьютеров, археологам удалось воссоздать ряд сцен, которые когда-то украшали храмовый комплекс Атона в Карнаке. Данная стена, на которой сохранилось поразительно много изначальной раскраски, содержит сцены хлопотной повседневной жизни храмовых хранилищ, мастерских и пивоварни.

Карнаке существовало несколько храмов, возведенных Аменхотепом IV и его супругой Нефертити во славу Атона. Сейчас их многозначительно называют «Гелиополем Верхнего Египта». Разрушение этих храмов началось уже при Тутанхамоне и продолжилось при Хoremхебе. Ярko раскрашенные блоки были впоследствии использованы в качестве наполнителя при строительных работах на том же месте: при создании второго, третьего, девятого и десятого пилонов, а также оснований большого гипостильного зала. Другие обнаруженные блоки того же вида, использованные в Луксорском храме Рамсесом II, и в Медамуде — более поздними царями XIX династии, похоже, также взяты из разрушенных Карнакских строений Аменхотепа IV.

Большинство Карнакских блоков было обнаружено в 1920е-1930е гг. К сожалению, сведений об их расположении в момент находки сохранилось мало. Дополнительная путаница возникла при их извлечении и последующем хранении. Несмотря на эти трудности, многолетняя работа команды Редфорда, несомненно, увенчалась огромным успехом, поскольку стало возможно не только восстановить ряд ключевых сцен, но и убедительно доказать, что храмов, из которых происходят *палататы*, было четыре, и возведены они были для и после юбилея *Сег*, отпразднованного Аменхотепом IV. Вот предполагаемый список Карнакских строений:

- *Геметпаатон* («Атон найден») — самый большой из храмов, представленный блоками из оснований гипостильного зала в Карнаке и из внутреннего наполнения второго и девятого пилонов. Поскольку новый «революционный» стиль в искусстве, судя по рельефам, проходил еще стадию эксперимента, а также из-за того, что там упоминается всего одна дочь Эхнатона, Меритатон, это, предположительно, было первое сооружение, созданное царем, возможно, во 2-й год правления. Далее, благодаря раскопкам, проводившимся на этом месте с 1975 года, мы теперь знаем первоначальное местонахождение 28 фундаментов и 25 великолепных царских колоссов, обнаруженных Анри Шеврие в 1925

Процесс раскопок, проводившихся Анри Шеврие на месте большого храмового комплекса Эхнатона в Карнаке. Исполинские скульптуры, извлеченные из земли стараниями француза, поражают своим утрированным ранне-амарнским стилем. После смерти фараона они были демонтированы — так же как и здания, которые они украшали.

Вид снизу — под тем самым углом, под которым на карнакские колоссы Аменхотепа IV-Эхнатона должны были смотреть люди. Характерное искривление лица царя становится менее заметно. Ощущение такое, что перед тобой обладатель подлинной власти. Ранняя форма имени Атона, заключенная в два картуша, размещена на выпуклых пластинах на руках и на теле.

году, к сожалению, в разбитом состоянии¹. Храм Геметпаатон был расположен к северу от храма Амона и, предположительно, к югу от царского дворца. Этот дворец упоминается в текстах, но поскольку он наверняка был выстроен из сырцовых кирпичей, никаких следов не осталось.

- храмы Ругмену («Упроченный памятниками») и Тенимену («Возвышенный памятниками») — это строения, созданные примерно на 3-м году правления, предположительно в окрестностях девятого пилона, где и были найдены украшавшие их блоки;

- храм Хутбенбен, «Обитель [камня] Бен-бен» (камня, который являлся центральным объектом культа в гелиопольском поклонении солнцу). Как и в Геметпаатоне, единственным священнослужителем, изображенным на этом строении, была Нефертити, чья роль в качестве женского начала в культе Атона, очевидно, имела принципиальную важность. Поскольку на храме имелись сцены с участием второй дочери, Макетатон, его возведение относится примерно к 4 году.

Своим архитектурным стилем — также как, без сомнения, и другими элементами — религия Атона была обязана Геолиопольскому культу. Храмы Атона были открыты небу, свету и воздуху, что полностью контрастировало с темнотой и замкнутостью сооружений культа Амона, наполненных благовониями и создававших атмосферу таинственности и неизвестности. Открытость храмов Атона говорит еще об одном отличительном признаке культа: ему не требовались изображения бога, поскольку бог в дневные часы был постоянно виден. В результате, многое из ежедневной рутины старой религии становилось ненужным, и жрецов Атону требовалось меньше. Похоже, теперь они занимались главным образом тем, что выставляли жертвенные дары под лучами солнца и уносили их назад, когда божество насытится. Еще важнее то, что роль жрецов — опять же в соответствии с *маат*, т.е. «должным порядком вещей» — свелась всего лишь к роли «слуг бога», главным из которых, разумеется, являлся сам фараон.

¹ Эти специфические статуи, как оказалось, были выполнены скульпторами Эхнатона из... прекрасных песчаниковых колоссов его отца Аменхотепа III, некогда стоявших между колонн перистильного двора храма царского Ка в Луксоре. См. Kozloff A. Chips off old statues. Carving the Amenhotep IV Colossi of Karnak // KMT 3(2012), pp. 18–32. — Прим. ред.

Юбилей Атона

Аналогичные храмы были впоследствии возведены в эль-Амарне, Гелиополе, Мемфисе, Иераконполе, нубийском Сесеби и других местах. Однако именно Карнакские строения являлись сердцем революции Атона, и именно они дают нам ключ к пониманию событий того времени, поскольку свидетельствуют о загадочном юбилее, который Аменхотеп IV-Эхнатон отпраздновал уже после второго года своего правления.

Главный вопрос, связанный с храмами Карнака: почему Аменхотеп IV решил праздновать *Сег* задолго до своего 30-го года правления? Вообще-то, стандартный тридцатилетний промежуток перед первым юбилеем царя часто не соблюдался, и причины этого не вполне ясны. Мы будем здесь пользоваться такой гипотезой: на время проведения празднества *Сег* Аменхотепа IV повлияли не его собственные годы правления, а годы правления его отца.

Точное соответствие между празднествами *Сег* Аменхотепа III и его сына не может быть установлено с абсолютной уверенностью, поскольку известные нам цифры не вполне сходятся; но предположение о том, что юбилей Аменхотепа IV совпал либо с третьим *Сегом* его отца, либо с планировавшимся к 40-му или 41-му году четвертым *Сегом*, трудно просто так игнорировать.

Если Аменхотеп III не пережил 38-й год своего правления, как обычно полагают египтологи, то сопоставление с третьим юбилеем обязательно потребует наличия краткого периода соправления двух царей; а сопоставление празднества *Сег* Аменхотепа IV с планировавшимся четвертым *Сегом* Аменхотепа III такого сопоставления не потребует. Однако если Аменхотеп III прожил еще один или два года *после* празднования своего третьего юбилея — что вполне возможно — то становится в равной степени вероятно отождествление первого юбилея Аменхотепа IV как с третьим, так и с не состоявшимся четвертым *Се-*

Блок из Карнака, на котором сохранились две сцены праздника Сег, устроенного Эхнатоном в начале правления. На левой показано, как царь совершает жертвоприношение Атону, а на правой он изображен в обтягивающем праздничном одеянии, окруженный глубоко склонившимися жрецами. На обеих сценах фараон — единственный, кто купается в животворящих лучах солнечного диска.

дом его отца. В любом случае, аргументы сложны и умозрительны, но шанс выяснить правду все же остается.

Интересная аналогия «юбилея, проводимого заместителем» может быть обнаружена в рельефах из Амады, посвященных *Сегу* Тутмоса IV: поскольку этот царь умер после довольно короткого правления, и не осталось больше никаких свидетельств того, что он праздновал свой собственный юбилей, возникло предположение, что ритуал, задокументированный в Амаде, на самом деле праздновался от лица его предшественника, Аменхотепа II. Если это так, то Аменхотеп IV в Карнаке праздновал свой юбилей от лица усопшего отца, хотя и привнес в него новые элементы, связанные, как мы увидим, с солярными «намерениями» Аменхотепа III.

«Юбилейные» рельефы Аменхотепа IV, реконструированные «Проектом храма Эхнатона», существенно расширили круг источников, сохранивших изображения этого древнего ритуала — от рельефов из Абу Гуроба, датируемых правлением царя V династии Ниусерра, рельефов из храма Хонсу в Карнаке, рельефов из Солеба, фиванских гробниц Хаэмахета (TT57) и Херуэфа (TT192) времен правления Аменхотепа III, и до рельефов праздничного зала Осоркона II в Бубастисе¹. Целью ритуала было подтверждение царской власти и придание царю новых сил в присутствии богов и людей.

Однако празднования Аменхотепа IV существенно отличаются от других известных нам юбилеев *Сег*. Атон на них был единственным божеством. Амон, Птах, Тот, Осирис и другие великие боги, перед которыми ритуал проводился раньше и которых Аменхотеп III, разумеется, почитал, здесь явно отсутствуют. Также нигде не изображено, как Аменхотеп, следуя традиции, демонстрирует свою физическую способность царствовать. Что также интересно, царедворцы, участвующие в праздниках Аменхотепа III, упомянуты по именам, а те, кто принимал участие в *Сеге* его сына, обозначены только своими должностями.

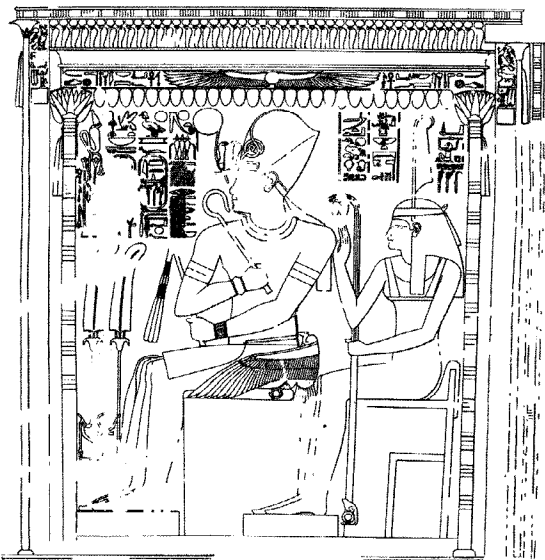
Весьма вероятно (если судить по «раннему заявлению» с эль-Амарнских пограничных стел), что после первого Карнакского юбилея дальнейшие ритуалы омоложения собирались проводить время от времени в новой столице, созданной в эль-Амарне в Среднем Египте. Следует признать, что прямых свидетельств почти нет. Есть лишь один блок из Гермополя (находящийся сейчас в музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке), на котором содержится часть сцены несения трона, похожей на праздничные рельефы царя из Карнака. Но версию о нескольких юбилеях, которые периодически праздновались в эль-Амарне, можно попробовать увязать с различными «ключевыми» стадиями в развитии революции Атона — стадиями, которые мы будем рассматривать далее.

¹ О более ранних изобразительных источниках по празднеству Сед см. Крол А.А. Египет первых фараонов. Хеб-Сед и становление древнеегипетского государства. М., 2005. — Прим. ред.

Искусство и история

Если, как мы решили, Аменхотеп IV какое-то время являлся соправителем своего отца, то памятники свидетельствуют о том, что его революционные устремления в тот период находились под жестким контролем. Его изображения впервые появляются в фиванских гробницах высших чиновников Херузфа (ТТ192) и Рамосе (ТТ55), вероятно, в связи с объявлением его соправителем. И изображен он строго в стиле Аменхотепа III, как плоть от плоти своих родителей, как миниатюрный взрослый, зеркальное изображение своего отца. Ему разрешено осуществлять строительные работы в Карнаке, но в рамках ограниченной программы; строя храм, посвященный своему личному богу, он использует блоки традиционных размеров; и кроме того, на самых ранних рельефах молодой царь показан в полностью традиционной манере, и единственным индивидуализирующим признаком является слабый намек на его полноту. Даже Атон, в его раннем карнакском воплощении, демонстрирует ту же консервативность: он показан как традиционный бог с головой сокола, несущий на себе солнечный диск с уреем; этот бог отличается от десятка других богов лишь своим именем: «Ра-Хорахте, ликующий в горизонте в имени своем Шу (свет), который есть солнечный диск (Атон)».

Все прочие известные памятники ранних лет Аменхотепа IV выполнены в таком же консервативном духе — в том числе поврежденные стелы в Зарнихе, напротив Эсны, а также в Асуане, и огромная надпись, вырезанная в скалах Гебель эль-Силсилэ. Последняя из них, не датированная, говорит об экспедиции, посланной царем, чтобы вырубить блок золотисто-желтого кварцевого песчаника. Из него планировалось сделать бенбен, центральный элемент храма в Карнаке, который

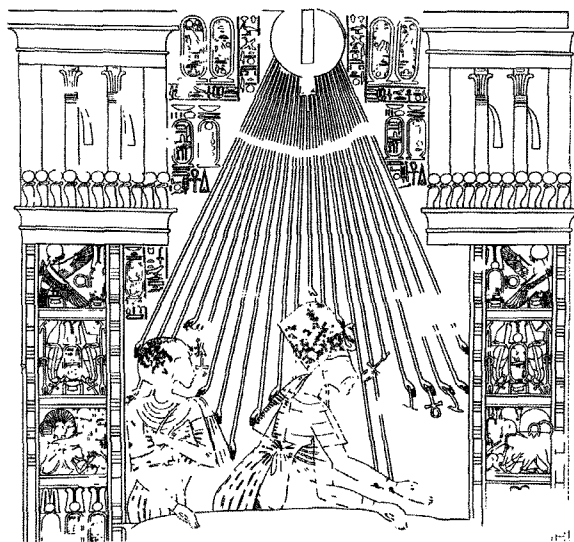

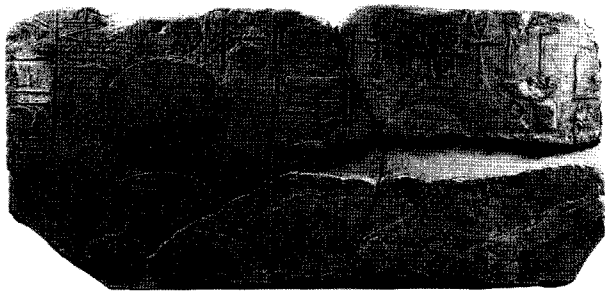
Фиванская гробница Рамосе (ТТ55), везира Аменхотепа III, находилась в процессе создания, когда старый царь умер. Здесь хорошо видна внезапность, с которой произошли изменения, связанные с началом единоличного правления Аменхотепа IV-Эхнатона. Слева, будучи еще младшим соправителем, этот царь изображен в солидной формализованной манере последних лет правления его отца. А справа — в том революционном стиле, который вскоре станет нормой: здесь и Аменхотеп IV, и его жену Нефертити лучи бога Атона окружают множеством знаков «жизнь» и «власть».

царь, «первый жрец Хорахте», уже строил. На стеле опять же вырезана сцена в традиционном стиле, на которой Аменхотеп IV приносит жертву Амону-Ра под крылатым солнечным диском.

Изменения начались внезапно, и наиболее подходящим объяснением этому является исчезновение родительского контроля — то есть смерть Аменхотепа III. Эта внезапность наглядно отражена в гробнице южного везира Аменхотепа III, Рамосе, который был родственником сына Аменхотепа Хапу. Хотя многие из рельефов гробницы выполнены в традиционном стиле предыдущего царя, после его смерти все ограничения исчезают, и мы видим, как буквально сразу возникает, в своем окончательном виде, раскованный натуралистический стиль Аменхотепа IV. Причем по-новому изображаются не только царь и его главная царица Нефертити — которые схематично нарисованы в «Окне явлений» под защитными, дарующими жизнь лучами Атона — но и сам бедный Рамосе. Был ли чиновник доволен деятельностью Аменхотепа IV, результаты которой провокационно изображены рядом с делами прошлого на одной и той же стене, история умалчивает; но странное соседство стилей отца и только что обретшего независимость сына должны были вызывать немало удивления в древности. Так или иначе, гробница так и не была завершена, вероятно, потому, что рабочие были переброшены на более срочные работы, в том числе в новой столице Ахетатоне (см. далее). А может, Рамосе просто умер, предположительно от шока¹. Другая гробница, в которой видна такая же игра со стилями, тоже не была закончена: она принадлежит управляющему Пареннефе-

¹ Причина незавершенности гробницы Рамосе была предметом многих дискуссий. Не стоит отвергать и возможность преследований вельмож «старого режима» молодым царем-фанатиком. — *Прим. ред.*

Песчаниковый блок из Карнака, на котором сохранились остатки двух сцен. На левой Атон предстает в своем раннем виде — не как солнечный диск с лучами, а как антропоморфное существо с головой сокола. На фрагментах правой сцены изображен сам Аменхотеп IV в стиле, характерном для последних лет правления его отца.

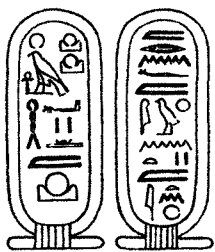
ру (TT188) — молодому, готовому к переменам человеку, которому царь, вероятно, в последующие годы подарил другую гробницу в эль-Амарне (номер 7).

Важно то, что внезапная смена стилей совпадает по времени с возведением в Карнаке строений, готовившихся для *Сег*, который, как мы предположили, Аменхотеп IV готовился отпраздновать от имени своего покойного отца. Очевидно, это было событием огромной важности, поскольку, как я предполагаю, оно являлось кульминацией возведения Аменхотепа III в ранг бога солнца.

Аменхотеп III: обнаруженный Атон

В связи с празднованием юбилея в Карнаке, произошли существенные перемены в изображении Атона. Старый бог с головой сокола исчез, и вместо него возник новый, такой как в гробнице Рамосе: солнечный диск, тянущий свои всепроникающие лучи жизни и власти к носам фараона и его царицы. Это новое изображение бога сопровождается тем же поясняющим именем, которое мы встречали на ранних изображениях этого бога — с акцентом на свете, который для нового фараона являлся ключевым понятием солнечной теологии. Важно, что теперь это имя заключено в два картуша, и дополняется формулой, согласно которой Атон — это бог, празднующий юбилеи *Сег*. Возникает мысль, что Атон был царем — и именно так, в сущности, бог с тех пор и воспринимался.

Государственный статус солнечного культа Аменхотепа IV был впервые установлен в связи с карнакскими юбилейными торжествами, а следовательно, его природа проясняется: Атон — это и есть Аменхотеп III; божественность царя была после смерти формализована в виде абстрактного изображения, подобающего его новому бесплотному состоянию. Более того: если бы Аменхотеп III объединился с солнцем в прежней, освященной веками манере, он оставался бы всего лишь одним из многих царей. А культ Атона стал культом самой царской власти — финальной стадией в последовательном целенаправленном восстановлении царской власти после унижения, которому ее подвергла

Хатшепсут вместе со жрецами Амона столетием раньше. Обнаруженное Герхардом Фехтом созвучие между древним произношением имени Атон («Йати») и египетским словосочетанием «мой отец/предок» («йата») — выражениями, которые доминируют в надписях того времени — было, очевидно, больше чем забавной игрой слов.

Подлинная революция

Принятие новой иконографии сопровождалось серией революционных изменений, которые затронули каждый аспект жизни египтян — от порядка богослужения до норм языка и форм обращения. Имя, присвоенное четвертому храму Аменхотепа IV в Карнаке — Хутбенбен, «Обитель [камня] Бен-бен» — подчеркивает радикальность этих изменений и явное желание царя представить их как возврат к древним основам и незапятнанной (не политизированной) религиозной «чистоте», присущей древнейшим солнечным верованиям. Однако, несмотря на все заверения о том, что источником является далекое прошлое, режим в дальнейшем будет прославлять все новое, свежее, реальное, то, что происходит здесь и сейчас. Вот в чем состояла настоящая революция. Исчезло чувство времени, все стабилизировалось после окончательного перехода Аменхотепа III в разряд богов, а формальное установление веры предков означало, что сын вступил на египетский трон.

Прошлое, настоящее и будущее царской власти стали едиными, неделимыми, священными. Обладатель этой власти — по крайней мере, в теории, — был теперь более могуществен, чем когда-либо раньше. Отражением новой реальности и новых ролей фараона как «Великого Видящего» и «верховного жреца» культа Атона стало то, что он сменил свое имя. Нет больше Аменхотепа, того, в ком «Амон умиротворен». С 5 года он известен как Эхнатон — «Действенный от имени Атона»¹. Эхнатон теперь стал единственным представителем своего отца на земле, и их соправление продолжилось.

¹ Более корректный перевод имени — «Действенный дух Атона». — Прим. ред.

Придворные склонились в подобострастной позе в пыли у ног всемогущего царя — как от страха, так и из уважения. Песчаниковый блок — талатат, оставшийся от одного из разрушенных карнакских строений Аменхотепа IV-Эхнатона.

Амарнская пограничная стела S

ПЕРЕЕЗД В ЭЛЬ-АМАРНУ

«Тогда сказал [Эхнатон]: «Приведите ко мне советников царя и главных царедворцев, начальников стражи, надзирателей за работами, чиновников и весь двор». Их всех привели к нему сразу, и они пали на животы перед Его Величеством, целуя землю перед великим богом. Тогда сказал им Его Величество: «Узрите Атона! Желает Атон иметь [город], построенный для него как памятник его имени в вечности и бесконечности...» *Отрывок из раннего заявления царя с эль-Амарнской пограничной стелы*

Было ясно, что предстоят новые изменения. Через несколько лет после смерти отца Аменхотеп IV-Эхнатон решил оставить как Мемфис, административную столицу Египта, так и Фивы, его религиозный центр, их чиновникам и жрецам. Он провозгласил, что владения фараона отныне будут управляться из нового города, посвященного исключительно новому богу. Город получил имя Ахетатон, «Горизонт Атона». В соответствии с надписью на стуле, принадлежавшем рабочему некрополя Нахи, «слуге в Месте Истины к западу от Ахетенатона [sic]»¹, это наименование первоначально пытались применить к самим Фивам. Но Фивы, очевидно, сочли неподобающим местом для нового бога, и этот город был оставлен навсегда. Переезд, как всегда внезапный и бескомпромиссный (позже мы поймем, почему), тем не менее, являлся для царя возможностью воплотить свои взгляды в жизнь.

Новый Ахетатон было решено построить далеко от южного города, на окруженной отвесными скалами, легко контролируемой пустынной местности в Среднем Египте. В этом месте, известном сейчас как эль-Амарна, в географическом центре страны, Атон и его верховный жрец обретут высшую власть, не оспариваемую никаким другим богом. Переезд был в высшей степени драматичным поступком, и большинство современных египтологов считают, что его совершил религиозный фанатик. Но

¹ Černý, A., A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Cairo, 1973, p.51.

Эхнатон раздает дары из «Окна явлений» в эль-Амарне: фрагмент рельефного изображения в гробнице Пареннефера (№ 7)

вряд ли у изменения, особенно столь фундаментального, может вообще не быть причин. Подобные ситуации впоследствии не раз возникали в истории; и один из таких повторов, произошедший в совершенно другой части мира, вероятно, может нас кое-чему научить.

Япония: государство эпохи Хэйан

«Конкуренция между дворцом и храмом, схватка за власть между священником и царем... свойственна всем народам...»
*Лесли Уайт*¹

Примерно через две тысячи лет после рождения Эхнатона, ближе к концу VIII века н.э., на противоположной стороне земного шара императорский двор Японии принял радикальное решение оставить существующую столицу Нара и всем вместе переехать куда-нибудь на новое место. Было предпринято две попытки такого перемещения: первой остановкой в 784 году стало место под названием Нагаока, расположенное юго-западнее современного Киото; и через десять лет состоялось второе перемещение в сам Киото, названный тогда Хэйан-кё. По мнению японских историков, оставление Нары означает начало новой эры расцвета, хэйанского периода. А египтолога здесь интересует не столько будущая слава, сколько причины переезда.

В то время, как и в последующие годы, в японском обществе доминировала одна единственная семья — Фудзивара. Мощь клана Фудзивара основывалась на двух факторах: во-первых, они занимали различные ключевые должности в государственных структурах, которые с течением времени стали наследственными; и во-вторых, не только члены императорской семьи, но и сам император, традиционно брали себе жен из этого клана.

Зависть и интриги, которые возникали при дворе из-за авторитета клана Фудзивара, начали представлять реальную угрозу стабильности. Дело усложнялось необычайным ростом богатства и политического влияния буддистских храмов и их служителей, а также борьбой между самими священниками за земную власть. Очевидно, что такой ситуации нельзя было позволить продолжаться дальше.

Со вступлением на трон нового одаренного императора Камму (обязанного своим возвышением заговору Фудзивара, в котором был устранен соперник принца) решение проблемы стронулось с места. Это была хитрая уловка: благодаря ей священники остались в Наре. А поскольку для строительства новой столицы требовались время, усилия и деньги, среди аристократии удалось выявить тех, кто склонен к неповиновению. Когда неповиновение вновь возникло, в 794 году процесс был повторен, столица снова переместилась на другое место — географически близкое, но труднодоступное; и в этот раз план сработал. Когда

¹ White L.A. Journal of the American Oriental Society 68 (1948), p.107.

аристократия была лишена своей экономической базы, а священники оставлены в своих храмах, власть вновь сосредоточилась в руках императора.

Хотя египетская и японская цивилизации разделены во времени, в пространстве и по другим признакам, параллели между Камму и амарнским опытом поразительны. Просто подставьте семью Иуйи вместо клана Фудзивара, жрецов Амона вместо буддистских священников, Эхнатона вместо Камму, Ахетатон вместо Нагаоки и Хэйан-кё. Японский опыт показывает, что амарнская революция, несмотря отдаления в деталях, следовала исторически близким курсом, а следовательно, была продиктована не столько религиозным сумасбешивством, сколько дворцовыми интригами и политическими интересами.

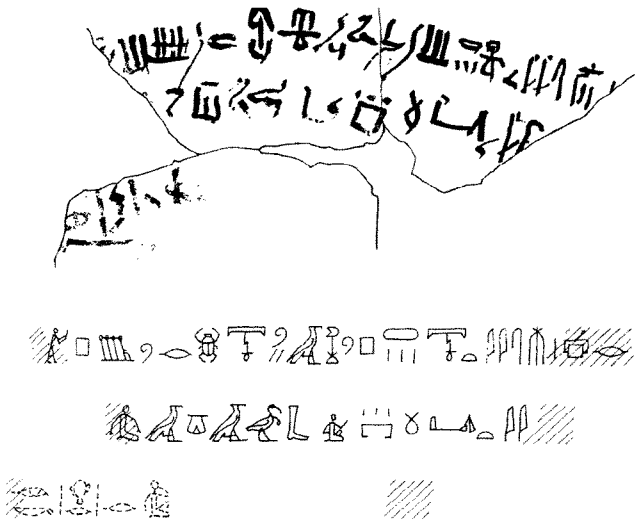
Политика египетского двора

Правящая верхушка египетского государства, вероятно, всегда занималась интригами в стиле Макиавелли, хотя до начала эллинистического греческого правления Птолемеев (332—30 гг. до н.э.) письменные источники, к сожалению, молчат о деяниях и злодеяниях элиты страны. В династические времена туман лишь иногда рассеивается, открывая нам чрезвычайные происшествия и возможные опасности жизни при дворе. Мы бросаем на них мимолетный взгляд — и осознаем, сколько многое нам еще не известно. Ясно, что заговоры устраивались регулярно, а коварные отравления, «случайные» удары по голове, проникновение ножа между божественными ребрами — все это случалось слишком часто и было жестокой реальностью египетской политической системы.

Информативный проблеск хрупкой реальности, скрывающейся за богоподобными масками династического правления, относится к началу XII династии, ко временам правления ее основателя Аменемхета I (1991—1962 гг. до н.э.) Этот царь, происходивший из Элефантины на юге, не был царских кровей, однако служил везиром при дворе Небтауира Ментухотепа. Небтауир был вторым преемником Небхепетра Ментухотепа, который добился повторного объединения севера и юга после разрушительных лет I Переходного периода (2134—2040 гг. до н.э.). Аменемхет I сам вззошел на трон при сомнительных

Аменемхет I, основатель XII династии. Из-за непрекращающейся борьбы Фив и Мемфиса за свои исконные права царь решил основать новую столицу в Итти-тауи. Переезжая из Фив в эль-Амарну, Эхнатон следовал той же стратегии.

Отрывок из «Поучения Аменемхета I», написанного иератическими знаками на двух стыкующихся осколках амфоры из эль-амарнского дома М50.31 — одно из двух литературных произведений, найденных в этом городе. В этих строчках говорится об убийстве Аменемхета I его телохранителем. Может, их записали здесь благодаря их актуальности; например, после попытки покушения на жизнь Эхнатона? Или это были чьи-то планы на будущее?

обстоятельствах. Ясно, что это было сложное время; и фараон совершил действие, поразительно похожее на нашу историю: в начале правления он оставил существующую столицу, Фивы, и переехал на новое место поблизости от эль-Лишта — Ититауи. Как позволяет предположить японский опыт, это не являлось прихотью фараона, а было продуманной попыткой консолидировать власть для прекращения постоянной вражды. Что касается лично Аменемхета I, то его уловка не сработала; в отличие от японского императора Камму, ему не представилось шанса повторить всё еще раз. Вот что вещает нам дух царя через выдающееся литературное произведение, известное как «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту»:

«И вот случилось это после ужина, когда наступила ночь, и пришел час отдохновения от забот. Улегся я на ложе свое утомленный, и сердце мое погрузилось в сон. И внезапно раздалось бряцание оружия, и назвали имя мое. Тогда стал я подобен змее, детищу земли, в пустыне. И мгновенно я пробудился и узрел, что сражаются в опочивальне моей, а я одинок. И понял я, что бьются меж собой воины мои. Если бы я схватил сразу оружие десницей своею, я обратил бы евнухов в бегство копьем. Но нет сил у пробудившегося в ночи, не боец — одинокий. Знаю, не будет мне без тебя, защитника моего, удачи. Смотри, подкралась беда без ведома моего, прежде чем оповестил я двор, что назначил тебя соправителем своим, прежде чем возвел я тебя на престол вместе с собою, и только еще помышлял о совместном правлении нашем, ибо не был я подготовлен к тому, что случилось, не предвидел я этого, не ведало сердце мое, что дрогнет стража моя»¹.

¹ Перевод М.А. Коростовцева. См. Повесть Петеисе III. Пер. и комм. Коростовцева М.А. М., 1978. — Прим. ред.

Это свидетельство — косвенное, учитывая щекотливость затронутой темы, но очевидно, что царь был убит — по традиции, описанной Матфеом, от рук «своих собственных евнухов». Советы призрака Аменемхета I, данные его сыну, были ясными и дельными:

«Остерегайся черни, дабы не случилось с тобою непредвиденного. Не приближайся к ней в одиночестве, не доверяй даже брату своему, не знайся даже с другом своим, не приближай к себе никого без нужды. Сам оберегай жизнь свою даже в час сна, ибо нет преданного слуги в день несчастья. Я подавал бедному, я возвышал малого. Я был доступен нищему, как и имущему. Но вот вкушавший хлеб мой поднял на меня руку. Тот, кому я протягивал длань свою, затеял смуту против меня»¹.

Это поучение Эхнатон, судя по всему, хорошо знал — среди текстов, найденных в эль-Амарне, известно не только большинство, относящееся к эпохе Нового царства, но и «Пучение Аменемхета I» — один из двух обнаруженных литературных текстов. Эхнатон намеревался избежать судьбы Аменемхета. Можно уверенно сказать, что корни переизда в Средний Египет кроются далеко не только в фанатичном религиозном эксперименте: для фараона, его организатора и движущей силы, как и для Аменемхета I, это была битва за собственное выживание. И намеки на это мы обнаруживаем на сильно поврежденных исторических памятниках, известных как пограничные стелы.

Пограничные стелы Амарны

В древности пространство города Ахетатона было ограничено большими пограничными стелами, которых всего насчитывается 15. Первая из них была обнаружена на западном берегу французским путешественником Клодом Сикаром в 1714 году, она обозначается буквой А. На восточном берегу

¹ Перевод М.А. Коростовцева. См. Повесть Петейсе III. Пер. и комм. Коростовцева М.А. М., 1978. — Прим. ред.

Амарнская пограничная стела А, расположенная на западном берегу Нила югу от Туна эль-Гебель. Возле нее — скульптурные изображения Эхнатона и его семьи. Рисунок сделан в 1827 году Робертом Хэйем, одним из ранних посетителей этого места (показан в музее платя справа).

первой обнаруженной является стела U, описанная в 1840 году Энтони Чарльзом Харрисом, английским торговцем из Александрии, путешествовавшим в компании Джорджа Глиддона, который вскоре станет успешным американским лектором-египтологом. Но лишь Карл Рихард Лепсиус, глава прусской экспедиции, вскоре прошедшей по следам Харриса и Глиддона, впервые опубликовал в *Denkmäler* важные надписи, содержащиеся на этих памятниках. Вплоть до 1908 года египтологи не обладали полным текстом, который был восстановлен усилиями Нормана де Гариса Дэвиса. И теперь, спустя почти столетие, новая и более достоверная редакция этих важных надписей была опубликована американскими учеными Уильямом Мюрнейном и Чарльзом Сикленом III.

Практически всё, что мы знаем об основании Ахетатона и о причинах, по которым Аменхотеп IV покинул Фивы, записано на этих важных стелах, вырубленных среди скал. По своему содержанию эти памятники разделяются на две основные группы. Три стелы из первой группы (обозначенные M, X, а также новый вариант — K) датируются 5 годом правления Эхнатона и содержат текст, известный как «раннее заявление», выпущенное в начале апреля того года. Вторая группа, объединяющая 11 стел (A, B, F, J, N, P, Q, R, S, U и V), датируется 6 годом, с одним или двумя дополнительными текстами 8 года, в основном подтверждающими и усиливающими ранее данные клятвы. И еще одна «пограничная стела» — меньшего размера, с очень слабо сохранившимся и, похоже, отличающимся текстом — обозначается буквой L. Вполне возможно, что в дальнейшем и другие пограничные знаки откроются благодаря движению песков или благодаря зоркому глазу, внимательно разглядывающему какую-нибудь скалу, и это, разумеется, принесет пользу, поскольку известные нам тексты содержат пробелы и неясности.

Ранние заявления со стел M, X, а также K (возможно, это была первоначальная форма), располагаются в глубине ниш шириной всего 1 метр. Стела K была, вероятно, впоследствии расширена, чтобы добавить три дополнительных трехмерных изображения царя, царицы и двух царевен. Это было впечатляющее архитектурное решение, которое впоследствии использовали для других заявлений царя. Большинство скульптур с пограничных стел в настоящее время разрушены, но их фрагменты можно опознать (по характерному камню с органическими вкраплениями) в разных музейных коллекциях по всему миру, в том числе в Египетском музее Лейпцига, музее Фитцуильям в Кембридже, а также в коллекции Мацуока в Токио¹.

¹ Отдельные фрагменты этих скульптурных групп имеются в разных частных собраниях Европы и время от времени появляются на ведущих мировых аукционах. См., например, голову Нефертити (часть скульптурной группы около стелы P) из анонимной швейцарской коллекции — *Ägypten. Augenblicke der Ewigkeit. Unbekannte Schätze aus Schweizer Privatbesitz*. Basel, 1997, cat. 90. — Прим. ред.

Надписи

Значимость пограничных стел состоит не в их поразительном исполнении, а в их историческом содержании как официальных заявлений египетской политики, относящихся к трем ключевым моментам правления Эхнатона. На них впервые употреблен новый стиль речи, известный как новоегипетский язык.

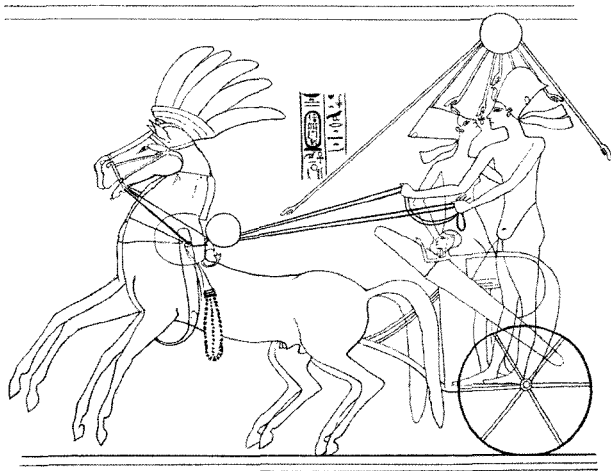
Вслед за длинным вступлением, где перечисляются только что утвержденные официальные титулы новой солнечной триады — Атона, Эхнатона и Нефертити (см. далее), начинается такое повествование:

«В этот день [год 5, четвертый месяц сезона восходов, день 13], когда он [т.е. царь] был в Ахетатоне, Его Величество появился на большой колеснице из электрума — подобно Атону, когда он восходит на своем горизонте и наполняет землю своей любовью и радостями. Он выехал на добрую дорогу к Ахетатону, его месту с предвечных времен, которое он [Атон] создал для себя, чтобы находиться там постоянно, и которое для него сын его Уаэтра [Эхнатон] сотворил как великий памятник, который он основал для себя; горизонт его, в котором вращение его приходит в существование, где глядят на него с радостью и земля ликует, где все сердца в ликовании, когда они видят его»¹.

Затем описывается жертва, которую царь принес своему богу, после чего надпись говорит о том, как к Эхнатону привели его придворных:

¹ Здесь и далее тексты пограничных стел Ахетатона даны в переводе В.В. Солкина. — *Прим. ред.*

Эхнатон и Нефертити целуются на большой царской колеснице, покрытой электрумом. Примерно такую Говард Картер обнаружил в гробнице Тутанхамона в 1922 году.

«Тогда сказал Его Величество им: «Узрите Атона! Желает Атон иметь [город], построенный для него как памятник его имени в вечности и бесконечности. Это Атон, отец мой, посоветовал мне это — под именем Ахетатон. И никто из вельмож никогда не советовал мне этого, и никто из людей по всей земле никогда не советовал мне этого, говоря мне сотворить Ахетатон в этом отдаленном месте. Это Атон, отец мой, посоветовал мне это, чтобы мог он быть создан для него как Ахетатон. Смотрите же: не находил я его наполненным храмами или выбеленным гробницами и портиками(?)... или покрытым... или следами чего-либо, что случилось бы с ним... Смотрите, это царь, да будет он жив, невредим, здрав — тот, кто нашел его, когда не принадлежало оно [место] никакому богу, никакой богине; когда не принадлежало оно ни правителю, ни правительнице; когда не принадлежало оно никакому человеку с делами его... Нашел я его пустынным... Это Атон, отец мой, советовал мне о нем, говоря: «Гляди, наполни Ахетатон запасами — [пусть будет в нем] хранилище для всего!», в то время как мой отец [Атон] провозгласил мне: «Это — принадлежащий Величеству Моему, да будет Ахетатон, в вечности и бесконечности».

Затем царь клянется, что желание Атона будет исполнено, и говорит, что бремя реализации этого проекта будет лежать на всех присутствующих: «Сотворите Ахетатон как владение Атона, отца моего, во всей полноте его, ибо сотворил я его как памятник, принадлежащий ли имени моему, или имени ее — великой супруги царской Нефернеферуатон-Нефертити, или принадлежащий его [Атона] имени в вечности и бесконечности...» Это должен был быть город, управляемый от имени бога одними лишь царем и царицей. Атон говорит, царь исполняет — эта формула с точностью отражена в новом имени царя — «Эхнатон», «Действенный от имени Атона».

Выслушав царя, придворные подобострастно соглашались с ним:

«Пусть царствование его исходит из Ахетатона. Да приведешь ты все земли к нему [Атону]. Да обложишь ты податями города и острова для него. Город каждый, вниз к... каждый... принадлежащий в целости своей Атону, действующий в согласии с тем, что он сам предопределяет...»

Определив обязанности своего народа, Эхнатон начинает определять точные границы новой обители Атона:

«Как простирается он [лучами] на меня, даруя жизнь и властвование в вечности и бесконечности, [так] и я сотворю Ахетатон для Атона, отца моего, в месте этом. Не сотворю я Ахетатон для него к югу от него [этого места], к северу от него, к западу от него или к востоку от него. Не выйду я дальше стелы южной Ахетатона на юг и не пойду я дальше северной стелы Ахетатона вниз по течению, творя там Ахетатон. Не сотворю я его [город] для него [Атона] на

западной стороне Ахетатона, но я сотворю Ахетатон для Атона, отца моего, на восточной стороне Ахетатона — в месте, которое сотворил он сам, чтобы быть в нем окруженным горами, в котором да будет он счастлив и в котором я принесу жертвы ему...»

Это было предначертанное судьбой место для Ахетатона, напоминающее по форме иероглиф, обозначающий восход солнца на востоке. Никто — ни царица, ни чиновники, ни простые люди — не повлияли на выбор Атона, выразившего свою волю через царя. Эхнатон не избрал бы для жизни никакое другое место.

Мотивация

Список того, что должно являться основными постройками столицы (это мы рассмотрим дальше), внезапно прерывается следующим восхвалением:

«А что касается ... в Ахетатоне [в Фивах - ?]:

— это было хуже тех вещей, которые я слышал на четвертом году [правления];

— это было хуже [тех вещей], которые я слышал на третьем году;

— это было хуже тех вещей, которые я слышал [на втором году правления];

— это было хуже [тех вещей, которые я слышал в 1й год правления];

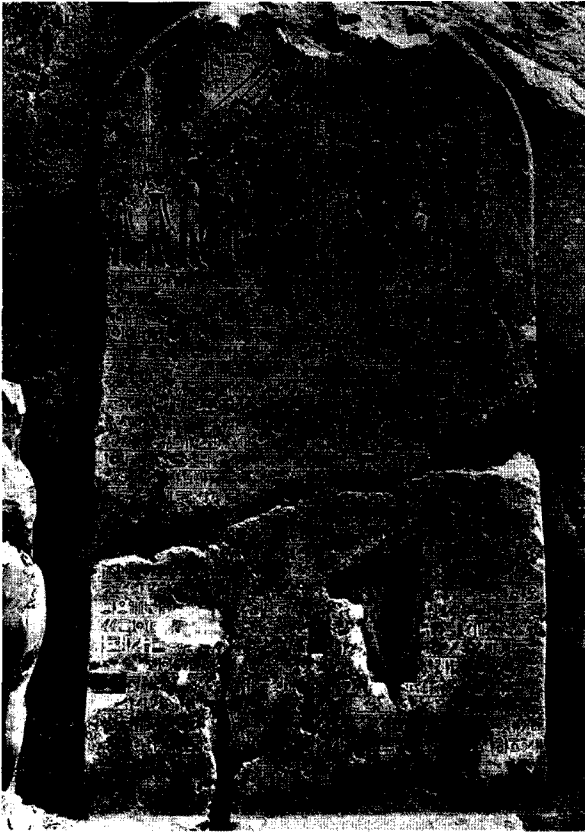
— это было хуже тех вещей, которые слышал [Небмаат]ра [Аменхотеп III];

— [это было хуже тех вещей, которые слышал ...];

— это было хуже тех вещей, которые слышал Менхеперра [Тутмос III];

— [и это было] хуже тех вещей, которые когда-либо слышали цари, носившие Белую Корону [т.е. управлявшие югом]!»

Резкая перемена в этой речи представляет исключительный интерес. Не только потому, что она подтверждает версию, согласно которой записанный на пограничных стелах текст — это почти стенографическая запись речи царя; в таком случае мы имеем дело с редкой возможностью познакомиться с риторическим стилем Эхнатона. Эта вспышка объясняет нам, почему Эхнатон покинул первый, фиванский Ахетатон. Когда такой вопрос впервые возник, он казался полностью неразрешимым, в том числе из-за повреждений в надписях. Представленные фрагменты фразы фрагментарны, и к ним сохранилось мало сопроводительных пояснений. Ясно, однако, что услышанные фараоном «вещи» были оскорбительны и направлены «против моего отца». Может, обществу подняло на смех революционные верования фараона? Был ли фараон обижен? Или же в этих словах нам следует увидеть что-то гораздо

Стела S — одна из наиболее хорошо сохранившихся амарнских пограничных стел. В верхней закругленной части — зеркальные изображения сцен поклонения Атону, совершаемого царем и его семьей. Стела вырублена после 6 года правления Эхнатона и содержит «позднее заявление», дополненное в 8 году «повторением клятвы».

более серьезное — то, что являлось прямой угрозой власти фараона в Верхнем Египте?

Как показывают другие источники, фараоны находились со жрецами Амона в состоянии вынужденного сосуществования в течение ряда правлений, и напряжение между ними вроде бы ослабло в период правления Аменхотепа III¹. Возникла ли вновь старая вражда, когда на трон вступил самостоятельно мыслящий сын, не терпящий никакой оппозиции? Было ли намерение Эхнатона восстановить *маат* (а для него это означало полновластие фараона) настолько нарушающим сложившийся в Египте баланс интересов, что события приняли более серьезный характер?

¹ Скорее, наоборот, конфликт принял новый облик. Не будем забывать, что, несмотря на колоннады Луксорского храма, колоссы и пилоны в Карнаке, царица Тейе была первой «великой супругой царской» XVIII династии, которая не имела статуса «супруги бога», т.е. не была верховной жрицей Амона. Более того, Тейе всего один раз была изображена в Карнаке, что совершенно противоречит большому вкладу в расширение храма Амона, сделанному ее супругом. В Карнаке словно не замечали Тейе, о которой буквально вздох «говорили» другие памятники Аменхотепа III по всей стране. Теплота отношений Аменхотепа III и Карнака была, судя по всему, более чем иллюзорной. — *Прим. ред.*

Как показывает печальная судьба Аменемхета I, в прошлом Египту не были чужды опаснейшие дворцовые интриги; отвратительный заговор против царя XX династии Рамсеса III, возникший в его гареме, подтверждает, что подобные вещи продолжались и после времен Эхнатона. Формулировки на пограничных стелах исключительно сильны и резки — слишком резки, как нам кажется, чтобы объяснять их простыми оскорблениями. Ясно, что фараона к таким заявлениям подтолкнуло что-то более серьезное.

Проще говоря: не было ли предпринято покушение на жизнь царственной особы? И что могло быть хуже, чем цареубийство? Если Эхнатону с трудом удалось избежать смерти от рук убийцы, то становятся понятны причины огромного недовольства, которое привело к преследованиям фиванского бога. Теперь фараон расчетливо и целенаправленно шел к тому, чтобы истребить любое проявление оппозиции.

*Фараон и его новый город купаются в животворящих лучах Атона:
сцена из Царской гробницы в эль-Амарне*

УТОПИЯ

Исход

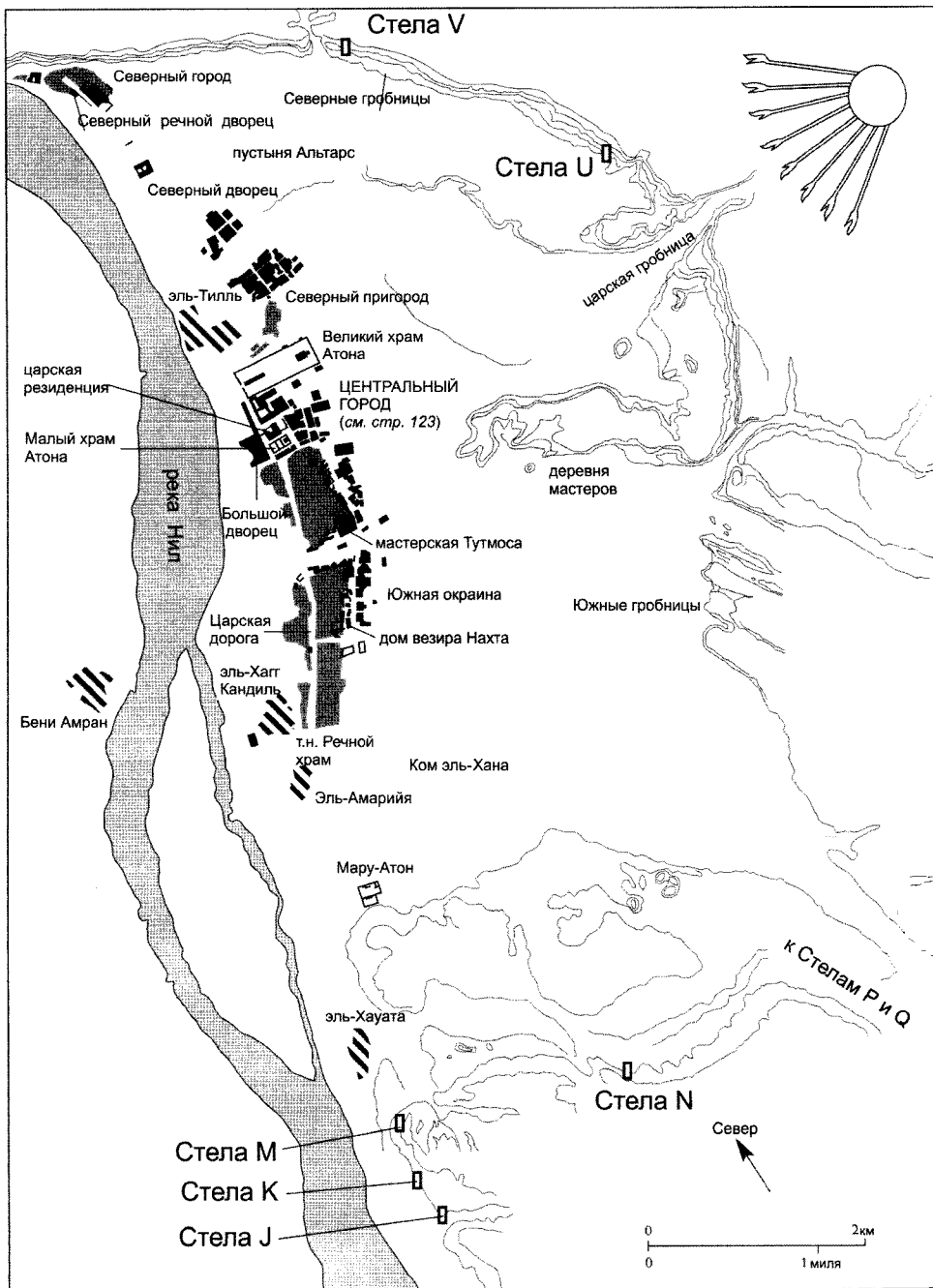
В том, что теологические построения Эхнатона вызвали противодействие со стороны жрецов Амона, нет ничего удивительного; однако, как мы теперь понимаем, именно это противодействие вполне могло стать причиной укрепления решимости царя и спровоцировало его оставить Фивы ради новой земли.

Чтобы осуществить переезд, царь должен был рассчитывать на твердую поддержку внутри страны, и ее, похоже, обеспечили как минимум две силы. Одной из них были военные — сословие, к которому принадлежал Иуя и среди которого его возможный сын, Эйе, на тот момент имел авторитет. Благодаря завоеваниям предков, фараон долго мог рассчитывать на поддержку регулярной армии, а высшие военачальники были ему лично преданы, поскольку их воспитывали вместе с царскими детьми. При любом удобном случае Эхнатон изображал ряды военных на храмовых рельефах — сначала в Фивах, а затем в эль-Амарне; и это уважение было взаимным¹, поскольку армейские подразделения на всех изображениях склонялись почти до земли перед царственным господином.

Рискнем предположить, что другой силой, оказавшей поддержку, стала молодежь, названная «новыми людьми» Эхнатона². Эти люди — такие как надзирающий за жрецами всех богов Пареннефер и канцлер Майя — были осыпаны почестями и заявляли, что обязаны своим возвышением исключительно благосклонности нового царя. И мы склонны верить им. Они не были связаны семейными узами или обязательствами перед старой системой, а потому должны были страстно желать исполнения воли Эхнатона. А для более простой молодежи

¹ Трудно говорить об уважении к царю, используя в качестве источника официальные рельефы. Учитывая же все внешнеполитические потери, которыми ознаменовалось царствование Эхнатона — царя далекого от воинских идеалов, более логично предположить, что армия терпела царя, не более. — *Прим. ред.*

² Как это прекрасно показал в свое время Ю.Я. Перепелкин, «сиротами», обязанными своим возвышением только самому царю, были бедные свободные люди, которые были намеренно противопоставлены Эхнатонам старой фиванской знати и, одновременно, культурной и интеллектуальной элите страны. Последствия этого противопоставления, т.е. образование в Египте двух слоев знати, боровшихся друг с другом, будут одной из основных причин крушения Нового царства. — *Прим. ред.*

План эль-Амарны, демонстрирующий, как город расположился одной линией вдоль оси север-юг, вдоль Царской дороги. Ключевой точкой поселения является Центральный город, с Малым и Великим храмами Атона, Большим дворцом и административными кварталами. Севернее и южнее Центрального города расположены жилые районы, а на востоке, в скалах, находятся гробницы царской семьи и высших чиновников Эхнатона.

происходящее казалось модным и увлекательным приключением, контрастировавшим со стабильной и, вероятно, затхлой атмосферой консервативных Фив. Для нового поколения фараон был героем дня, человеком, восстановившим истинный порядок в египетском мире. Энергия была разлита в воздухе, а люди наполнены верой.

Горизонт Атона

Девственный участок земли, который Эхнатон выбрал для своего нового города, располагался на восточном берегу Нила, в границах XV нома (т.е. района) Верхнего Египта, примерно в 320 км к югу от Мемфиса, административной столицы страны, и в 400 км к северу от Фив, религиозного и экономического центра эпохи Нового царства. Этот выбор был продиктован рядом факторов, одним из которых, очевидно, являлся многообещающий рельеф местности: она была окружена скалами и напоминала по форме иероглиф *ахет*, т.е. «горизонт», на котором бог солнца возрождался каждое утро. Политически нейтральная (ничем не занятая) эль-Амарна имела также удачное географическое положение: равноудаленное от двух основных городов, что позволяло объединить их административные и экономические функции. А для самого монарха расположение новой столицы могло иметь и более глубокое значение: Фивы времен Аменхотепа III обрели свое могущество, поскольку находились точно в центре *большого* египетского отечества (сам Египет, а также Нубия, вплоть до Солеба и Седеинги), а место, выбранное для Ахетатона, находилось точно в центре Египта в его *традиционных* границах — от Дельты на севере до Элефантины на юге.

Здесь мы, возможно, находим первый ключ к разгадке одной из особенностей правления Эхнатона — явному отсутствию интереса к иноземной «империи» (о ее неизбежном распаде мы поговорим дальше). Атон являлся универсальным богом, в Великом гимне Атону (см. далее) провозглашалась догма о том, что все люди равны вне зависимости от цвета кожи. Происходили случайные вспышки активности за рубежом, преимущественно на юге: кампания против Икаита и возведение храма в Сесеби в глубине Судана. Но, несмотря на все это, у нас остается затаенное ощущение, что фараон считал земли за пределами Верхнего и Нижнего Египта фактически отсталыми — чужими, нечистыми, а их включение в границы Египта не соответствовало ранней концепции *маат*, которую он считал своим долгом возродить.

Проектирование города

«В Ахетатоне на месте этом сотворю я Дом Атона для Атона, отца моего;
— в Ахетатоне на месте этом сотворю я Обитель Атона для Атона, отца моего;

— в Ахетатоне на месте этом сотворю я Тень¹ великой царской жены Нефернеферуатон для Атона, отца моего;
— на Острове Атона, почтенного юбилеями в Ахетатоне на месте этом, я создам Дом Ликования в Ахетатоне для Атона, отца моего...

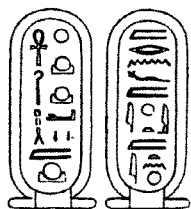
— в Ахетатоне на месте этом я создам для себя резиденцию фараона, да будет он жив, невредим, здрав! И я создам резиденцию великой супруги царской...

— и да сотворят мне гробницу в восточной горе Ахетатона, и да сотворят в ней погребение мое, после миллионов празднеств Сед, которые Атон, отец мой, предназначил для меня. И да сотворят в ней погребение великой супруги царской Нефертити, после миллионов лет, которые Атон, отец мой, предназначил для нее. И да сотворят в ней погребение дочери царской Меритатон, после миллионов лет... пусть меня захоронят там после миллионов юбилеев, которые Атон, мой отец, предназначил для меня. Пусть великая царская жена Нефертити будет захоронена там после миллионов лет, которые Атон, мой отец, предназначил для нее. И пусть царская дочь Меритатон будет захоронена там после миллионов лет ...

— и да сотворят некрополь для быка Мневиса в восточной горе Ахетатона, чтобы мог он быть погребен там... и да сотворят гробницы «великих видящих», для «отцов бога» Атона и для слуг Атона в восточной горе Ахетатона, чтобы могли они быть погребены в ней...»

Вот так надписи на первых пограничных стенах описывают то, каким планировался Ахетатон. Похоже, что работа началась практически сразу. Силы, использованные для осуществления этого проекта, как и в предшествующие годы в Карнаке, нигде не упомянуты, но без сомнения среди них присутствовали обычные наемные рабочие, военные (об исполнении ими таких функций имеется упоминание на *талатахах*), а также египетские и иностранные рабы (искаженные отголоски этого сохранились в записях Манефона)². Поскольку материал имелся под рукой — берега

Нила обеспечивали ил для кирпичей, а местные скалы и северные каменоломни давали известняк, который использовался для облицовки большинства основных строений — примерно через три или четыре года после основания новое поселение было готово стать официальной резиденцией царя. Кажется правдоподобным, что этот переезд стал

¹ Особый тип храмового сооружения, где главная жреческая роль отводилась царице. Известны храмы «Тень» Нефертити, Тейе, Меритатон; все они пока еще не обнаружены, хотя их архитектурные фрагменты известны. См. Silverman D., Wegner J., Houser Wegner J. Akhenaten & Tutankhamun. Pennsylvania, 2006, p. 139 др. — Прим. ред.

² Совсем недавно бедные погребения строителей Ахетатона были найдены археологической миссией под руководством Б. Кемпа. Речь идет о тысячах людей, погибших от непосильного труда, травм и вопиющего истощения. Такова была цена за «мечты» Эхнатона. Интервью с Барри Кемпом об этих раскопках: <http://maat.org.ru/news/2006/2006-10-07.shtml> — Прим. ред.

Модель рельефа с разметкой, предназначенной для того, чтобы легче было переносить рисунок на стену гробницы. Обнаружена в Царской гробнице эль-Амарны. Сцена знакомая: царь, царица и их дочери совершают жертвоприношение Атону, который тянет к ним свои животворящие лучи.

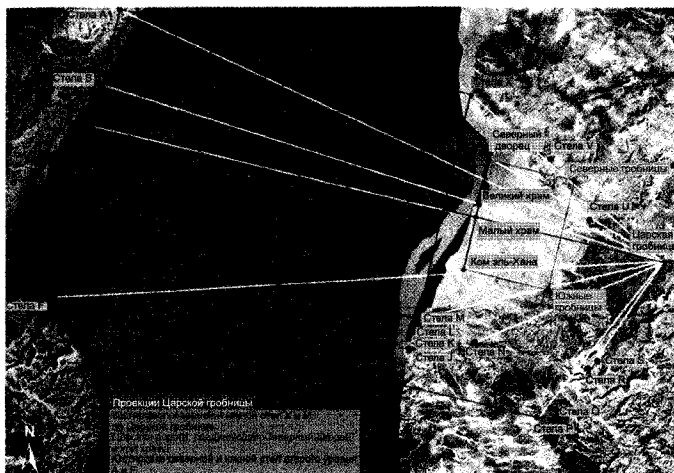

поводом для утверждения новой, «очищенной» (абстрактной) формы имени Атона: «Ра, властитель горизонта, который ликует на горизонте в имени своем Ра-отец, вернувшийся как солнечный диск». И после этого провозглашения, как мы увидим, начался террор.

Строительная программа Эхнатона была детально изучена архитектором Общества изучения Египта Майклом Моллинсоном. По всей видимости, она началась с возведения двух пограничных стел М и Х — одной на севере и одной на юге — а центральная точка между ними послужила для определения центра города. В этом центре Эхнатон возвел первый алтарь — первоначально простую священную рощу (будущий Малый храм Атона). К северу от него расположился малый дворец (Дом Царя); а в конце западно-восточной оси — на том же расстоянии, на каком находились две первые стелы на оси север-юг — царь создаст свою гробницу. Между вторым храмом, возведенным севернее (будущий Великий храм Атона), и двумя напыщенными дворцовыми комплексами — Северным дворцом и Южным дворцом — похоже, были такие же расстояния, как между ключевыми точками на путях обрядовых процессий в Фивах (Карнак — храм Мут; Карнак — Луксор).

На второй стадии развития эль-Амарны первоначальные простые святилища были заменены каменными. Их окружили стенами и придали им такую же форму, как у малых каменных храмов Аменхотепа III в Карнаке, однако они были открыты небу подобно гелиопольским солнечным храмам. Опять же, есть определенные соответствия в размерах строений эль-Амарны с ранними постройками в Карнаке и Гелиополе, и это было подмечено Моллинсоном. Сам собой напрашивался вывод, что два главных храма Эхнатона были, по сути, символически заменителями двух главных храмов Ра в Гелиополе и Карнаке — храмов Ра-Хорахте и Амона-Ра. Молинсон считал, что царь, очевидно, преследовал цель объединить два культовых центра в границах новой столицы.

Финальной стадией в обустройстве города стало возведение двенадцати новых стел для установления окончательных границ на противоположном берегу Нила, в глубине пустыни. Только сейчас мы начинаем понимать потрясающую логику, лежавшую в основе творений царя. Соединив линиями точки расположения стел, Моллинсон смог показать, что границы города подобны пропорциям Великого Храма Атона. Получается, что весь город первоначально задумывался как

Царская гробница Амарны как источник всей жизни в городе. Компьютерная реконструкция демонстрирует, что пограничные стелы устанавливались с таким расчетом, чтобы повторить план Великого храма. Понятно, на какую точку сфокусирован этот храм: на царскую гробницу, из которой Атон (и царская власть) возрождается ежедневно.

один огромный храм. Наибольший интерес вызывает точка, на которой сфокусирован этот «храм»: этой точкой является царская гробница эль-Амарны, расположенная на удалении от города, в восточных скалах, из которых Атон возрождался каждый день.

Теперь становятся понятны клятвы Эхнатона не расширять город за пределы, обозначенные пограничными стелами, и его пожелание быть захороненным в царской гробнице, где бы он ни умер. Поскольку царская гробница является *raison d'être*¹ архитектурной схемы Эхнатона, находит необычайное подтверждение наша версия о том, что предметом поклонения в амарнской религии была царская власть. Согласно этой новой теологии, царская гробница являлась не просто местом погребения самого Эхнатона: как место возрождения Атона, она становилась местом погребения и ежедневного возрождения каждого царя Египта — бывшего, настоящего и будущего — которые стали или в конечном счете станут единым целым с солнечным божеством. Вера Эхнатона не имела ничего общего с монотеизмом; это был культ предков, превозносящий священность царской власти столь мощно и решительно, как никогда прежде со времен постройки пирамид.

Пограничные стелы эль-Амарны

Обозначение	Расположение	Содержание надписи	Датировка
А	западный берег	позднее заявление «повторение клятвы» «новая клятва»	Год 6 [Год 8 [Год 8]
В	западный берег	позднее заявление «повторение клятвы» «новая клятва»	[Год 6 Год 6 Год 8]

¹ Смысл бытия (фр.) — Прим. ред.

F	западный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	[Год 6 Год 8]
J	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	[Год 6 Год 8]
K	восточный берег	раннее заявление (другой вариант)	Год 5
L	восточный берег	[необычные надписи]	? Год
M	восточный берег	раннее заявление	[Год 5]
N	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	[Год 6 Год 8]
P	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	Год 6 Год 8]
Q	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	[Год 6 Год 8]
R	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	Год 6 Год 8]
S	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	Год 6 Год 8]
U	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	Год 6 Год 8]
V	восточный берег	позднее заявление «повторение клятвы»	[Год 6 Год 8]
X	восточный берег	раннее заявление	[Год 5]

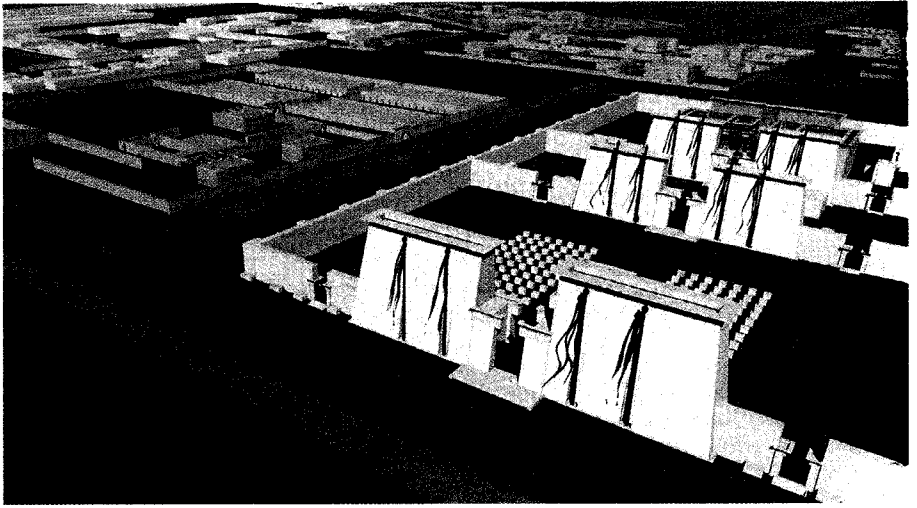
Город Эхнатона

«Телль эль-Амарна это город из сырцового кирпича. Только в исключительных обстоятельствах использовался камень. Кирпич попросту высушен солнцем, и... в стране, где дожди чрезвычайно редки... будет держаться вечно...» *Джон Пендлберн*¹

Новые столицы основывались раньше и будут основываться в дальнейшем, как в Египте, так и в других странах. Но новая столица Эхнатона была выдержана в определенном стиле. Ахетатон был задуман с огромным размахом и занимал площадь более чем 200 км², включая сельскохозяйственные земли западного берега Нила, население которых составляло примерно от 20 до 50 тысяч душ. К девятому году город был готов для официального принятия столичных функций — и, судя по числу найденных винных сосудов с пометками того времени, по этому поводу был устроен всего лишь небольшой званый вечер.

Ахетатон был несказанно богат. С самого начала царь обеспечил его всем необходимым сверх меры, а дальнейшие поступления богатств происходили за счет того, что имущество старых богов передавалось новому. Поражает то, как использовались эти деньги. Если деревья и кусты, так часто изображавшиеся на рельефах, действительно существовали, то Ахетатон был зеленым и приветливым городом. Он хо-

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 65—66.

Компьютерная реконструкция центрального города и Малого храма Атона, основанная на позднейших раскопках этой местности. Под открытым небом, между первыми двумя парами пилонов с их лентами на шестах, видно множество рядов алтарей для жертвоприношений.

рошо обеспечивался водой из многочисленных колодцев (это важная особенность амарнского городского планирования) и был не похож на нынешнюю засушливую пустыню — настолько, насколько это себе возможно представить. Давайте посмотрим, что из этого города сохранилось для истории.

СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Так называемый «Северный город» это замкнутое пространство на северной оконечности эль-Амарны. В нем находился административный комплекс (дворы и склады из сырцового кирпича), а южнее располагались большие особняки городской элиты — хотя, что интересно, высшие государственные чиновники (такие, как везир Нахт) жили не здесь. Как отмечает археолог Барри Кемп, они, похоже, «селились настолько далеко от царя, насколько возможно»¹. Особняки «Северного города» расположены на простой, но все равно впечатляющей Царской дороге, которая соединяла этот район с Центральным городом. К западу от дороги лежат руины укрепленного сооружения, известного как «Северный речной дворец». Это было здание с квадратными башнями, украшенное изображениями царской семьи. В настоящее время оно почти полностью разрушено из-за изменения русла Нила. Кемп считает его «главной царской резиденцией в Амарне». Немного южнее расположен «Большой въезд», который, возможно, является остатками моста над Царской дорогой.

¹ Kemp B.J. Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London & New York, 1989. p. 294.

СЕВЕРНЫЙ ДВОРЕЦ

Другим самостоятельным элементом города был «Северный дворец» хотя он первоначально находился на берегу реки, его следует отличать от Северного речного дворца). Северный дворец, расположенный в уединенном месте южнее «Большого въезда» на Царской дороге, знаменит в наше время по двум причинам: во-первых, благодаря превосходным настенным росписям с изображениями болот (Пендлбери предположил, что первоначально это могло быть «что-то вроде зоологического сада, где царь мог наблюдать за животными и птицами и удовлетворять свою любовь к природе»¹); и во-вторых, из-за того, что он мог быть пристанищем царицы Нефертити во время ее предполагаемой «опалы». Это и было, как мы покажем дальше, владение царицы, но не Нефертити, а второстепенной жены Эхнатона по имени Кийя. Только упоминания и изображения Кийи были впоследствии изменены для нового обитателя [дворца] в конце правления — дочери/жены Эхнатона, Меритатон.

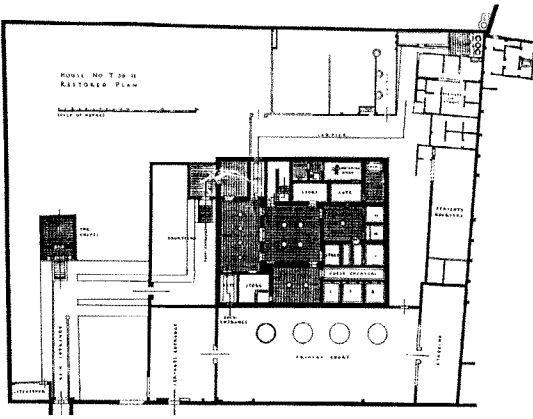
СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА

Северная окраина, по результатам тщательных раскопок, оказалась жилым районом, который продолжал расти в размерах и после того, как эль-Амарна была оставлена при Тутанхамоне. Этот район имел гораздо менее упорядоченную планировку, чем официальные кварталы города (см. далее). Дома, за редкими исключениями, также были меньше; население — плотнее и более низкого социального статуса, чем на аналогичной Южной окраине. В отличие от царской семьи, которая жила уединенно и обособленно, различные классы простого народа свободно общались здесь, как и в любых частях эль-Амарны. Слово «окраина» навеивает скуку, а потому создает неверное впечатление о том, что представляла собой эта местность. Барри Кемп отмечает: «Несмотря на кучи хлама, заполнявшие все свободное пространство, ... дома были центрами оживленного частного производства, равно как и хранения, и переработки сельскохозяйственной продукции. Они являлись генераторами экономической составляющей жизни города»².

Одним из наиболее известных «особняков» Северной окраины, раскопанных Обществом изучения Египта в 1929 году, является Т36.11 — типичный жилой дом. Путь к дому пролегает через двор, первоначально окруженный зубчатой 3-метровой стеной из сырцового кирпича с сохранившимися воротами. Такие ворота зачастую снабжались косяком и/или перемычкой, содержащей имя владельца и его официальные титулы, хотя, к сожалению, большинство из таких опознавательных текстов были сняты в древности для использования по другому назна-

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 98.

² Kemp B.J. Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London & New York, 1989, p. 309.

Восстановленный план дома Т36.11 на Северной окраине эль-Амарны, раскопанного Джоном Пендлбери в 1936 году. Почти везде использовалась планировка, включавшая центральную комнату и множество мелких комнат вокруг нее; а различие между домами богатей и бедняков заключалось лишь в их размерах.

чению. В конце дорожки располагалась домашняя молельня, посвященная амарнской триаде Атон-царь-царица, а дальше находился сад. Повернув направо, посетитель попадал в маленький внутренний двор и во внутренние

помещения дома, обозначенные археологами как крыльцо, прихожая, северная галерея с четырьмя колоннами, центральная комната с четырьмя колоннами и окнами под самым потолком, западная галерея с двумя колоннами и открывающаяся из центральной комнаты женская территория с одной колонной. Вокруг этого, украшенного по установленной форме, центрального блока комнат располагались поддюжины спален, кладовок, ванных комнат с каменными полами, и иногда туалет с удобным сидением. Вероятно, второй этаж в таких зданиях не был чем-то необычным, хотя об этом сохранилось мало свидетельств. Типовая ориентация дома была на восток, и не без причины, как отметил производивший раскопки Пендлбери: «ветер с востока бывает редко, и если только ситуация не сильно изменилась за три тысячи лет, лучше было находиться с наветренной стороны от твоих слуг и пищи»¹. Как и во всех жилых домах эль-Амарны, деревянная мебель и другие ценные вещи, которые можно было увезти, в Т36.11 отсутствуют — жители взяли их с собой, когда покидали город. Однако благодаря реконструкциям, несложно представить себе этот дом заселенным людьми (элегантный хозяин, его семья, слуги), обставленным низкими табуретками и стульями с обивкой изысканных расцветок. Дом был удобным, как отмечает Пендлбери: «У богатого человека могла быть дюжина колонн в аванзале и на несколько комнат больше, а у бедняка могла быть лачуга, состоящая из центральной комнаты и простых комнатушек вокруг нее, однако принцип, согласно которому главная комната была окружена другими, чтобы хранить прохладу, соблюдался всегда»².

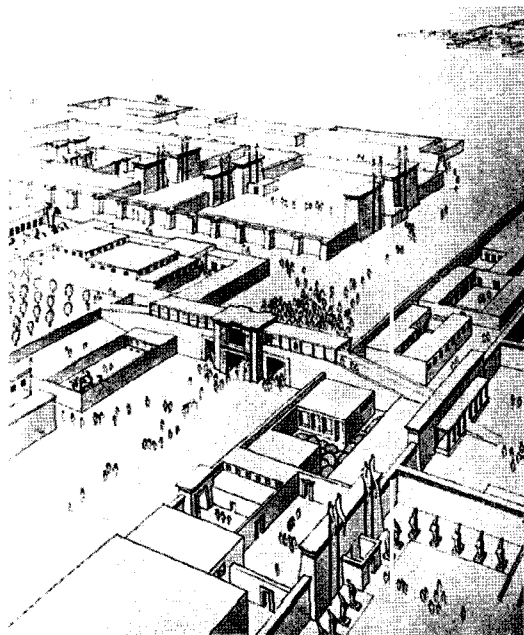
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОРОД

Древнее административное сердце Ахетатона в наши дни называют Центральным городом. Он располагался на небольшом возвышении, ограниченном [с запада] водами Нила, и потому был известен как «Остров Атона, почтенного юбилеями». Это единственная часть горо-

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 111.

² Там же, p. 113-114.

Центральный город, как он когда-то выглядел, мы смотреть с севера на юг. Реконструкция выполнена архитектором Общества изучения Египта Ральфом Лэверсом. В центре расположена Царская дорога, слева от нее — Малый храм Атона и Дом царя, справа — Большой дворец. На мосту расположено «Окно Явлений», из которого, судя по рельефам, Эхнатон постоянно раздавал разные почести.

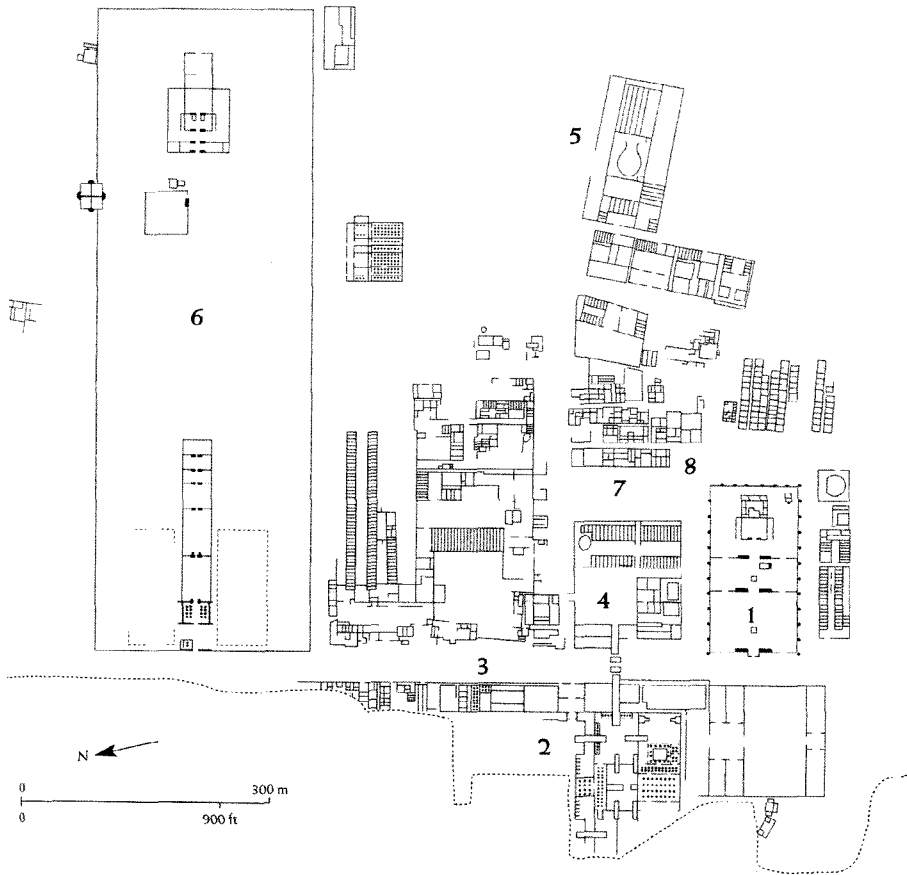

Восточная часть, построенная по плану, и ее планировка впечатляет: здания сгруппированы в соответствии с их функциями и разделены прямыми улицами. Немалая часть южной зоны Центрального города сейчас используется в сельском хозяйстве, а в руинах проводятся раскопки.

Центром административного района был последний отрезок Царской дороги, где располагался Большой дворец — «Дом ликования в Ахетатоне» (2; номера приводятся в соответствии с рисунком на стр. 128). Дворец стоял на берегу реки, и в нем имелись красиво раскрашенные дорожки (остатки которых были раскопаны Флиндерсом Питри в 1891 году; впоследствии разрушены) и внутренние дворики, в самом большом из которых стояли огромные статуи царя. Столь же поразительным должно было быть здание, пристроенное к нему преемником Эхнатона, с лабиринтами колонн и стенами, украшенными расписным фаянсом. Здесь, в Большом дворце, открытом для неба и для своего бога, фараон принимал иноземных посланников — и, как жаловались их цари, не всегда с должными почестями: «Почему наших посланников заставляют постоянно находиться на солнце и умирать от лучей солнца? Если стояние на солнце приносит пользу [фараону], то пусть [посланники] остаются на солнце, и пусть они умирают прямо там от солнечных лучей — но для самого [фараона] должна быть от этого какая-то польза».¹

В той же части Центрального города располагалась другая, более утилитарная царская резиденция — Дом царя (4). Он был соединен с Большим дворцом мостом и включал три отдельных элемента: дворец, внутренний двор и склады. Здесь фараон встречался со своими министрами; возможно, здесь находилось «Окно Явлений», так часто изображающееся на рельефах. Из этого окна царь одаривал своих подданных ожерельями и другими золотыми предметами, символизирующими божественный свет солнца, а также раздавал продукты питания — частые изображения этого акта подчеркивают зависимость населения (или, как минимум, придворных) от милости фараона. Расчищая

¹ Амарнское письмо EA 16.

1. Малый храм Амона
2. Большой дворец
3. Царская дорога
4. Дом царя

5. Казармы начальника стражи Маху
6. Великий храм Амона
7. Отдел делопроизводства
8. «Дом Жизни»

Упрощенный план Центрального города

разрушенную боковую комнату в Доме царя в 1891—92 гг., Питри обнаружил фрагменты великолепных фресок, сохранивших отличное изображение младших дочерей царя (см. рисунок на стр. 20). Для обслуживания этого и других правительственных зданий имелись различные склады из сырцового кирпича, казармы начальника стражи Маху (5), административные здания (в т.ч. Скрипторий, т.е. «Дом жизни», а также знаменитый Отдел делопроизводства (7)), вместе со служебным жилым кварталом. Из мусорных куч, найденных там, работники Питри извлекли много греческой керамики, импортированной из Микен, что свидетельствует о широких и постоянных торговых связях между двумя культурами в то время.

Поражающий своими размерами Великий храм Амона («Дом Атона в Ахетатоне») (6) был расположен на противоположной стороне

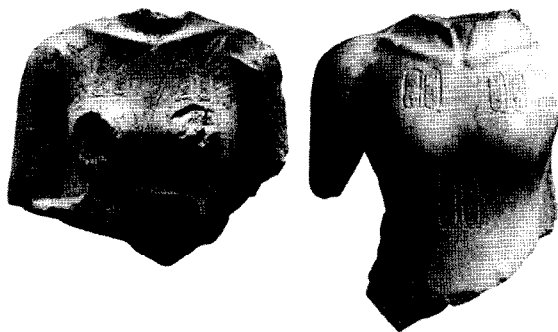
Святылище Великого храма Атона в эль-Амарне: изображение на блоке, увезенном из этого города на другую сторону реки в эль-Ашмунейн (Гермополь Магна). Статуи царя с подносами для жертвенных даров, высокие, похожие на трубы, подставки для сожжения благоуханий окружают главный алтарь, на котором штабелями сложены жертвенные дары в виде еды и цветов.

Царской дороги, напротив Большого дворца. Хотя первоначально он был облицован камнем, большую часть этой облицовки разворовали в древности; остались лишь внутренняя кладка стен и фундамент из сырцового кирпича, по которым удалось установить план здания. Это строение включало в себя новые версии храмов Геметпаатон («Атон найден») и Хутбенбен («Обитель [камня] Бен-бен»), ранее возведенных в Карнаке. Большой храм длиной 730 м и шириной 229 м был руководящим центром культа Атона в эль-Амарне. Вероятно, он так и не был достроен и в древности представлял собой огромное открытое пространство, окруженное множеством расставленных в определенном порядке алтарей из сырцового кирпича: 365 для Верхнего Египта и столько же для Нижнего. На этих алтарях ежедневно расставлялись жертвы Атону от двух регионов страны, а когда бог насыщался, пища отдавалась жрецам и простому народу. На культовых предметах, например, на ситухах — ритуальных сосудах — делались надписи-посвящения, иногда от имени частных лиц.

Несмотря на свою физическую открытость, храмы Атона были, вероятно, столь же обособлены от людей, как и традиционные египетские храмы. Хотя их изображения, содержащиеся на стенах гробниц и Большого дворца, были истолкованы некоторыми учеными как попытка избавиться от мистического ореола этих строений, скорее всего, их рисовали лишь для того, чтобы гарантировать им вечное бытие.

Два туловища из превосходного кристаллического известняка, обнаруженные в 1891 году неподалеку от Великого храма Атона (вместе с кучей более мелких фрагментов) Говардом Картером, работавшим тогда у Флиндерса Питри. Левое принадлежит Нефертити, у нее прозрачное одеяние со множеством складок; а правое — Эхнатону. На каждом из туловищ помещены картуши, содержащие раннюю форму имени Атона. Обе статуи когда-то держали подносы для жертвенных даров.

Эхнатон держит поднос для жертвенных даров солнечному божеству: маленькая известняковая статуя из святилища в частном доме, раскопанном Немецким восточным обществом в 1911 году. Произведение создано в смягченном амарнском стиле, присущем концу правления Эхнатона. Возможно, что по нему, как и по скульптуре из Лувра (см. стр. 88), мы можем составить верное представление о том, как Эхнатон выглядел в реальности.

На изображениях главных амарнских храмов видно, что они были украшены многочисленными статуями Эхнатона и Нефертити (а также иногда и других персон, в том числе Аменхотепа III, Тейе и « другой » жены Эхнатона — Кийи).

Все статуи были обращены в сторону царской гробницы, средоточия всего города. В руках они держат пустые жертвенные подносы.

Обломки семнадцати или более статуй Большого храма Атона, высеченных из превосходного плотного известняка из Кау, были впоследствии бесцеремонно свалены поздними разрушителями за его пределами, где в 1892 году их и обнаружил Говард Картер. Если бы эти превосходные, доведенные до совершенства статуи сохранились неповрежденными, они бы вошли в число лучших произведений искусства того времени.

В 500 метрах к югу от Великого храма Атона, позади Дома царя, располагался Малый храм Атона (« Обитель Атона в Ахетатоне ») (1). Версия Моллинсона по поводу этого сооружения уже упоминалась выше. Поскольку Малый храм находился на одной линии с царской гробницей, имел « помещение для облачения жрецов » и собственное « Окно явлений », предшествующие исследователи считали это здание царским заупокойным храмом старого типа, где царю поклонялись как до, так и после его смерти. При его строительстве также широко применялся камень, однако в дальнейшем он был растащен, и остался лишь каркас из сырцового кирпича, обнаруженный египетской экспедицией Наполеона в 1799 году.

ЮЖНАЯ ОКРАИНА

К югу от Центрального города раскопки до сих пор проведены менее чем на 50 процентах территории. Расположенная там « Южная окраина », подобно своему северному аналогу, была в основном жилым районом, хотя и с отдельными административными зданиями. Похоже, она создавалась немного раньше, чем Северная, что может свидетельствовать о переизбытке городского населения и подтвердить успешность

нового города в первые годы. Более высокий социальный статус обитателей Южной окраины очевиден не только из-за большей площади особняков и наличия в них огороженных стенами садов, но и благодаря большому количеству каменных косяков и перекладин, содержащих имена и главные титулы хорошо известных домовладельцев: например, это жрецы Панехси и Рауах, везир Нахт и военачальник Рамосе. Однако наиболее известный из особняков, раскопанных здесь, принадлежит Тутмосу — одному из скульпторов, проживавших в этом районе. Дом Тутмоса одновременно служил студией, где создавались портреты царей; их потрясающее собрание, как уже говорилось в первой главе, было здесь обнаружено германской экспедицией в 1912 году¹; в том числе знаменитый бюст Нефертити с одним глазом, хранящийся сейчас в Берлине (см. рисунок на стр. 24).

«РЕЧНОЙ ХРАМ»

Так называемый «Речной храм» был обнаружен Обществом изучения Египта в 1922 году поблизости от современной деревни эль-Хагг Кан-даль, и недавно его повторно изучило это же Общество. Поначалу он считался единственным свидетельством того, что местность была населена вплоть до времен XXVI династии — несколько сотен лет после того, как город еретика был официально заброшен. Но теперь стало ясно, что это более позднее строение, хотя и построенное с использованием амарнских камней².

Ком эль-Хана

Руины Ком эль-Ханы, расположенные вблизи современного поселения эль-Амарийя, на протяжении многих лет описывались как римский гарнизон. Раскопки, проведенные Барри Кемпом от имени Общества изучения Египта, позволили обнаружить большой каменный храм амарнского периода, частично окруженный садом в обычном стиле (с маленькими деревьями), а также различными служебными зданиями, включая пекарню. Кемп пишет: «О нашем полном невежестве в отношении амарнского периода говорит то, что такое важное здание, первоначальное название и владельца которого мы пока не знаем, до недавнего времени оставалось неизвестным»³.

¹ Подробнее о работах германской миссии в Ахетатоне, которую возглавлял Л. Борхардт, и находке знаменитого скульптурного портрета Нефертити см. в статье: Колмыкова Л.В., Человек, нашедший Нефертити, или Несколько слов о Людвиге Борхардте // Восточная коллекция 2 (2007), с. 134–142.

² Это храмовое сооружение, возведенное из обломков амарнских зданий при Рамессиде, было предназначено для того, чтобы «переосвятить» землю Амарны после разрушения и официального забвения столицы царя-еретика. — *Прим. ред.*

³ Kemp B.J. Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London & New York, 1989, p. 285.

Мару-Атон

Мару-Атон — древнее название места, которое сейчас полностью исчезло по вине вездесущего сельского хозяйства. Оно состояло из двух частей, огороженных стенами; в нем располагался ряд святилищ и солнечных жертвенников («Теней»), посвященных различным женщинам царской семьи, а также сады и небольшое озеро. Дорожки, как и повсюду в эль-Амарне, были украшены болотными пейзажами; значительная их часть была обнаружена в ходе раскопок. Уцелевшие здесь части строений представляют огромное историческое значение. Они свидетельствуют о том, что Меритатон использовала чужие тексты и изображения — предназначенные изначально не для Нефертити, как когда-то считалось, а для призрачной царицы Кийи.

Объекты в пустыне

В пустынных землях на восток от города также сохранился ряд памятников амарнского периода, связанных переплетением все еще различных древних дорог. Они создавались и использовались древней стражей, в задачу которой поначалу входила лишь борьба с набегами пустынных разбойников и других темных личностей, но не исключено, что впоследствии им пришлось также удерживать городское население в городе. Наибольшую значимость среди этих удаленных объектов представляют так называемые пустынные алтари. К ним относится группа зданий, возведенных прямо под Северными гробницами, вероятно для «приема иноземной дани» на 12-м году правления (см. далее). Также интерес представляет так называемая «Деревня ремесленников» — 64 дома стандартной формы, огороженные стеной, со стоящими в отдалении молельнями. Похоже, что поселок активно использовался в правление Тутанхамона, а жившие там рабочие, вероятно, занимались созданием, обслуживанием, охраной и последующим уничтожением царского некрополя. Второе аналогичное поселение, расположенное неподалеку, прозвали «Каменным поселком».

Царская гробница эль-Амарны (№ 26)

В самом начале своего правления Аменхотеп IV, когда все еще надеялся, что Фивы можно успешно преобразовать в «Горизонт Атона», похоже, хотел быть захороненным в пределах Долины царей, поблизости от своего отца, Аменхотепа III. Его первоначальной гробницей, судя по форме и размеру, могла являться незаконченная гробница, обозначаемая в наши дни как WV25. Хотя и WV23 — гробница, где впоследствии был захоронен царь Эйе — также могла быть изначально предназначена для другого царя. Ясно, что работа над фиванской гробницей Аменхотепа IV началась, однако продолжалась недолго — до того момента, как было принято решение навсегда покинуть Фивы. Погребальные принадлежности, которые могли быть изготовлены в этот ранний пе-

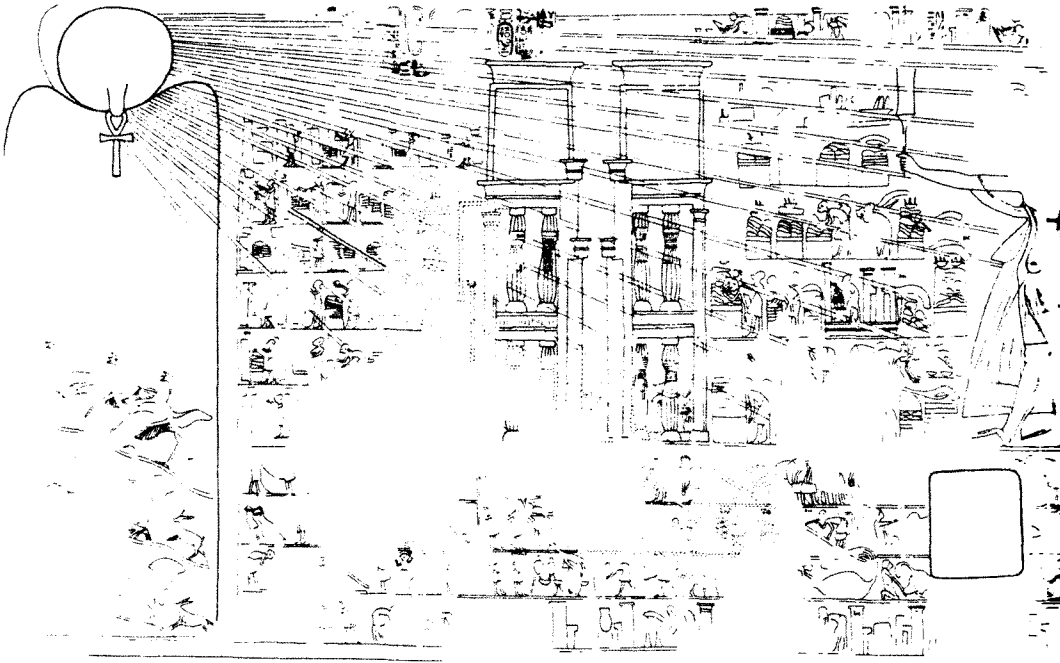
риод, в конце концов оказались в гробнице его сына и преемника Тутанхамона.

Какой окончательный вид должна была принять фиванская гробница Аменхотепа IV, остается загадкой. Но та, которую он создал для себя в эль-Амарне (амарнская гробница №26) в стороне от Вади Абу Хаса эль-Бахри в глубине восточных скал, в часе и более езды от Северных гробниц, разительно отличается от фиванской гробницы его отца, Аменхотепа III. Хотя эта гробница так и не была закончена, понятно, что вместо поворачивающего налево коридора, как в усыпальницах его предшественников, там был создан один прямой коридор, прерываемый двумя лестничными пролетами с центральным пандусом, облегчавшим внос саркофага. Египтологи Джеффри Мартин и Марк Линер первыми предположили, что эта новая форма царской гробницы изначально создавалась для того, чтобы обеспечить доступ в нее прямых солнечных лучей. Но когда Моллинсон показал, что средоточием всей архитектурной схемы эль-Амарны была царская гробница, стало ясно, что лучи священной энергии должны были исходить в противоположном направлении — из гробницы на город. Этот процесс графически воспроизведен на рельефе, выдолбленном на стене А комнаты *альфа* — к счастью, это одно из наиболее хорошо сохранившихся изображений в царской гробнице.

Поскольку рядом имеются и другие гробницы (№№ 27-30; см. далее), Эхнатон, очевидно, планировал сделать это место новой Долиной царей, что соответствует его обещаниям, записанным на пограничных стелах. Он готовил в окружающих скалах целую серию независимых, дополнительных погребальных мест для различных членов царской семьи. Среди них предположительно могли быть его мать Тейе, великая супруга царская Нефертити и его дочери.

Однако после ранней смерти второй царской дочери Макетатон, а также его второстепенной жены Кийи, было принято решение вырубить дополнительную группу погребальных камер в гробнице самого царя — с северной стороны главного коридора, прямо над вырубленной в камне лестницей перед защитным «колодцем» гробницы. Рельефы на стенах комнат *альфа* и *гамма* позволяют предположить, что и царица, и царевна умерли во время родов. Третий этап развития гробницы представлен странным извилистым коридором, вырубленным в той же стене, ближе к входу, который явно вел к захоронению члена царской семьи. Возможно, что эта «царская гробница внутри царской гробницы» предназначалась для захоронения Нефертити, поскольку ее статус при дворе повышался (см. далее), хотя нельзя отбрасывать также версию, пусть и слабую, что Эхнатон мог планировать в дальнейшем перезахоронить здесь своего отца, Аменхотепа III.

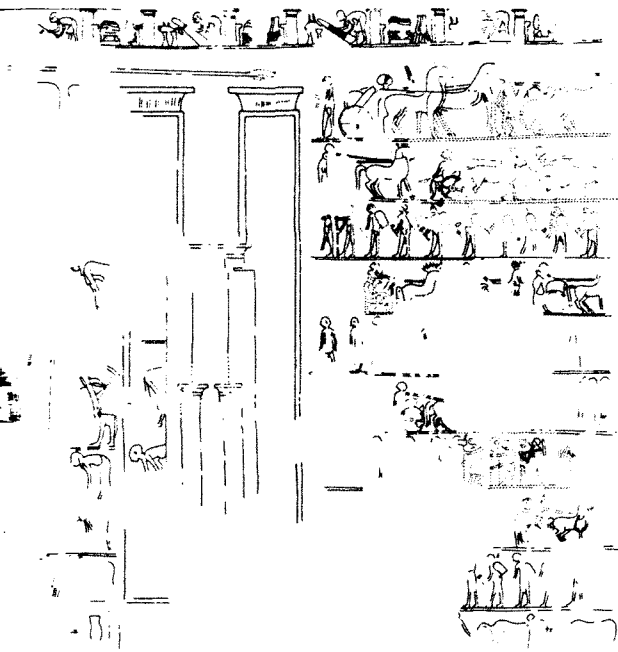
Подобно комнатам *альфа* и *гамма*, главная комната царской гробницы (Е), в конце концов, также была использована под захоронение, хотя по первоначальному проекту она являлась всего лишь залом с колоннами на пути к предполагаемой «святая святых». Очевидно, ее начали использовать после смерти матери царя, Тейе, фрагменты сар-

кофага которой были талантливо и независимо друг от друга, идентифицированы несколько лет назад Эдвином С. Броком, Марком Габольдом и Мартином Равеном. Эти фрагменты были извлечены Барсанти, а также впоследствии ЕЕС и другими, вместе с осколками гранитного саркофага царя, ящиком для каноп, фигурками *ушебти* и другими предметами. Эхнатон умер через несколько лет после матери, и чтобы освободить место для его ковчегов, две из четырех каменных колонн и часть пола были удалены, а затем камера была окончательно запечатана. Царская гробница, предположительно, являлась центральной точкой новой религии, она представляла огромную важность в качестве источника, дающего жизнь всему в эль-Амарне. И вполне возможно, что из-за этой роли потребовался демонтаж ее «механизмов» и перенос ее обитателей для «нейтрального» перезахоронения в Фивах после того, как мечта о новой религии была предана забвению при Тутанхамоне.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ (АМАРНСКИЕ ГРОБНИЦЫ №№ 27–30)

Несмотря на то, что новый режим отказался от поклонения животным после переезда в эль-Амарну (см. далее), одно животное, ассоциировавшееся с солнцем, все же получило официальное покровительство — им стал бык Мневис, воплощение бога-творца Атума.

Сцена на стене А комнаты «альфа» в Царской гробнице эль-Амарны — одна из наиболее показательных среди всего, что сохранилось от того исторического периода. На ней показано, как солнечный диск появляется на восточном горизонте и льет животворящие лучи на город Эхнатона. Зримым образом подтверждается теория Майкла Моллинсона о том, что Царская гробница задумывалась как ключевая точка, на которую сфокусирован весь город.

Археологи считают, что при жизни быка держали в стойле Северного дворца, а после смерти, в соответствии с ранним заявлением Эхнатона, его должны были удостоить чести захоронения в восточных скалах новой столицы.

Так и не удалось установить, где именно планировали захоронить Мневиса. Однако в 1980 году Джеффри Мартин и Марк Линер обнаружили череп и несколько костей быка или вола, когда выносили из гробницы № 28 кучу хлама, оставшуюся от прежних раскопок (предположительно, экспедиции Пендлбери). Планировка этой гробницы поразительно похожа на планировку захоронения быка Аписа времен XVIII династии, обнаруженного в Саккаре в 1850-х годах. Учитывая это сходство, логично будет предположить, что эти скудные останки являются не погребальными жертвами, как когда-то предположили нашедшие их, а подлинными останками самого быка Мневиса.

Расположенная по соседству незаконченная гробница № 29 выполнена по типовому царскому проекту, хотя из-за отсутствия пандуса для ската саркофага она, очевидно, относится ко второму разряду. Согласно рабочей гипотезе, она предназначалась для младшей дочери Эхнатона, Нефернеферуре. Поскольку эту царевну явно не собирались хоронить в главной царской гробнице, мы можем предположить, что она умерла после своего отца.

Об остальных гробницах царского вади мы не знаем практически ничего.

Царский некрополь в эль-Амарне

№№	Владелец / предполагаемый владелец	Описание
26	Эхнатон; Тейе; Макетатон; Кийя; ?Нефертити-Сменхкара	усовершенствованный царский тип
27	?	царский тип, ступеньки с пандусом для спуска саркофага; после первого коридора не сделано ничего
28	?бык Мневис	частный тип, три камеры
29	?царевна Нефернеферура	царский тип, ступеньки; после четвертого коридора не сделано ничего
30	?	частный тип, маленькая, незаконченная

Частные гробницы (амарнские гробницы №№ 1-25)

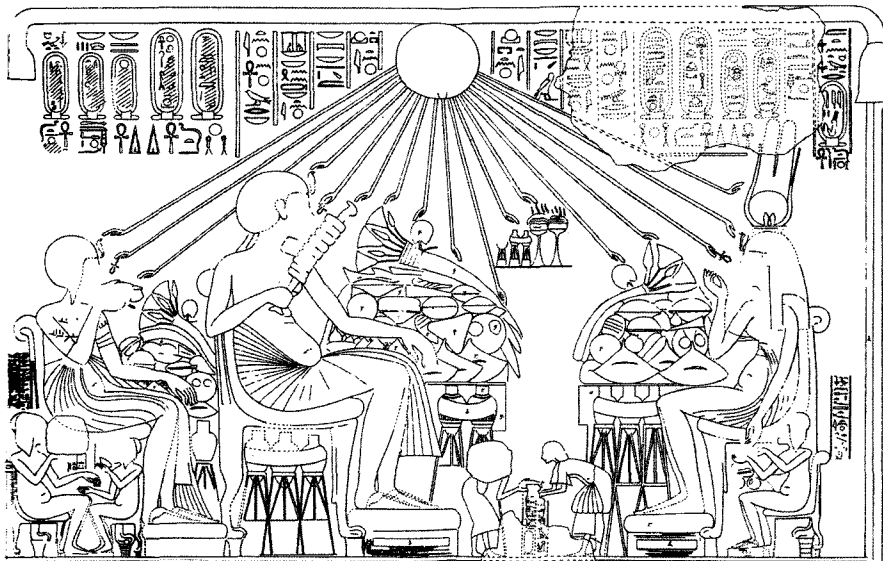
«[Частные] гробницы представляют для нас интерес тем, что создают четкое представление о жизни нового города — в особенности об облике общественных зданий и проводившихся церемониях. Многие изображения созданы небрежно и торопливо, но новый дух реализма очевиден... На одной из сцен Нефертити поглощает целого цыпленка, Эхнатон обгладывает большую кость, покрытую кусками мяса... На другой сцене они беседуют за бокалом вина объемом примерно с пинту, и царь, захмелев, слегка откидывается назад...»

Джон Пендлбери¹

Странно то, что, за исключением специальных захоронений, изредка встречающихся в пределах города, в эль-Амарне так и не было обнаружено никаких следов кладбища, предназначенного для простых людей². Несмотря на то, что сохранилось несколько частных фигурок

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 47—48.

² Некрополь, предназначенный для простых людей, был в 2006 году найден Б. Кемпом, возглавляющим «Амарнский Проект» с 1977 года. «Главное открытие, — говорит Б. Кемп в интервью американскому журналу «Археология», — это то, что сотни, а возможно и тысячи людей, которые умерли в Амарне, были похоронены там же; их тела остались в городе и после того, как он был оставлен... Погребения, которые были плохо оборудованы: всего несколько вещей в каждой гробнице, в основном это дешёвая глиняная посуда. Вероятно, здесь не было никакой мумификации. Мы мало знаем о ритуале похорон бедных людей в Новом царстве. Хотя наш некрополь был разорен (вероятно, вскоре после похорон), он все же обеспечит нас информацией о том, как хоронили бедняков. Уже есть свидетельства, что существовали некие семейные традиции погребения. Но главное открытие таится в человеческих костях. Это останки реального населения, жившего приблизительно в одно и

Царская семья за столом: Эхнатон набрасывается на баранью ногу, а его жена Нефертити жуёт утку или цыленка. Третья фигура в правой части сцены — это Тейе, мать царя. Также показаны три царевны вместе с двумя слугами, которые готовят новые яства для своего царственного хозяина.

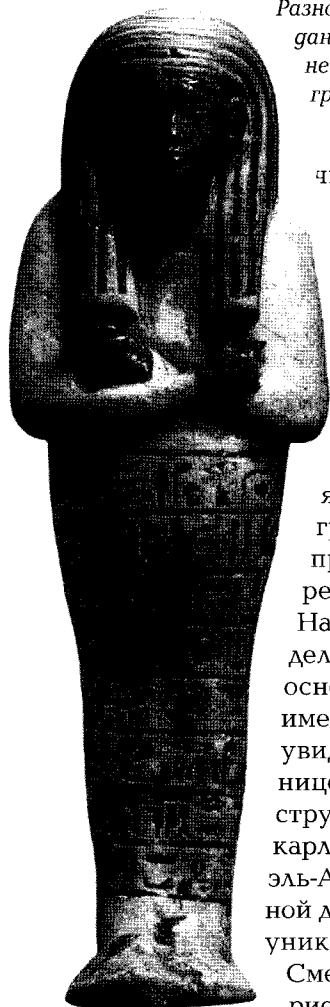
ушебти, принадлежавших этим людям, до сих пор остается загадкой, где же располагались сами захоронения. Возможно, как верил Пендлбери, основное кладбище «следует искать на западном берегу, поскольку традиции умирают с трудом, а западная пустыня для бесчисленных поколений людей являлась местом последнего упокоения»¹. Но в равной степени возможно, что многие воспринимали жизнь в этом удаленном городе как ссылку, несмотря на все его богатство и могущество. Прошло недостаточно времени, чтобы они почувствовали себя там как дома, и связи с родными местами должны были сохраняться. Возможно, что со временем простые люди уезжали в свои маленькие городки и деревни, чтобы упокоиться там среди предков.

Однако в Амарне существуют нецарские гробницы, принадлежавшие высшим вельможам Эхнатона. Они были вырублены в скалах к востоку от города двумя отдельными группами — возможно, для чиновников разного ранга. Северная группа, расположенная на достаточном удалении от Северного города насчитывает 25 гробниц, которые должны были предназначаться ближайшим советникам и наиболее преданным единомышленникам царя. А Южные гробницы, общим

то же время. Многие, должно быть, знали друг друга в жизни. Исследование костей, которое уже началось, даст нам «срез» городского населения периода Нового царства. Уже сегодня начинает приоткрываться мрачная история о трудных и коротких жизнях, не таких, как можно было бы ожидать от жителей столицы на пике расцвета древнего Египта». — *Прим. ред.*

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 59.

Разноцветная фигурка ушебти «отца бога» Эйе. Местонахождение данного предмета, находившегося в частных руках около столетия, неизвестно. Также неясно, была ли фигурка предназначена для гробницы Эйе в эль-Амарне или являлась вотивным образом.

числом 18, находящиеся в стороне от эль-Хагг Кандиль, создавались для чиновников исполнительной власти. Интересно заметить, что большая и впечатляющая гробница Эйе — «отца бога», сына Иуи и Туи, брата царицы Теи и Анена, и возможного отца Нефертити — расположена в южной группе. Этим, возможно, объясняется способность Эйе дистанцироваться от амарнского режима после его коллапса: при Эхнатоне он был всего лишь исполнителем.

Среди северной группы наиболее впечатляющими являются гробницы Хуи, Мерира I и Панехси; в южной группе — гробницы Эйе и Маху. Наибольшую значимость представляют изображения на их стенах: как законченные рельефы, так и предварительные однотонные наброски. На этих изображениях, в отличие от прежних времен, владельцу гробницы уделяется сравнительно мало внимания; основная часть места отдана царской семье. Многие сцены имеют большое историческое значение: на них мы можем увидеть внутреннее убранство Великого храма Атона (в гробнице Мерира I), мастерскую скульптора (в гробнице Хуи), сестру Нефертити Мутбенерет/Мутноджемет со своими двумя карликами (в гробницах Панехси, Майа и других), «визит» в эль-Амарну царицы Теи (в гробнице Хуи), «принятие иноземной дани» на 12-м году (в гробницах Хуи и Мерира II); а также уникальное изображение загадочного амарнского фараона Сменхкара и царицы Меритатон (в гробнице Мерира II, см. рисунок на стр. 175).

Надписи, в изобилии сопровождающие такие сцены, дают нам представление о жизни двора, поскольку содержат множество намеков на изменения в статусах различных ключевых фигур той драмы. Также они могут рассказать нам и о новой религии — наибольшую значимость имеют знаменитые гимны Атону из гробниц Хуи, Яхмеса и Эйе. В гробницах полностью отсутствуют сцены, на которых умершие предстают перед традиционными богами (что связано с «очищенной» сутью новой религии Эхнатона). Боги загробного мира заменены изображениями царя и царицы, приносящих обильные жертвы Атону, от которых умершему, судя по всему, должна была быть какая-то польза, или же дарящих главным государственным деятелям золотые ожерелья и иные награды за лояльность через «Окно явлений».

В древности, еще до осквернения и обветшания, яркими росписями и величественной архитектурой этих гробниц смог полюбоваться как минимум один посетитель, который небрежно нацарапал свой

комментарий, сообщающий о восхищении «мастерством священных каменщиков». Разумеется, гробницы даровались царем своим подданным в знак наивысшего расположения к ним. И поскольку работы выполнялись государственной рабочей силой, все эти гробницы выполнены в одном стиле, описанном Пендлбери:

«Планировка у них, по сути, такая же, как у гробниц XVIII династии в Фивах. Имеется передняя площадка, откуда дверь ведет в большой зал, свод которого иногда поддерживается «папирусовидными колоннами» из твердой породы. Другой особенностью является камера, содержащая статую владельца гробницы; попасть в нее можно прямо из зала, либо через коридор и прихожую. Расположение охранного колодца может быть различным, но чаще всего он находится в главном зале»¹.

И размеры гробниц, и качество их исполнения отражают значимость предполагаемых владельцев. Однако, несмотря на высокий статус, сохраняется любопытная особенность: за пределами гробниц имена этих чиновников встречаются редко и, как правило, по несущественным поводам. Исключением является Туту, упоминания о котором как о царском посланнике мы иногда встречаем в амарнских письмах; ну и, конечно, «отец бога» Эйе, который достиг вершин власти после трагической ранней смерти его подопечного, Тутанхамона.

Большинство из амарнских гробниц, похоже, не дождалось применения по назначению и были брошены, когда происходило возвращение в Фивы при Тутанхамоне²; поэтому, разумеется, здесь было обнаружено мало узнаваемых похоронных принадлежностей. Но вот что интересно: ни одна из них не была закончена — даже самые ранние. Возможно, это дает нам первую разгадку неудач амарнского режима и его окончательного падения. Из-за неумелого расходования средств, экономика быстро начала приходить в упадок. А в скором времени средства вообще закончились.

Советники и интеллектуалы: Северные гробницы

№№	Имя	Основные титулы
1	Хуи	начальник царского гарема начальник двойной сокровищницы великой супруги царской управляющий домом великой супруги царской Тейе

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 46—47.

² Сегодня хорошо известно, что двор Тутанхамона переехал из Ахетатона в Мемфис, а не в Фивы. Об этом же сам автор пишет позже. — *Прим. ред.*

2	[Мерира [II]	царский писец управляющий начальник двойной сокровищницы начальник царского гарема великой супруги царской [[Нефертити главный на ладье-менеш
3	Яхмес	истинный царский писец носитель опахала справа от царя управляющий дома Эхнатона начальник суда
4	[Мерира [I]	Великий видящий» Атона в доме Ра» носитель опахала справа от царя
5	Пентиу	царский писец царский начальник первый слуга Атона в обители Атона в Ахетатоне главный врач две ноги повелителя Обеих Земель казначей тот, кто может приближаться к самому царю начальник начальников «вельможа первого ранга среди «друзей единственных
6	Панехси	первый слуга Атона в доме Атона в Ахетатоне второй жрец повелителя Обеих Земель [Неферхеперуры-Уаэзры [Эхнатона начальник двойных зернохранилищ Атона в Ахетатоне начальник скота Атона

Северная группа гробниц чиновников в эль-Амарне — высоко в скалах, возвышающихся над городом. Эти гробницы предназначались — судя по тем шести, где имеются надписи — для ближайших советников царя.

Чиновники исполнительной власти: Южные гробницы

№№	Имя	Основные титулы
7	Пареннефер	царский мастер, чистый руками начальник всех мастеров царя начальник всех работ царя в доме Атона первый из простолюдинов тот, кто повсюду сопровождает Владыку Обеих Земель начальник жрецов всех богов
8	Туту	казначей первый слуга Неферхеперуры-Уаэнры [Эхнатона] в доме Атона в Ахетатоне первый слуга Неферхеперуры-Уаэнры [Эхнатона] на ладье уйя начальник всех мастеров Владыки Обеих Земель начальник всех работ Его Величества начальник серебра и золота Владыки Обеих Земель начальник сокровищницы Атона в доме Атона в Ахетатоне главный оратор всей страны
9	Маху	начальник стражи Ахетатона
10	Ипи	главный управляющий царский писец начальник большого гарема фараона управляющий Мемфиса
11	Рамосе	царский писец [управляющий Небмаатра [Аменхотепа III писец новобранцев военачальник Владыки Обеих Земель
12	Нахтпаатон	везир
13	Неферхеперу-херсехепер	градоначальник Ахетатона
14	Майя	военачальник Владыки Обеих Земель (?) начальник дома умиротворения Атона управляющий Уаэнра [Эхнатона] в Гелиополе начальник всех работ царя царский писец писец новобранцев начальник скота в храме Ра в Гелиополе носитель опахала справа от царя
15	Сути	носитель штандарта личной охраны [Неферхеперуры-Уаэнры [Эхнатона]

Скальная гробница казначея Эхнатона — Туту (№ 8 в южной группе гробниц эль-Амарны): боковой зал с папирусными колоннами, вид в северном направлении. Как и все частные гробницы Амарны, она не закончена и, похоже, никогда не использовалась по назначению.

19	Сутау	начальник двойной сокровищницы Владыки Обеих Земель
23	Ани	истинный царский писец писец жертвоприношений Владыки Обеих Земель писец жертвоприношений Атона [управляющий дома Аахепрура [Аменхотепа II]
24	Паатонемхеб	царский писец военачальник Владыки Обеих Земель начальник работ в Ахетатоне управляющий
25	Эйе	отец бога носитель опахала справа от царя начальник всех лошадей Владыки Обеих Земель истинный царский писец начальник лучников

Эль-Амарна и Фивы: замысел царя

Новый город Эхнатона в эль-Амарне изначально создавался в соответствии с хорошо продуманной общей геометрической схемой, хотя конкретные детали не были полностью стандартизированы. Возможно, до некоторой степени, это была просто новая и переосмысленная версия фиванского Ахетенатона (*sic*). А общий замысел кажется не та-

Ким уж непохожим на творения Аменхотепа III в южном городе. Майкл Моллинсон писал: «Можно сказать, что Эхнатон объединил в Амарне основные идеи Карнака. Масштабная переделка ландшафта была свойственна как работам по созданию Малькатты, так и вообще всему устройству Фив, перенасыщенному религиозными символами»¹. Даже у ныне заброшенной дороги празднеств Опет, по которой от Карнака до Луксора проходили процессии Амона, Мут и бога-младенца Хонсу, имелся свой аналог в эль-Амарне — впечатляющая трасса шириной 40 метров, Сиккет эль-Султан, т.е. Царская дорога. По ней будет шествовать «новая» священная триада Атон-Эхнатон-Нефертити — Атон по небу, над головами людей, а Эхнатон и Нефертити — по земле, в своих колесницах из блистающего, солнечного золота.

¹ Mallinson M. in Kemp B.J. (ed.) *Amarna Reports*, VI. London, 1995, p. 204.

РЕЛИГИЯ, ИСКУССТВО И ТЕРРОР

«Живущий в Истине»

С самого начала своего правления Эхнатон использовал эпитет *анх эм маат*, который переводится как «живущий в Истине», хотя более понятным будет другой перевод: «живущий в соответствии с должным порядком вещей». Стремление к такой жизни лежит в основе всего 17-летнего правления царя: ясно, что он задумал вернуться к изначальным принципам¹, быстро и безжалостно (чем бы ни объяснялась такая срочность) вернуть людей на тот жизненный путь, с которого, как он считал, они сбились. Тем не менее, основной чертой его правления стал не возврат старого, а создание нового.

Версия *маат*, предложенная Эхнатоном, акцентировала внимание на действительности, на сегодняшнем дне. На это направлены и амарнское искусство, и отход от веры в Осириса и загробный мир, и модернизация языка (приведение письменности в соответствие с устной речью). Изменения коснулись практически всех сфер жизни: начиная с использования маленьких блоков в царских строительных работах в Карнаке (ступенчатая пирамида Джосера подтверждает, что в Египте это был самый ранний, «чистый» метод строительства), и заканчивая введением новых обозначений для таких светских должностей, как главный винодел. Никакой из аспектов *маат* не был слишком значительным или слишком незначительным, чтобы фараон не занялся им лично.

Что же касается людей, то их мало волновала интеллектуальная красота созидательного духа фараона. Ранее их бытие было заполнено священными торжествами, а теперь ритм жизни задавал лишь предсказуемый цикл утренних рождений и вечерних смертей солнечного бога. Праздники прошлого, разделявшие год на части, задававшие всему начало и конец, приводившие повседневную жизнь в движение, теперь были отменены, и не похоже, чтобы им нашли замену. Хотя, как отмечал Барри Кемп, «поклонение солнцу обеспечивает готовый набор

¹ Эхнатон лишь использовал «изначальные принципы» солнечного культа и царского дома эпохи пирамид для создания собственной доктрины. Говорить о том, что царь «задумал вернуться» к ним — значительно погрешить против истины. — *Прим. ред.*

календарных праздников: солнцестояний и равноденствий»¹. Шествия царя по Царской дороге, как бы хорошо они ни были организованы, все же были неравноценной заменой.

Как бы то ни было, но жители эль-Амарны и всего Египта, похоже, стремились усвоить взгляды своего царя, прославляя новую реальность не только публично, но и в частных письмах, точно так же, как раньше они прославляли старую. Но можно предположить, что делали они это не слишком уверенно. Население было довольно своим прекрасным городом, благоустроенным жильем и безопасностью доходов; но, учитывая магическо-религиозную основу медицины и многих других аспектов повседневной жизни, у них имелась не только духовная, но и практическая потребность в старых богах. То, что эта потребность сохранялась, прослеживается по не столь уж редко находимым в эль-Амарне незаконным изображениям старых богов, в том числе Тота, Птаха и, что неудивительно, Беса и Таурт — божеств домашнего очага.

Новая религия

«...все, что мы знаем о нем [Эхнатоне], относится к одной эпохе и восходит к нему самому. Он один, без посредников, открывает нам свое учение, и фальсификации могут происходить лишь по вине современных интерпретаторов»

*Эрик Хорнунг*²

Высказывались различные мнения о причинах возникновения новой веры Эхнатона — религиозных, интеллектуальных и политических. Вероятно, все три разновидности причин имели место, хотя о точном их соотношении можно спорить.

Фараон впервые сформулировал новые верования в самом начале своего правления, в Карнаке. Обнаруженные там фрагменты его речи были реконструированы Дональдом Редфордом и «Проектом храма Эхнатона»:

«Послушайте! Я говорю то, что я должен сказать вам о формах богов. Я знаю их храмы, и я преуспел в их писаниях, в перечнях их предвечных тел и я видел их, когда они прекращали свое существование одно за другим, хотя и были сделаны из различных ценных пород камня или [...] — за исключением бога, который сам зачал себя [Атума]...»

Царь объявил, что изображения богов были созданы людьми, хотя и в соответствии с древними предписанными образцами. Правда в том, что они возникали и исчезали вне зависимости от того, насколько ценным

¹ Kemp B.J. Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London & New York, 1989. p. 286.

² Hornung E. Akhenaten and the Religion of Light. Ithaca, 1999, p. 17.

Великий гимн Атону. Хотя отрывки из этого жспрессивного литературного произведения сохранились в целом ряде гробниц эль-Амарны, наиболее полная версия находится в гробнице «отца бога» Эйе. Текст упорядочен в 13 вертикальных колонок и возвышается над изображениями коленопреклоненного владельца гробницы и его жены.

и неразрушимым был материал. Вечен был только творец всего сущего — первоначальный бог Атум, явленный в солнечном диске, Атоне, который возрождается каждый день в прежнем виде. И как показывают другие свидетельства, в вере Эхнатона отразилась сама сущность царской власти.

На основе космологии и топографии, Эхнатон определил место возрождения Атона — центральную точку своего государства. И там он решил устроить свою гробницу, сфокусировав на ней весь свой новый город, Ахетатон. Эта гробница, а также второстепенные захоронения, связанные с ней, были намеренно размещены на восточном, а не на западном берегу Нила, и это было чем-то новым: так подчеркивалась живая сущность царской власти, заявлявшей о себе каждое утро в виде восходящего солнца. Возникал разительный контраст с традиционной ориентацией на запад, который отождествлялся с закатом, концом, смертью. Вопреки распространенному заблуждению, уход из жизни являлся для египтян не менее страшным и печальным событием, чем для нас¹.

Проповедуемое Эхнатом предпочтение жизни, а не смерти, сегодняшнего дня, а не туманного будущего, находило отклик в душах людей — как минимум поначалу. Об этом свидетельствует «Песня Арфиста», которую в наши дни признают творением того времени²:

«Итак, празднуй радостный день и не печалься,
Ибо никто не уносит добра своего с собой,
И никто из тех, кто ушел туда,
Еще не вернулся обратно!»³

¹ Не стоит, однако, модернизировать мировоззрение древних египтян, для которых смерть всегда была лишь переходным этапом от одного к другому этапу в *ахау* — сроке существования человеческой сущности. Египтяне совсем иначе, нежели наши современники, относились к смерти. — *Прим. ред.*

² Традиционно считается, что текст «Песни арфиста» восходит к Среднему царству. — *Прим. ред.*

³ Перевод М.Э. Матье. См. Матье М.Э. Избранные труды по мифологии и

Ешь, пей и будь счастлив — вот что провозглашала амарнская идеология. Живи сегодняшним днем.

Поверхностность призывов новой религии очевидна по чувствам, выраженным в «Великом гимне Атону» — произведении, в наиболее полном виде записанном в 13 вертикальных колонках иероглифического текста из гробницы «отца бога» Эйе в эль-Амарне. Эта надпись была частично уничтожена в 1890 году, однако, к счастью, сохранилась ее копия, сделанная Урбенom Бурианом в 1883—1884 гг. Поскольку это самое откровенное из сохранившихся изложений амарнского мировоззрения, к тому же, по всей видимости, принадлежащее перу самого Эхнатона, мы приведем его здесь целиком:

«Ты сияешь прекрасно на небосклоне неба, живой солнечный диск, положивший начало жизни!

Ты восходишь на восточном небосклоне и наполняешь всю землю своей красотой!

Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над всей землей!

Твои лучи объедают страны вплоть до предела всего того, что ты создал!

Ты — Ра, и ты доходишь до их [стран] пределов!

Ты подчиняешь их для сына твоего, любимого тобой!

Ты далек, а лучи твои на земле, [ибо] ты перед [ними, чтобы видели?] твое прохождение!

Ты заходишь на западном небосклоне,

И земля [находится] во мраке, наподобие мертвого.

Спят они [египтяне] в помещениях, причем головы их закутаны, и они не видят другого.

Ташат все их вещи, что под их головами, и не знают они [об этом].

Каждый лев выходит из своего логова. Все гады кусаются [во] мраке... Собирается тьма,

Земля молчит, так как тот, кто создал их, зашел на своем небосклоне.

Светает, [когда] ты восходишь на небосклоне.

Ты сияешь в виде солнечного диска днем. Ты гонишь мрак, [когда] ты даешь лучи.

Обе Земли торжествуют — просыпаются и встают на ноги, поднимаются они [люди] из-за тебя. Омывают свои тела и берут одежду. Руки их славят твое воссияние, [и затем] они совершают работу свою.

Весь скот вкушает свои травы.

Деревья и травы зеленеют.

Птицы вылетают из своих гнезд, и их крылья славят твое *Ка*.

Все животные прыгают на ногах.

Все то, что летает и порхает, оживает, [когда] ты восходишь для них.

идеологии Древнего Египта. М., 1996, с. 225. Там же смотреть полемику вокруг «Песни арфиста» и отклики потомков на этот крайне неоднозначный текст. — *Прим. ред.*

Плывут корабли на север, а также и на юг, и все дороги открыты, когда ты воссиеваешь. Рыбы в реке выходят (?) на лик твой. Лучи твои [проникают] внутрь моря.

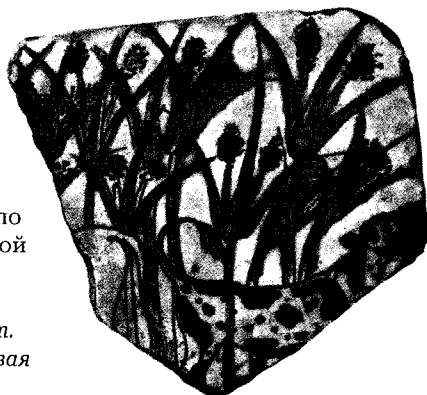
Создающий зачатие (?) в женщинах,
 Делаящий семя в мужчинах!
 Дающий жить ребенку во чреве матери, успокаивающий его, чтобы он не плакал!
 [Ты] кормилица в утробе! Дающий дыхание, чтобы сохранить живым то, что создал, когда он [ребенок] покидает утробу в день, когда он рождается —
 Ты открываешь его уста совсем и делаешь [все] то, что нужно ему.
 Когда птенец в яйце, он [уже] говорит в скорлупе.
 Ты даешь ему дыхание внутрь его [яйца], чтобы он сохранил жизнь. Ты устанавливаешь его время, чтобы было пробито оно [яйцо] из яйца.
 Он выходит из яйца, чтобы говорить в установленное время.
 Он идет [уже] на своих ногах, когда выходит и него [яйца].

О как многочисленно то, что ты делаешь, и то, что [является] тайным, единственный бог, [кроме] которого нет другого!
 Ты образовал землю по своему желанию, когда ты был один — с людьми, скотом и всеми животными, которые ходят по земле на своих ногах и которые поднимаются, летя на своих крыльях.
 Чужеземные страны, Сирия и Куш, Египет.
 Ты каждому человеку назначаешь его место.
 Ты делаешь то, что требуется им. Каждый имеет свою пищу и отмерено его время жизни.
 Их языки разделены по речи так же, как и их образы. Их кожа различная, [так как] ты отличил чужеземцев.
 Ты создал Нил в преисподней¹ и привел ты его по желанию своему, чтобы дать жизнь подданным, подобно тому, как ты их создал для себя, владыка их всех, страдающий из-за них, владыка каждой страны, восходящий ради них, солнечный диск дневной, большой величием.
 Ты делаешь [так], чтобы жили далекие чужеземные страны.
 Ты дал Нил на небеса, и он падает для них.
 Он делает волны на горах, как [на] море, орошая их поля в их селениях.

О как прекрасно исполнены они, твои замыслы, владыка вечности!

¹ Имеется в виду Дуат, иной мир, находившийся, по представлениям египтян, по ту сторону неба, в северной его части, а не в подземелье. — *Прим. ред.*

«Весь скот вкушает свои травы. Деревья и травы зеленеют. ...Все животные прыгают на ногах»: разноцветная фаянсовая плитка из эль-Амарны

Нил на небе ты предназначил для чужеземцев и для всех диких животных, ходящих на ногах, а Нил, который идет из преисподней, — для Египта.

Лучи твои кормят каждую пашню.

Когда ты восходишь, они оживают и растут из-за тебя.

Проводишь ты время, чтобы воспроизводить все то, что ты сделал: всходы, чтобы они [пашни] охладели; жару, чтобы вкусили (?) ее.

Создал ты небо далекое, чтобы восходить на нем, чтобы смотреть на все созданное тобой.

Ты един, но ты восходишь во [многих] своих проявлениях в виде живого солнечного диска, воссоединяющего, сияющего, удаляющегося, приближающегося. Ты создаешь миллионы проявлений из себя одного.

Города, селения, поля, дороги, река — зрит тебя каждый человек перед ними, когда ты в виде дневного солнечного диска.

Ты в моем сердце и нет другого, который познал бы тебя, кроме твоего сына Неферхеперура — единственного для Ра. Ты даешь, чтобы он был сведущим в твоих помыслах и в твоей силе. Земля существует под твоим началом подобно тому, как ты создал их [людей]. Ты восходишь — они живы, ты заходишь — они мертвы. Это ты сам время жизни, и живут в тебе. Глаза [устраиваются] на красоту [твою] до твоего захода. Кладут всякую работу, когда ты заходишь на западе. Когда [ты] восходишь, [ты?] даешь расти (?)... для царя. Спешат (?) со всех ног (?) с тех пор, как ты основал землю. Ты поднимаешь их для сына твоего, вышедшего из твоей плоти, царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего в Истине, Владыки Обеих Земель Неферхеперура — единственного для Ра, сына Ра, живущего в Истине, владыки венцов Эхнатона, большого по веку своему, [и для] великой жены царевой, возлюбленной им, Владычицы Обеих Земель Нефернеферуатон-Нефертити, да будет она жива и молода вечно, вековечно!»¹

Даже в научном переводе красота этого гимна с его прославлением «бога как жизни» очевидна. А сходство между вторым куплетом гимна и библейским 104 псалмом, вызвавшее жаркие споры в иудейско-христианском мире, усиливает подобное впечатление:

«Ты простираешь тьму и бывает ночь: во время нее бродят все лесные звери;
львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе.
Восходит солнце, [и] они собираются и ложатся в свои логовища;

¹ В оригинале книги приведен англоязычный перевод гимна, сделанный У. Мюрнейном. Здесь приведен великолепный перевод этого текста, сделанный Н.С. Петровским. См. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. I. М., 1980, с. 90—92. — *Прим. ред.*

выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера.
 Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих. [...] Скроешь лице Твое — мнутятся, отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются; пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице земли»¹.

Когда читаешь это произведение, преданность Аменхотепа IV-Эхнатона своему богу и искренность его мировоззрения вряд ли можно поставить под сомнение.

Или все же можно?

Понимание гимна

Мыслей, выраженных в Великом гимне, маловато для создания новой религии. К тому же, они не совсем новые: сходные мотивы можно обнаружить в более ранних «Текстах Саркофагов», а некоторые из них высказаны практически идентичным образом в доамарнском гимне богу Амону (папирус Булак 17); и это как минимум два установленных источника, которыми пользовался Эхнатон. Как нам следует объяснить такие заимствования?

Стандартный ответ таков: гимн Эхнатона затрагивает типичные философские темы, широко распространенные в египетском и ближневосточном культурном наследии того времени, темы, с которыми царь, очевидно, должен был сталкиваться, и из которых он неизбежно должен был черпать вдохновение. Не сомневаемся, что это так. Но у нас также возникает ощущение расчетливости: того, что привычные элементы были цинично объединены и упакованы в новую обертку ради достижения определенной цели. Как заметил Джеймс Аллен, поклонение Атону «имеет дело не столько с отношением человека к богу, сколько с его пониманием фундаментальной природы реальности»². И природа этой новой реальности становится понятна в последнем куплете: «Ты в моем сердце, и нет другого, который познал бы тебя, кроме твоего сына Неферхеперуры — единственного для Ра». Подобное представление восходит к ранним образцам (текст, известный как «König als Sonnenpriester»), в которых способность понимать небеса, небесные тела и их движение приписывается исключительно царю. Но здесь оно доведено практически до крайности. Религия фараона не просто пыталась отрицать существование других богов, чьи служители восставали против его воли. К новому богу, представлявшему собой простую абстракцию, один лишь царь имел прямой доступ. В результате мы понимаем следующее: Эхнатон и его семья поклонялись Атону, тогда как

¹ Цит. по Синодальному переводу Ветхого завета. — *Прим. пер.*

² Allen J.P. in Simpson W.K. (ed.) *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*. New Haven, 1989, p. 91.

народ поклонялся им. Какими бы ни были личные верования фараона — а о них нам по-прежнему ничего неизвестно — религия Атона на практике являлась не более чем прагматичным инструментом политического контроля. Снова процитируем Джеймса Аллена: «Богом в религии Эхнатона был сам Эхнатон»¹.

И нет ничего удивительного в том, что Дональд Редфорд охарактеризовал «созданное Эхнатоном божество» как

«довольно холодное. Его Диск создал космос... и поддерживает его существование; но похоже, что он не проявляет никакого сострадания к своим творениям. Он дает им жизнь и средства к существованию, но делает это с безразличием. Ни один текст не говорит нам о том, что он слышит мольбы бедняка, или помогает больному, или прощает грешника. Причиной этого, как и причиной преднамеренного отсутствия в новом культе многих других элементов, является попросту то, что страдающий бог не отвечал задачам Эхнатона»².

Разумеется.

Триада культа Атона

Древнеегипетская религия с самых ранних времен демонстрировала естественную склонность к объединению богов в группы по трое, то есть в «триады». Следуя образцу Осирис-Исида-Хор, триада впоследствии обрела «семейную» структуру отец-мать-сын, и разные города поклонялись своим собственным вариациям на ту же тему: к примеру, Амон-Мут-Хонсу в Фивах, или Птах-Сехмет-Нефертум в Мемфисе. При создании новой религии Эхнатон с самого начала придерживался этой метафоры.

В изображениях Атона, Эхнатона и Нефертити амарнская иконография демонстрирует новый подход к концепции божественной семьи. У каждого из этих троих имелся аналог среди основных участников гелиопольской мифологии: Атон отождествлялся с богом-творцом Атумом; Аменхотеп IV-Эхнатон — с Шу, произошедшим из плоти Атума; а царица Нефертити — с богиней Тефнут, близнецом Шу женского пола, его теологическим подобием и эквивалентом. С рождением шести дочек царской четы — Меритатон, Макетатон, Анхесенпаатон, Нефернеферуатон-Ташерит, Нефернеферуры и Сетепенры — версия Эхнатона Гелиопольской Эннеады (девяти богов-творцов) была завершена.

Новая царско-божественная семья доминировала во всех сферах жизни. Как в Фивах, так и в дальнейшем в эль-Амарне, она проезжала в парадных процессиях по Царской дороге, или показывалась в «Окне явлений» в своем дворце, сияя подобно солнцу на горизонте (если ис-

¹ Там же, p. 100.

² Redford D.B. Akhenaten, the Heretic King. Princeton, 1984, p. 178.

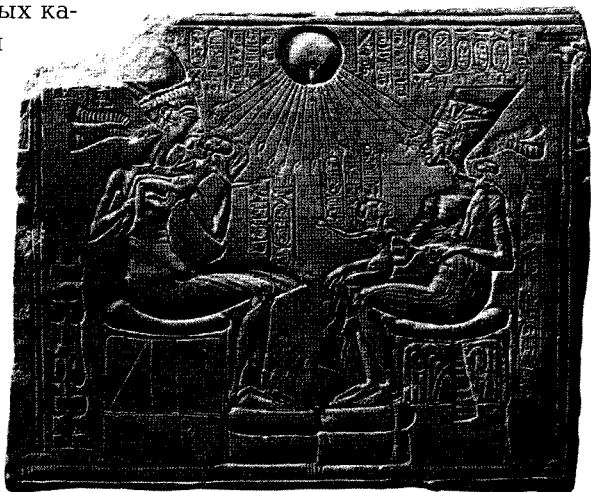
пользовать сравнение из культа Атона), чтобы вознаградить своих преданных слуг. А когда простые люди возвращались домой, там их (стр. 152) ждали святилища, содержащие маленькую стелу или скульптурное изображение — но не обычных домашних божеств (хотя они, как было отмечено, все еще были популярны среди простого народа), а все той же царской семьи, от которой полностью зависело все их благосостояние, как материальное, так и духовное. Фиктивность, надуманность этого культа видна по тому, как быстро он исчез после смерти Эхнатона.

Образ царя

Манера, в которой царская семья изображалась на стелах домашних святилищ, была раскрепощенной и неформальной: солнечный диск протягивает свои животворящие лучи к царю, который нежно прикасается к подбородку жены, а вокруг резвятся некоторые из их детей. Дают ли подобные изображения правдивую картину счастливой семьи, живущей в мире со своим богом, с собой и со всем миром? Это вопрос спорный. Учитывая то, что мы начинаем понимать об амарнской системе, более вероятно, что эта картина — пропагандистская. Царь хотел, чтобы о нем так думали. Существовавшая в действительности диктатура была настолько далека от этого, насколько это вообще возможно. Есть много аналогий с современностью: глядящий собаку фюрер, попыхивающий трубкой Сталин, блаженный Мао Цзэдун.

Элементами «нового стиля» Эхнатона стали поразительные изменения в композиции и жестах, изображение в необычайно открытой манере того, что раньше являлось личным и неприкосновенным. Концепция вечности была отброшена ради чрезмерного внимания к детальному изображению настоящего момента; небо и земля, ранее четко разграниченные, теперь являлись единым целым. Однако все это нивелировалось принятием новых канонических пропорций. То, что мы видим на рельефах — не идеализм, а искаженная реальность. И мы в

Царская семья: Эхнатон, Нефертити и три их старших дочери — Меритатон, Макетатон и Анхесенпаатон — под животворящими лучами их бога. Их необычайная физическая близость очевидна как здесь, так и на других амарнских изображениях. Не так давно возникла версия, что причиной этой близости могло быть слабое зрение из-за синдрома Марфана, от которого, возможно, мог страдать Эхнатон и его дети.

Эхнатон и Нефертити наслаждаются досугом: царица в шапочке-короне, характерной для ее поздних лет, подносит букет из двух мандрагор и одного лотоса к носу царя, который, предположительно, опирается на посох. Вспомните о множестве тростей, найденных в гробнице Тутанхамона.

нее готовы полностью поверить — впервые за все века существования египетского искусства. Этот стиль, применительно к самому Эхнатону, превосходно описан Сирилом Олдредом:

«Теперь царь изображался с покатым лбом, морщинистым и изможденным лицом, длинным носом, толстыми губами, раскосыми глазами, огромной отвислой челюстью и впалыми щеками... Кости ключицы были явно выражены, шея показывалась тощей и изогнутой... Его грудь была выпу-

клой, живот — отвислым, ягодицы — большими, а огромные бедра держались на тонюсеньких голеньях»¹.

Какие разительные отличия от образа царя-героя, старательно создававшегося Аменхотепом III! Исчезла также изысканность и элегантность времен Аменхотепа III и первых лет Аменхотепа IV. И все это делалось намеренно: если верить торжественным заявлениям главного царского скульптора Бека, «ученика Его Величества», именно фараон был основателем нового стиля.

Главной целью амарнской иконографии являлось отдаление фараона и его последователей от простых людей. Статуи, подобные карнакским колоссам, обнаруженным Анри Шеврие в 1925 году, производили устрашающее впечатление. Такой же эффект достигался изображениями, где сподвижники фараона показаны похожими на своего бо-

¹ Aldred C. Akhenaten and Nefertiti. New York & London, 1973, p. 53.

Придворный скачет на колеснице, держа сандали своего хозяина. Колесницы, впервые появившиеся в Египте при гиксосах, коренным образом изменили принципы ведения войн, а также стали основным средством передвижения в эль-Амарне (на аккуратно подметенной «Царской дороге») — как для царской семьи, так и для высших чиновников. На данном рельефе представляет интерес редкое изображение крайней лошади, повернувшей голову в сторону зрителей.

Чувственность амарнского искусства нигде так не очевидна как в этих двух руках — фрагменте скульптуры, изображающей царя и, предположительно, его жену Нефертити. Найдены в доме Р496 раскопанном немцами в 1911–1912 гг. Материал — красный кварцит.

жественного лидера и его столь же искаженную семью, а рядовые подданные в тех же сценах предстают в относительно нормальном виде. По прошествии времени этот экстремизм смягчился и ослабел — Олдред считал это следствием смерти Бека и изменения его стиля другими мастерами, включая Тутмоса. А вскоре после воцарения Тутанхатона от новой иконографии полностью отказались, хотя ее влияние продолжает просматриваться в мелких деталях египетского искусства последующих поколений.

Физическая реальность

По мнению немецкого египтолога Вальтера Вольфа, высказанному в 1950е годы, амарнский стиль в искусстве был «болезненной злобой и нервным декадентством»¹. Это интересное описание, и поскольку крайности в изображении царя должны были, в какой-то степени, основываться на реальности, нам следует посмотреть, действительно ли наличие каких-либо заболеваний подтверждается фактами.

В прошлом был предпринят ряд попыток определить патологию, которой страдал Эхнатон. Наиболее известным является предположение, сделанное Грэфтоном Эллиотом Смитом (и в дальнейшем воспринятое Сирилом Олдредом), о том, что фараон мог быть жертвой «Синдрома Фрёлиха» (адипозо-генитального синдрома) — эндокринного расстройства, внешние проявления которого имеют много общего с тем, как изображался Эхнатон. Однако у такого диагноза имеются два важных изъяна: во-первых, большинство страдающих от этого синдрома являются умственно отсталыми; и, во-вторых, одним из следствий болезни Фрёлиха является импотенция. Ясно, что Эхнатон не имел ни первой, ни второй проблемы, и вероятность такого диагноза в настоящее время справедливо отвергается.

После провала гипотезы о синдроме Фрёлиха, большинство египтологов считают подобные далеко идущие диагнозы не более чем безумными домыслами и не принимают их всерьез. В результате осталась незамеченной сравнительно недавно вышедшая в «Журнале Общества по изучению египетских древностей» статья канадской исследовательницы Элвин Л. Барридж. Эта публикация сопровождалась поистине гробовым молчанием, несмотря на то, что Барридж выдвинула интересную гипотезу. Она собрала обширные — и, разумеется, с легкостью

¹ Wolf W., цитата по: Hornung E. Akhenaten and the Religion of Light. Ithaca, 1999, p. 43.

находимые на изображениях Эхнатона — свидетельства того, что он мог страдать от редкого (1 случай на 10 тысяч человек) генетического расстройства, известного как «синдром Марфана». Можно надеяться, что детальный анализ скелета из гробницы 55 и родственных ему тел способен должным образом подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Причем Барридж полагает, что «полный набор аномалий», различимых на изображениях царя, «слишком непротиворечив, чтобы быть простым совпадением»¹.

Среди внешних проявлений синдрома Марфана, который вызывается всего лишь одним аномальным доминантным геном и не предполагает никаких умственных заболеваний или нарушения репродуктивной способности, Барридж перечисляет следующие:

- чрезмерно большой рост, тонкие кости, продолговатое лицо, высокое небо, просветы между зубами;
- аномально длинные конечности, тонкие паукообразные пальцы на руках и ногах (арахнодактилия);
- обхват рук превышает рост;
- аномалии позвоночника: искривление шейного и спинного отделов (кифоз);
- искривление позвоночника (сколиоз), врожденное отсутствие половины позвонка (hemi-vertebra);
- воронкообразная грудная клетка (pectusexcavatum) или куриная грудь (pectuscarinatum);
- выступающие кости лопаток (крыловидная лопатка), выступающая ключица;
- широкий тазовый пояс;
- дефицит и неравномерное распределение подкожного жира;
- разболтанность суставов, нога в коленном суставе прогибается назад (рекурвация колена), плоскостопие;
- ненормально вытянутый череп (долихоцефалия);
- подбородок выступает дальше лба, если смотреть в профиль (прогнатизм);
- деформация наружного уха;
- гипогенитализм;
- слабость соединительных тканей, грыжи, неправильное развитие тканей (мышечная гипоплазия) и сниженный тонус мышц (гипотония);

¹ Burr ridge A.L. Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquities 23 (1993), p. 66.

Классический случай синдрома Марфана? Телесные искажения, показанные древним художником на этом раннем изображении царской семьи на паряпете из эль-Амарны, сильно напоминают симптомы этого заболевания.

Как отмечает Барридж, практически все эти элементы присутствуют на изображениях Эхнатона (и в меньшей степени на изображениях его семьи) — при том, что этот синдром может проявляться с разной степенью тяжести, и достаточно установить наличие «всего двух из перечисленных симптомов... чтобы подтвердить диагноз»¹. Если диагноз подтвердится, то наличие у Эхнатона синдрома Марфана влечет за собой много последствий. Например, он и его сын могли быть предрасположены к внезапной смерти из-за слабой сердечно-сосудистой системы. А также, он мог быть «практически слеп большую часть своей взрослой жизни»² из-за кератоконуса (ненормальной, конической роговицы, которая вполне различима на ряде изображений царя).

Если со временем подтвердится, что диагноз, поставленный Барридж, имеет какое-то реальное основание, будет получено объяснение до сих пор непонятному сообщению Манефона о том, что Аменхотеп IV-Эхнатон желал «узреть богов». Возможно, его следует понимать буквально; и приверженность царя Атому объясняется тем, что это было единственное божество, чьи очертания он был в состоянии хотя бы смутно различить. Музыкальные способности, проявленные им при создании Великого гимна Атому, свойственны многим слепым людям. Также находят свое объяснение:

— необычайная физическая близость царской семьи, отраженная в амарнском искусстве, где повсеместно подчеркивается чувство прикосновения;

— физическая слабость фараона, проявленная в том, что он довольно часто пользовался тростью (вспомните об огромном количестве тростей в гробнице его сына Тутанхамона);

— ранняя и до сих пор не объясненная смерть самого Тутанхамона³;

— деформации скелета (как при синдроме Марфана), которые, похоже, различимы как минимум у одного из нерожденных детей юного царя.

Но кто из царской семьи мог передать Эхнатону этот синдром? Несколько лет назад падкая на сенсации газета *National Enquirer* опубликовала одну статью. Там указывался малоизвестный факт: американский президент Авраам Линкольн страдал от синдрома Марфана. В качестве подтверждения, к статье прилагалась фотография, изображавшая якобы необычайно хорошо сохранившееся тело президента. Разумеется, фотография была подложной. На ней был изображен Иуйя, дед Эхнатона. Однако сходство с президентом, страдавшим от синдрома Марфана, было потрясающее.

¹ Там же, р. 67.

² Там же, р. 70.

³ Мнение автора устарело. Новые исследования, проведенные под руководством Криса Ньютона в 2013 году, показали, что страшные травмы левой части грудной клетки царя, перелом бедра, а также невероятное сдавливание мягких тканей торса были вызваны падением с колесницы, колесо которой затем переехало царя. Травмы оказались несовместимы с жизнью, а сердце, видимо уничтоженное, не положили при бальзамировании внутрь мумии, как этого требовал египетский погребальный ритуал. См. <http://victorsolkim.livejournal.com/524314.html> — *Прим. ред.*

Закат и падение

«Когда я был маленьким, [фараон] привез меня в Египет. Я служил царю, моему господину, и я стоял возле городских ворот царя, моего господина... И, воистину, теперь, взвалив... ярмо царя, моего повелителя, на свою шею, я несу его».

*Письмо Иахтиру, вассального градоначальника*¹

Амарнский период не был временем роста Египетской империи, хотя «имперская» система, разумеется, по-прежнему существовала и функционировала, пусть и с меньшей силой. Южные доминионы Египта, которые находились в прямом распоряжении Нубийского наместника, «Царского сына Куша», похоже, мало пострадали, оставаясь относительно — если не полностью — стабильными. Из Бухена и Амады у нас имеется свидетельство о военном походе в те земли, предпринятом на 12-м году правления — вероятнее всего, ради золота для финансирования царских проектов. На севере, где непосредственный контроль над Сирией-Палестиной был отдан в руки вассальных правителей, ситуация была совершенно иной.

Многие из северных вассальных правителей получали образование в Египте и потому сочувственно относились к верховной власти; или же гарантией их лояльности могло быть то, что их дети жили при дворе фараона. До самой смерти Аменхотепа III система работала неплохо: хотя возле отдаленных северных границ всегда происходили разные брожения, вассалы на контролируемых ими землях, в общем и целом, подчинялись приказам. Фараон (или его доверенные лица) должен был лишь совершать нерегулярные небольшие набеги для восстановления *status quo* и сбора причитающихся ему налогов.

Однако Аменхотеп IV-Эхнатон с самого начала своего правления показал, что его мало заботили военные кампании, дела за пределами долины Нила, а также международные дипломатические отношения. Хотя Великий гимн Атону и обращен ко всему миру, царя интересовала и заботила исключительно жизнь своей страны. Возможно даже, что фараон приложил все усилия, чтобы уменьшить ее зависимость от международной торговли. К примеру, как показал архео-технолог Пол Николсон, в эль-Амарне проводились эксперименты по созданию собственного производства изделий из стекла. Очевидно, что в определенной степени это было связано с увеличением потребления; однако такое поведение может свидетельствовать и о поставленной царем долгосрочной цели достичь независимости во всех отраслях производства. Также об этом стремлении к самодостаточности может говорить организованное царем выкапывание огромного количества колодцев в Ахетатоне.

Явное, почти патологическое отсутствие интереса фараона к внешнему миру неизбежно сказалось на авторитете Египта за границей. Нашим основным источником является амарнская корреспонденция. Точная хронология писем вассалов является спорной, однако трудно

¹ Амарнское письмо ЕА 296.

отделаться от ощущения, что в них отражено последовательное и неуклонное уменьшение власти фараона над его северными доминионами. Митанни и Хатти вели между собой войну. Подчиненные царьки, которые в прежние времена вели себя дерзко, теперь столкнулись с анархией и молили фараона, чтобы он восстановил порядок. Мольбы поступали со всех сторон, в том числе от соседей Эхнатона, «великих царей». Например, Бурна-Буриаш из Вавилонии испытывал определенное беспокойство, обращая внимание фараона на ограбление нескольких важных караванов на египетской территории (EA 7-8). Также увеличивалось число просьб от подчиненных фараона о военной поддержке для борьбы с растущим беззаконием.

Оппортунисты из числа вассальных правителей, разумеется, воспользовались ситуацией. Среди них в наше время наиболее известны Абди-Аширта и его сын Азиру — правители Амурру в северной Сирии — которые, объединившись с «Апиру» (ругательное наименование, применявшееся к тем, кто отвергал власть Египта), явно стравливали других правителей друг с другом. Риб-Адди, правитель Библа, «подставка для ног фараона»¹ (один из наиболее преданных его вассалов), неоднократно предупреждал Эхнатона об этом двуличии. «Пусть знает царь, мой повелитель, о том, что война Абди-Аширты против меня является жестокой, и он захватил все мои города...»² И позднее, отчаявшись получить помощь от Египта: «Ты собираешься прийти в пустой дом. Все пропало»³. В ответ царь равнодушно заявлял, что Риб-Адди «пишет мне больше, чем все остальные градоначальники»⁴. Современные комментаторы склонны разделять недовольство царя, считая словесные излияния Риб-Адди чем-то вроде истерических криков «Волки, волки!» Но все обстояло иначе. Градоначальник Библа обращался со своими паническими мольбами о военной помощи не только к царю, но и к его представителю Аманапше (Аменопету); и множество писем на одну и ту же тему создает страшное ощущение угасающей надежды, которую Риб-Адди возлагал на помощь Египта. Но все предупреждения игнорировались, Риб-Адди потерял свои владения и встретил неизбежную смерть, пытаясь убежать в лагерь союзников.

Переписка свидетельствует о том, что падение продолжалось. Вот письмо от Шувардаты, градоначальника Килту (?):

«Знай же, о царь, мой господин, что все земли царя, моего господина, были захвачены...»⁵

Но предпринять что-либо было невозможно. Когда серьезность проблем стала, наконец, ясна царю, его войска уже имели другую, более серьезную заботу: они поддерживали в своей стране неуклонно теряющий популярность режим.

¹ Амарнское письмо EA 84.

² Амарнское письмо EA 78.

³ Амарнское письмо EA 102.

⁴ Амарнское письмо EA 124.

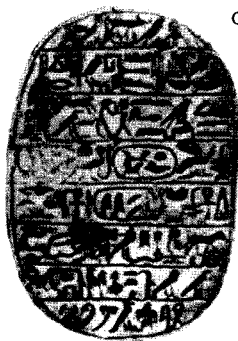
⁵ Амарнское письмо EA 284.

Террор

После смерти Аменхотепа III Атону был придан привилегированный статус главного государственного бога Египта. Но храмы Амона продолжали функционировать, хотя и с меньшим размахом, и поклонение традиционному пантеону все еще являлось допустимым, а может быть, и официально поддерживалось. Возможно, фараон просто ждал подходящего момента: перебравшись в новый безопасный город, он смог спокойно совершить следующий шаг. Вполне возможно, что жрецы Амона продолжали свое противостояние новой реальности, и они должны были заплатить за это сполна.

Для историка вторая половина правления Эхнатона покрыта мраком неизвестности. Разумеется, по сравнению с той детальностью, с которой программа предстоящих действий была отражена на пограничных стелах эль-Амарны, рассказы о ее реализации выглядят крайне обрывочными. Тем не менее, где-то между 8-м и 12-м годами правления, возможно, на 10-м году (после официального заселения в новый город), царь явно начал преследования — особенно в отношении Амона и его божественной супруги Мут. Был издан приказ: разрушить статуи этих богов и сбить их имена и изображения отовсюду — со стен храмов, с обелисков, со святилищ, с доступных частей гробниц. Это сопровождалось направленной атакой на сцены божественного рождения Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, а также — в меньшей, хотя и в ощутимой степени — на аналогичные рельефы Аменхотепа III в Луксоре. Мифологические фантазии подобного рода больше не являлись допустимыми. Но Эхнатон занялся не только фиванскими божествами. Существовал лишь один истинный бог — Атон, и группы иероглифов, обозначающие слово «боги», точно так же уничтожались повсюду, где их находили. Отныне должен был остаться лишь один источник власти, и им был сам Эхнатон.

Эта кампания была не просто формальностью: осуществлялось реальное и планомерное преследование, наводившее ужас на население Египта, поскольку запрещенные иероглифы уничтожались не только в общественных местах. В ходе археологических исследований были обнаружены личные вещи, такие как баночки с косметикой для глаз и памятные скарабеи, с которыми поступили так же безжалостно. Опасаясь, что у них будут обнаружены такие крамольные вещи, сами владельцы сбивали или стачивали с них три запрещенных знака, которыми обозначалось имя бога Амона, даже на миниатюрных картушах, содержащих старое имя царя. Такие проявления па-

Большой скарабей из стеатита, покрытого глазурью, сообщающий об убийстве Аменхотепом III 102 львов между 1 и 10 годами его правления. Найден в ходе раскопок, проводившихся Обществом изучения Египта. Паранойя, вызванная преследованием Амона при Эхнатоне, проявилась в том, что имя царя на этом скарабее сбито — предположительно, его древним владельцем.

Маленькая стела из известняка, созданная в качестве подношения Амону подданным Тутмоса IV. Имя подданного — Нефернефер — написано внизу. Изображение Амона, так же как и его имя, были впоследствии сбиты в ходе гонений на этого бога при Эхнатоне — примерно на 10 году правления.

нической самоцензуры и показной преданности являются зловещими признаками мании преследования, охватившей страну. Мало того, что улицы были переполнены солдатами фараона (главным образом, нубийцами и азиатами); похоже, что у людей также был страх стать жертвами осведомителей.

Слова, сказанные Манефоном о бесчинствах гиксосов, могут на самом деле хранить искаженные воспоминания об этих мрачных временах:

«...они [люди фараона] не только сжигали дотла города и деревни и не удовольствовались разграблением храмов и осквернением статуй богов, но употребляли их для разведения огня и приготовления мяса почитаемых священных животных, причем сперва они заставляли самих жрецов и прорицателей закалывать и приносить их в жертву, а затем, раздевая их самих донага, прогоняли»¹.

Экономика

«В Ахетатоне на этом месте сделаю я все доходы со всей земли собственностью Атона, моего отца». *Отрывок из раннего заявления с эль-Амарнских пограничных стел*

Несмотря на все хваленое богатство Египта, строительство Ахетатона потребовало непомерных финансовых затрат — из средств как самого царя, так и его чиновников. Причем в это же время, из-за безразличия власти и неблагоприятной обстановки за рубежом, поступления в виде местных налогов и иноземной дани начали иссыхать. Однако установление единого официального культа предоставило удобный повод, чтобы наложить руки на сокровища других богов, и в результате напряжение временно спало, позволяя режиму продержаться еще несколько лет.

Только вот храмы — и в особенности храмы Амона — раньше являлись подлинным двигателем египетской экономики, поскольку были причастны к каждому аспекту жизни страны. Теперь же их двери были закрыты, и разрушение экономики усиливалось из-за легкомысленного отношения фараона к этой сфере государственной жизни, в том числе к налогообложению. Катастрофа приближалась.

¹ Цит. по: Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона (пер. Я. Израэльсона и Г. Генкеля). СПб, 1898. — *Прим. пер.*

ЖЕНЩИНЫ ЦАРЯ

Мастерская скульптора

Среди известных нам художников времен правления Эхнатона, включая Бека и Юти, личного скульптора царицы Тейе, никто не может сравниться по популярности с Тутмосом, владельцем студии, раскопанной Немецким восточным обществом в Южном предместье в 1912 году (дом Р47.1-3). Имя художника выяснилось совершенно случайно, когда в близлежащей мусорной яме были обнаружены лошадиные наглазники из слоновой кости с надписями. Значит, Тутмос был состоятельным человеком, причем достаточно богатым, чтобы владеть собственной колесницей (разумеется, подаренной царем) с принадлежностями из дорогих материалов.

Как выяснили археологи, комнаты усадьбы Тутмоса были почти полностью вычищены до того, как комплекс окончательно забросили. Домашняя мебель унесена для использования в другом месте. К радости будущих поколений, совершенно бесполезные слепки, модели и незаконченные работы скульптора остались в запечатанном доме. Возможно, после смерти Эхнатона их сочли ненужными; либо думали, что придется сюда вернуться. О возможном возвращении, пусть и не видя в нем ничего хорошего, подумывали многие жители эль-Амарны, которые аккуратно и тщательно закладывали кирпичами входы своих жилищ, чтобы спасти их на время своего отсутствия от песка и самовольных поселенцев. Именно в таком состоянии их руины были в итоге откопаны более чем тридцать веков спустя.

Наиболее известным произведением искусства, обнаруженным в студии Тутмоса, был расписанный бюст Нефертити, хранящийся сейчас в Берлине. Но там имелись и другие портретные работы сравнимого уровня, в том числе из различных твердых и мягких пород камня, а также из гипса, изображения Аменхотепа III, Тейе, Эхнатона и его главной супруги. Однако некоторые из найденных портретов изображают менее известных людей, и среди этой безымянной толпы одно лицо выделяется благодаря своему неотразимому обаянию. Данное лицо принадлежит молодой женщине и отличается вызывающей ухмылкой и большими изящными серьгами. На основании рельефов, где изображены такие же украшения, мы можем утверждать, что этой женщиной была Кийя, малоизвестная второстепенная жена Эхнатона — источник множества проблем и вдохновительница для создания как минимум одного литературного произведения, возникшего при следующей династии.

Горячо любимая: Кийя

«Единственная уцелевшая копия «[Сказки] о Двух Братьях» была записана писцом Иннаной где-то во времена правления Сети II. Рассказ составлен как минимум из двух историй, изначально существовавших по отдельности, и в каждой описывается интрига, связанная с неверной женой. Первая часть проста и незамысловата: в ней описана неудачная попытка жены Анупу соблазнить молодого Бата, брата ее мужа. Вторая часть, в которой говорится об изгнании Бата, завязана на мифологии и магии. Женщине, появляющейся во второй части в качестве жены Бата, в итоге предстоит стать царицей Египта под именем Та-Шепсет.

Царь Египта впервые узнал о ней по пряди волос, которая, как ему сказали, принадлежала дочери [бога] Ра-Хорахте. Он послал людей, чтобы искать ее во всех иноземных странах, но в особенности в Долине Кедр, которая предположительно находилась где-то в Сирии или Малой Азии. Когда ее привели к царю, он полюбил ее до безумия и сделал ее *шепсет аат* [«великой почтенной (знатной) женщиной»]. Хотя эта девушка и являлась творением Ра-Хорахте и Хнума, она была иноземного происхождения — прядь ее волос названа «данью из другой страны» — и до сего момента в рассказе она оставалась безымянной. А с этого момента ее стали называть *та шепсет* [«почтенной женщиной»] — это, по существу, стало ее именем, и полностью звучало как *хемет несу та шепсет* [«жена царя почтенная»]¹.

Датский египтолог Лайза Манних (которая и написала этот обзор), великолепно определила более чем 25 лет назад, что создатель этой незаурядной «Сказки о Двух Братьях»

«должен был иметь особую причину, чтобы называть вторую женщину (*та*) *шепсет*, поскольку это слово более не использовалось как титул. Выбор данного термина может быть объяснен тем, что эта часть истории отражает недавние события, в которых участвовала женщина, имевшая титул, или просто известная как (*та*) *шепсет*. В Новом царстве такой титул действительно настолько редко встречался, что жену Бата можно идентифицировать лишь с одной

¹ Manniche L. Göttinger Miszellen 18 (1975), pp. 33-34.

Одна из трех практически одинаковых гипсовых моделей из мастерской скульптора Тутмоса в эль-Амарне: молодая и милая девушка из царского окружения. Если судить по серьгам, то перед нами Кийя — «горячо любимая жена», загадочная «другая женщина» Эхнатона. Похоже, именно серьги являлись ее отличительной чертой на рельефных изображениях.

Среди множества частей храмовых рельефов, найденных в 1939 году в эль-Ашмунейне (Гермополе), был и этот фрагмент: две совмещенных головы, из которых левая, очевидно, принадлежит Эхнатону, а правая, судя по характерному парикку, его жене Кийя.

женщиной из не такого уж давнего прошлого — это Кийя, «другая» жена Эхнатона»^{1,2}.

Полный официальный титул царицы Кийи звучал как «Великая любовью супруга царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего в Истине, Владыки Обеих Земель, Неферхеперуры-Уаэны, благого дитя Атона живого, которая живет в вечности и бесконечности, Кийя». Это стандартная формула, известная благодаря существованию ряда гипсовых моделей, использовавшихся (также как и гипсовые маски) в качестве образцов для скульпторов фараона. Среди египтологов она впервые получила известность в 1959 году в связи со скромной публикацией об обнаружении маленькой косметической баночки с ее именем, хранящейся теперь в нью-йоркском музее искусств Метрополитен. С тех пор Кийя сделалась постоянной темой для разговоров у исследователей Амарны, и за прошедшие десятилетия было обнаружено много дополнительных свидетельств ее существования. Особую значимость имело установление того факта, что многие из свидетельств, ранее казавшихся доказательствами ухудшения положения Нефертити — стертые надписи и изображения на блоках Северного дворца, Мару-Атона и Гермополя — на самом деле связаны со взлетом и последующим падением не главной жены Эхнатона, а этой «другой женщины».

Что же мы знаем о ней? Портреты из студии Тутмоса создают яркое впечатление об этой девушке: милая, открытая, полный контраст с холодной и надменной красотой Нефертити. Основное значение ее имени — «Мартышка» — говорит само за себя. Однако если характер жены Бата имеет хоть что-то общее с характером Кийи, то под этой ма-

¹ Там же.

² Титул «та шепсет» действительно упоминается в Новом царстве довольно редко, однако было бы явным преувеличением говорить, что он встречается только на памятниках, связанных с царицей Кийей. Этот титул при XVIII династии часто соотносился с фигурами женщин иноземного происхождения, например «знатные женщины, прибывшие из чужеземных стран к египетскому двору, часто именовались в египетских текстах как «шепсут», — отмечает д-р Нодзому Каваи, недавно обнаруживший на периферии Саккары гробницу Исетнефрет II, дочери царского сына Хазмуаса и внучки Рамсеса II, которую тексты на саркофаге, несмотря на ее египетское происхождение, также именуют «та шепсет». Окончательное значение этого титула все еще является поводом для оживленной научной дискуссии. См. Ещё одна Исетнефрет. Н. Каваи, С. Ёсимура — о раскопках Университета Васеда в Саккаре: <http://maat.org.ru/interviews/0030/index.shtml>. — Прим. ред.

ской скрывались и жестокость, и эгоизм¹. Возможно, в будущем выяснится, что она была «злым гением», вдохновлявшим многие бесчинства Эхнатона — этакая Цзян Цин (Мадам Мао) египетской «культурной революции».

Лайза Манних с самого начала предполагала, что Кийя могла быть царевной из Митанни — возможно, той самой Тадухеппой, дочерью митаннийского царя Тушратты, о свадебных приготовлениях и огромном приданом которой содержится так много информации в амарнских письмах. Некоторые из пометок на винных сосудах, обнаруженных при раскопках эль-Амарны — важных свидетельств для реконструкции событий того времени — упоминают эту *та шепсет*, или «благородную женщину». Однако наибольший интерес представляют обнаруженные Манних глиняные «погребальные конусы» — элементы инкрустации над дверями молелен в фиванских гробницах. На них указано, что они изготовлены для человека по имени Бенгей, управляющего «*та шепсет* из Нахарины [Митанни]». *Та шепсет* этого Бенгея не могла быть Кийей, как недавно доказал голландский ученый Якобус ван Дийк: он считает, что данные конусы были созданы до появления Кийи на свет. Но, тем не менее, возможно, что во времена XVIII династии термин *та шепсет* имел общее, пусть и ограниченное, официальное применение для обозначения определенных видов иноземных царевен, и происхождение Кийи из Митанни вполне возможно.

Присутствие Кийи в эль-Амарне, где она владела поместьем, обозначилось до изменений в имени Атона перед самым началом террора и прослеживается вплоть до 12 года, когда она пропадает из поля зрения — возможно, умирает при родах. Ясно, что воспоминания об этой женщине в дальнейшем оказались под запретом: найденные ее изображения и надписи стерты, иногда со следами надругательств (выколотые глаза), либо заменены на изображения и надписи старшей дочери царя, Меритатон (и в меньшей степени — третьей его дочери Анхесенпаатон). Роскошный гроб Кийи и ее каноны были обнаружены в 1907 году Теодором М. Дэвисом в гробнице 55 Долины царей: их переделали и заново использовали для перезахоронения ее мужа; этот факт был впервые установлен русским египтологом Юрием Перепелкиным в 1967 году². О местонахождении ее мумии в наши дни ничего не известно, но можно предположить, что первоначально ее захоронили в царской гробнице в эль-Амарне.

Интерес Эхнатона к Кийе был серьезной угрозой для Нефертити. И нельзя считать случайностью, что именно после кончины Кийи в жизни великой царской жены начался небывалый взлет.

¹ Это утверждение никак не подтверждается египетскими источниками и является, по сути, фантазией автора. — *Прим. ред.*

² Перепелкин Ю.Я. Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.

Инцест

Точно установлено, что Эхнатон испытывал сильное половое влечение и стал отцом некоторого количества детей. Как мы увидели, старая теория о том, что его странная внешность была результатом эндокринного расстройства, «синдрома Фрёлиха», делавшего его неспособным к отцовству, в настоящее время отвергнута как необоснованная. Главная жена фараона, Нефертити, была одной из самых красивых женщин своего поколения; хотя и Кийя, даже если она относилась к более низкому сословию, также обладала определенным обаянием. Возможно, что фараон одерживал и иные победы на любовном фронте — он всегда мог обратиться к владеющим различными сексуальными искусстваами обитательницам постоянно растущего царского гарема.

Нефертити родила Эхнатону шестерых детей, все девочки. И, похоже, все они были живы и здоровы к 10 году его правления. Первые три — Меритатон, Макетатон и Анхесенпаатон — упоминаются в «официальных» текстах и храмовых рельефах, созданных в самом начале строительства эль-Амарны; тогда как изображения трех младших царевен — Нефернеферуатон-ташерит, Нефернеферура и Сетепенра — обнаружены лишь в тех амарнских гробницах высших сановников, которые были вырублены во второй половине правления. Похоже, что после 10 года способность Нефертити к деторождению завершилась.

Но в дальнейшем у фараона появлялись дети от других женщин — возможно, как в случае с Генрихом VIII, это было вызвано жадой иметь наследника. Эта жажда была удовлетворена госпожой Кийей, которая, вероятно, и дала жизнь Тутанхамону — единственному сыну царя¹ — а также, возможно, произвела на свет еще одну дочь, хотя ее имя нам не известно. Двумя другими «царскими дочками», матери которых не установлены, были Меритатон-Ташерит и Анхесенпаатон-Ташерит, ранее считавшиеся отпрысками Кийи. Поскольку второй элемент у обоих имен совпадает, и переводится как «малышка», вновь обретает актуальность более старая теория, согласно которой девочки «-Ташерит» были дочерьми первой и третьей

¹ Как уже указывалось, матерью Тутанхамона, судя по анализу ДНК царских мумий, проведенному в 2010 году, была вовсе не Кийя, а родная сестра Эхнатона, возможно, Сатамон. Также, вероятно, Тутанхамон был не единственным сыном Эхнатона, в случае, если его старшим братом был Сменхкара. — *Прим. ред.*

Прекрасное скульптурное изображение головы, часть составной статуи одной из дочерей Эхнатона. Материал — кварцит. Кто именно тут изображен, можно определить по деформированному черепу. Предполагается, что это намеренное преувеличение настоящих наследственных черт, присутствующих также у мумии из гробницы 55 и у Тутанхамона. Пустые глазницы и прорезы на месте бровей должны были быть заполнены инкрустациями.

дочерей Эхнатона, Меритатон и Анхесенпаатон. Однако последствия такого вывода серьезны, поскольку отцом этих детей мог быть только сам Эхнатон. Нездоровое половое влечение к собственным детям могло стать причиной как минимум одной трагедии: в оформлении погребальной камеры второй дочери имеется сцена, на которой кормилица держит новорожденного ребенка благородного происхождения (о чем свидетельствует присутствие двух держателей опахал), поэтому можно заключить, что Макетатон, как и Кийя, умерла во время родов — и рождала она, предположительно, еще одного ребенка для своего отца.

Возможный прецедент таких отношений отца и дочери уже упоминался — о нем может свидетельствовать исполнение царевной Сатамон ритуальной роли великой супруги царской при ее отце, Аменхотепе III. Подобные отношения очень далеки от египетских представлений о нормальности. Хотя браки между братьями и сестрами иногда практиковались в царской семье¹ (особенно в периоды династической нестабильности), отношения отца с дочерью возникали крайне редко. Поскольку для такой практики не существовало прецедента в отношениях между богами, все египетское общество должно было быть сильно обеспокоено этим. Однако Эхнатон, как и его отец, к концу своего правления сам стал богом. И с какой стати он стал бы получать санкцию от богов, само существование которых он отрицал? Для таких половых сношений — вызванных, можно полагать, желанием удержать абсолютную власть в узком семейном кругу — он, вне всяких сомнений, мог придумать собственное теологическое обоснование.

Фараон становится богом

«В рельефах, найденных на местности Эль-Амарна, присутствует некоторая абсурдность... Собственный образ Эхнатона всегда в самом центре картины, и то, как по обеим сторонам от него расположены его картуши и картуши Атона, показывает, что он никоим образом не намеревался отказываться от претензий на божественность, подобную божественности своего отца; и в самом деле — может возникнуть ощущение, что они достигли полной идентичности...»
Алан Гардинер²

Как *alterego* и «соправитель» Атона на земле, Эхнатон не обладал явно выраженной божественностью с самого начала своего самостоятельного правления. И есть основания полагать, что этот статус был, воз-

¹ Это не так. В повседневной египетской практике эпохи Нового царства, по сохранившейся статистике, на 161 брак приходилось около 38 свадеб между братом и сестрой. Впрочем, таковым был и освященный легендой брак Осириса и Исиды. См. Солкин В.В. Священная эротика Древнего Египта // Восточная коллекция 2 (2008). — Прим. *peg*.

² Gardiner A.H. *Egypt of the Pharaohs*. Oxford, 1961, p. 228.

можно, формализован перед окончанием его правления (так же, как в случае с его отцом). Точные обстоятельства этого предполагаемого **возвышения** остаются неясными; как и в случае с Аменхотепом III, записи сохранили лишь отдельные намеки.

Один из основных ключей может содержаться на знаменитых сценах «приема иноземной дани» в гробницах Мерира II и Хуи в эль-Амарне. В первом случае событие датировано 12-м годом Эхнатона; а во втором, заметьте, оно датировано 12-м годом *Атона* — и это может означать, что царь и его бог теперь считались единым целым. Более того, через непродолжительное время после этой даты возникает новый **соправитель**, Анххеперура Нефернеферуатон, о котором мы поговорим дальше. Какая у этих двух событий может иметься связь? Сопровождалось ли принятие соправителя на земле обретением предполагаемой новой роли на небе? Похоже, что вероятность этого очень велика.

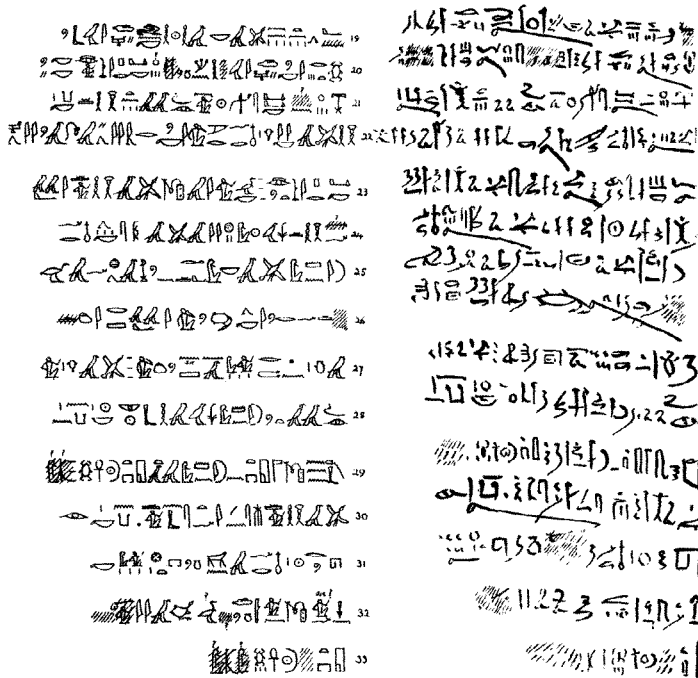
Механизм работы системы **соправления**, как мы уже говорили ранее, абсолютно неясен. Сравнивая период совместного правления Аменхотепа III и Аменхотепа IV с периодом революционных изменений, начавшихся после смерти первого, мы знаем, что власть младшего царя была очень ограниченной. Повторилось ли это в случае с Нефернеферуатон? Вопрос спорный; однако, прежде чем строить предположения, давайте внимательнее рассмотрим свидетельства того периода.

Граффити Пауаха

Эхнатон был явно не склонен прислушиваться к доводам разума: пребывая над миром простых людей, он ждал от своих подданных полного и безоговорочного подчинения. Рельефы в храмах и гробницах показывают, что распростертые ниц народные массы боготворили его и его семью, однако это боготворение было далеко не добровольным: если присмотреться, то понимаешь, что людей контролировало множество воинов с дубинками; а преданность войск покупалась почестями, раздаваемыми из «Окна явлений» их начальникам и тем, кому поручалось исполнение царской воли. Почти нет сомнения, что для простого народа действия Эхнатона как царя со временем принесли огромные несчастья: люди были смущены его религиозными воззрениями, напуганы той жестокостью, с которой новшества вводились, а также ужасались его личным поведением. После того, как празднование традиционных религиозных праздников, задававшее ритм году, было отменено, а страна доведена до полного банкротства из-за непомерных амбиций и некомпетентности царя в делах правления, повсеместно началось крушение иллюзий.

Следующий текст говорит о состоянии уныния, воцарившемся в стране к концу этого правления:

«Год 3, третий месяц разлива, день 10. Царь Верхнего и Нижнего Египта, Владыка Обеих Земель, Анххеперура — возлю-

Точное воспроизведение (справа) и иероглифический перевод (слева) глинного иератического граффити, оставленного во времена правления Анххепура Нефернеферуатон — сопровителя Эхнатона — в гробнице Пере (ТТ139) в Фивах. Дата «Год 3» предположительно означает, что для сопровителя применялась собственная система датирования правления, в которой отсчет лет начался приблизительно в 14 году Эхнатона.

бленный Атоном (?), сын Ра Нефернеферуатон — возлюбленный Уазнра (?).

Воздавание хвалы Амону, целование земли перед Уннефером жрецом-уабом и писцом божественных подношений Амона в храме Анххепура в Фивах, Пауахом, рожденным Итефсенеб. Говорит он:

Мое желание — увидеть тебя, о, господин персей!¹ Пусть горло твоё вдохнет северный ветер, чтобы мог ты дать сытость без еды и опьянение без питья.

Мое желание — смотреть на тебя, чтобы мое сердце могло возликовать, о Амон, защитник бедняка: ты отец для того, у кого нет матери, и муж — для вдовы.

Приятно возглашение имени твоего: подобно это вкусу жизни; подобно это вкусу хлеба для ребенка; подобно одежде для голого; подобно вкусу [огурца?] во время засухи.

Ты подобен [...] с тем, кто несет [...] когда отец его был [...].

Подобен ты вкусу почестей от правителя, ветру [свободы] для того, кто в тюрьме, миру [для обеспокоенного, который] призывает обладающего добрым сердцем, когда он вернулся.

Вернись к нам, о, властитель бесконечности! Ты был здесь до того, как что-либо пришло в существование, и ты будешь здесь, когда все исчезнет. Как позволил ты мне узреть тьму, данную тобой, так даруй мне свет, чтобы я смог узреть тебя.

¹ Персея — разновидность инжира, священное дерево в культе Ра в Гелиополе. — *Прим. ред.*

Как упрочен Ка твой, как нерушимо прекрасное, возлюбленное лицо твое, так придешь ты издалека и направишь этого слугу, писца Пауаха, [чтобы] он узрел тебя! Даруй ему сстояние [того], кого Ра ожидает, ибо, воистину, прекрасно это — следовать за тобой.

О Амон, о владыка великий, которого находит ищущий, да отведешь ты страх прочь! Установи ликование в сердцах людских. Радостен тот, кто узрел тебя, о Амон, в празднестве он пребывает в день каждый...»¹

Этот душераздирающий призыв к Амону вернуться к его покинутой пастве был впервые обнаружен в 1893 году. Он сохранился над внутренним дверным проемом заброшенной гробницы среди Фиванских холмов (TT139). Как гласит текст, молитву возносил Пауах — жрец-уаб («чистый») и писец, прикрепленный к храму Амона в храме Анххеперура (соправителя Эхнатона) в Фивах. Текст был написан в третий год соправителя, незадолго до смерти старшего царя, и является первым лучом света, осветившим события, происходившие в Фивах в течение десяти и более лет.

Граффити Пауаха дает нам некоторое представление о том, как было деморализовано жречество Амона. Однако оно вновь действует официально и, что еще более удивительно, внутри заупокойного храма соправителя царя-еретика. Очевидно, что амарнская революция вступила в новую фазу: возможно, потому, что земная власть была теперь сосредоточена в руках не самого Эхнатона, а того самого загадочного соправителя, Анххеперуры Нефернеферуатона, который занял, несомненно, более мягкую позицию. Остается лишь понять, кто этим соправителем на самом деле был.

«Бесполоый» фараон

Одним из наиболее любопытных результатов работы «Проекта храма Эхнатона» в Карнаке стало установление того факта, что статус Нефертити, великой супруги царской, повышался с самого начала правления Эхнатона, превысив даже уровень, достигнутый Тейе, главной женой Аменхотепа III. В оформлении храма *Хутбенбен* Нефертити не просто показана молящейся в одиночестве, но и количество ее изображений на *талатахах* примерно в два раза больше, чем изображений самого фараона. Еще более экстраординарными являются виды сцен, в которых царица принимает участие: например, она крушит головы врагам, хотя раньше так изображались только фараоны. С самого начала Нефертити была не просто великой супругой царской, но и ключевой фигурой в жизни, и особенно в религии нового режима. Далее этот статус лишь повышался.

Первое явное свидетельство взлета царицы, которое мы имеем, кажется довольно безобидным — это принятие (примерно в то же время,

¹ Перевод В.В. Солкина. — Прим. ред.

когда ее муж из «Аменхотепа» сделался «Эхнатом») усложненной формы имени: Нефернеферуатон-Нефертити. Это изменение имени имело принципиальную важность и произошло после смерти Аменхотепа III и его окончательного перехода в разряд богов. Как мы уже говорили, в новой теологической схеме Эхнатона старые божественные «семьи» из Фив (Амон-Мут-Хонсу), Мемфиса (Птах-Сехмет-Нефертум) и других городов были заменены новой «земной» триадой, включавшей Атона, царя и царицу; и эта триада была прямо приравнена к древней гелиопольской, состоящей из бога-творца Атума, произошедшего от его семени Шу и его сестры-близнеца Тефнут. Малоизвестные изображения Эхнатона и Нефертити в их ролях богов-творцов содержатся на прекрасной сфере из яркого синего фаянса, хранящейся в Копенгагене¹, — вероятно, она являлась частью рукоятки хлыста, и, конечно же, была подарена царем какому-то ныне забытому чиновнику.

Но гораздо более сильное впечатление о новой реальности создается при виде громадных статуй, обнаруженных Анри Шверие в Карнаке в 1920-х годах. Это одни из самых потрясающих скульптур, когда-либо созданных в Египте. Они также ввели многих в заблуждение: когда их впервые откопали, возникло предположение, что все они безо всяких исключений являются изображениями самого

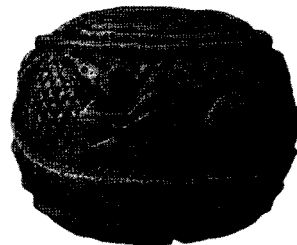
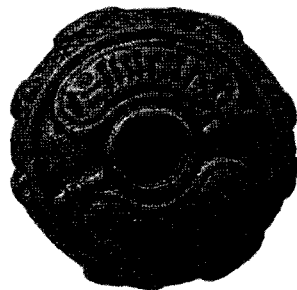
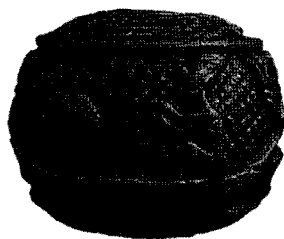
царя. Это было логичным предварительным объяснением: значимость Нефертити в то время еще не осознали. от статуй остались лишь фрагменты. и ни одна из них не имела существенных признаков женственности. К со-

¹ Копенгаген, Новая Карлсбергская глипотека, AEIN 1791. См. Jørgensen M. Ny Carlsberg Glyptotek. Egypt. Catalogue. Vol. II. Copenhagen, 1998, pp. 328-329; Freed R. (ed.) Pharaohs of the Sun. Akhenaten. Nefertiti, Tutankhamun. Boston, 1999, cat. 97. — Прим. ред.

Так называемый «бесполой колосс» — одна из множества статуй, выкопанных в Карнаке Анри Шверие в 1925 году и позднее. Раньше считалось, что все статуи этой серии изображают самого Эхнатона, а отсутствие у данного колосса гениталий свидетельствует о страшной реальности. В наши дни такое представление отвергнуто, и наиболее вероятно, что данная статуя является изображением царицы Нефертити. Известно, что эти статуи были изготовлены из колоссов Аменхотепа III, стоявших в Луксорском храме.

Набалдашник из превосходного синего фаянса, предназначенный для ручки плети. Этот изящный предмет, надписанный именами Эхнатона и Нефертити, украшен изображениями царской четы в роли Шу и Тefнута — самозачавшихся детей-близнецов бога-творца Атума, сидящих в лодке и славящих солнечный диск, поднимая к нему руки.

жалению, после этой предварительной идентификации, более серьезных изысканий не предпринималось более чем полстолетия — и это имело далеко идущие последствия для изучения амарнского периода. Поскольку одна из статуй явно не имела никаких мужских признаков, физическая полноценность Аменхотепа IV-Эхнатона постепенно начала ставиться под сомнение. Говорили, что он, возможно, был евнухом — этот старый, придуманный в XIX веке диагноз стали использовать для объяснения отсутствия гениталий и иных странностей в изображениях царя. Или же он страдал от какого-то ужасного заболевания, полностью уничтожившего его половые органы. Возникло общее мнение, что он не мог иметь детей. Все бы ничего, однако факт в том, что у царя были дети. А также имелся интерес к женщинам — пусть в чем-то и специфический, но сопоставимый с интересом его отца.

Тогда как объяснить отсутствие гениталий у царя? Для тех, кто не был склонен воспринимать изображения царя буквально, статуя являлась не более чем фантазией художника, изображением фараона в образе Шу — то есть не только как отца, но и как матери человечества. На самом деле, как установил Джон Р. Харрис несколько лет назад, ответ намного проще: скульптура изображает не самого царя, а его жену, и контуры тела довольно сильно отличаются от ее супруга. В наше время большинство ученых признает, что так называемый «бесполой колосс» на самом деле является изображением Нефертити в образе Тefнута; и это лишь одна из ряда аналогичных статуй, возвышавшихся в Карнаке наряду с изображениями фараона в образе Шу. Одним словом, сомнения в сексуальных способностях царя — это плод чрезмерного воображения ученых.

Миф о царе-гомосексуалисте

Разумеется, такое представление сохранялось в течение многих лет. Если уж однажды у египтологов возникли сомнения насчет сексуальных наклонностей Эхнатона, то и в дальнейшем подобные вопросы продолжали возникать. Если, как некоторые предполагали, царь являлся евнухом, то у него должны были иметься и другие странности.

Казалось, что предположение о гомосексуализме царя подтвердилось, когда в 1928 году британский египтолог Перси Е. Ньюберри опу-

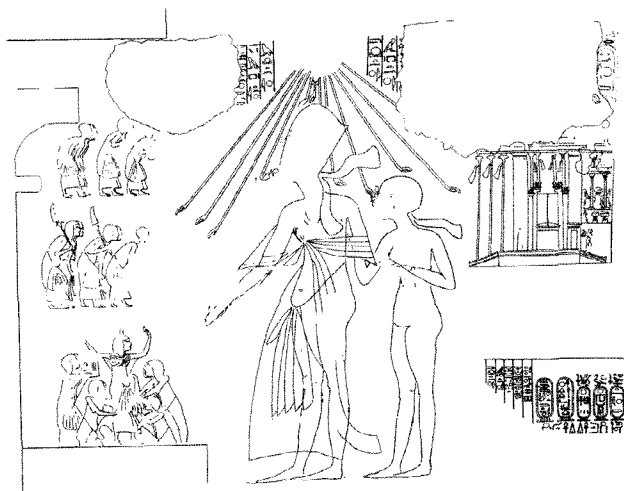
Маленькая известняковая стела, принесенная по обету Пасе — солдатом, служившим на лодке или в полку под названием Хазмаат («Являющийся в Истине»). На этой стеле **два** царя проявляют нежность друг к другу. Раньше в этом видели доказательство того, что Эхнатон был «не таким, как все мужчины». Но картуши, хотя и никогда не заполненные, говорят о другом. Верхние две пары предназначались для обозначения не царей, а солнечного диска. Царям отводились три картуша над столом для жертвоприношений. И пусть на головах обоих из них царские короны — все равно три овала говорят о том, что перед нами царь и его жена, Эхнатон и Нефертити.

бликовал изображение маленькой частной стелы, которая сейчас хранится в Берлинском музее. На этой стеле, изготовленной для военного офицера по имени Пасе, мы находим изображение двух царей (что определяется по их коронам), сидящих рядом друг с другом, и первый из них как бы обнимает другого своей

рукой, а второй поворачивается к нему и нежно щекочет его подбородок. Рельеф, правда, не закончен: прорисованы несколько наборов картушей, но все они остались пустыми. По мнению Ньюберри, здесь мы, несомненно, имеем дело с изображением Эхнатона и его соправителя/преемника (которого называют «Сменхкара») в то самое время, когда Эхнатон еще был жив. Поскольку ни у кого не вызывало сомнений, что Сменхкара являлся мужчиной, — ведь был же он изображен на рельефе в гробнице Мерира II в эль-Амарне вместе со своей главной женой Меритатон — нежность, проявляемая друг к другу людьми, изображенными на стеле Пасе, вызвала явное смятение египтологов. Вывод, который напрашивался, для Британии 1920-х годов казался неприятным. Но пришлось этот вывод сделать: Эхнатон был гомосексуалистом. В результате тщательного изучения разрозненных свидетельств той эпохи, подтверждавших «нездоровые» отношения между Эхнатоном и его соправителем, было найдено несколько других изображений интимных прикосновений.

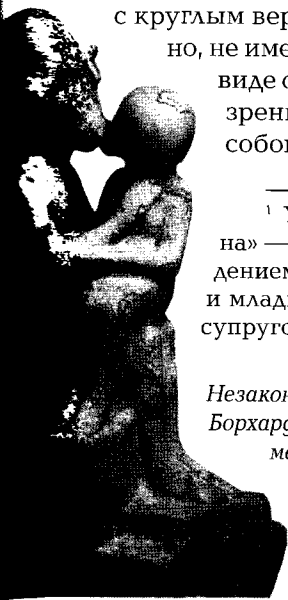
В течение 50 лет это считалось установленным фактом и породило много путаницы и дополнительных фантазий. Только в 1973 году, после выхода статьи Джона Р. Харриса в датском журнале *Acta Orientalia*, неверность предположения Ньюберри стала окончательно ясна. Подсчитав количество пустых картушей на стеле Пасе, Харрис понял, в чем проблема: их было всего семь. Две пары овалов рядом с солнечным диском явно должны были содержать имя Атона. В результате остается группа

Фараон Анххеперура Сменхкара и «великая супруга царская» Меритатон под лучами солнечного диска: единственное изображение этой царской четы с подписанными именами. Чернильный набросок сцены на стене гробницы Мерира II (№ 2). Фрагмент ящика, найденный Картером за пределами гробницы Тутанхамона, свидетельствует о том, что ранее Меритатон выполняла функции «великой супруги царской» и у соправителя Эхнатона — Анххеперура Нефернеферуатон.

из трех пустых картушей, которые, судя по их расположению, должны были относиться к главному и младшему царям. Однако для двух царей должны были быть *две* группы по *два* картуша, а три могли обозначать исключительно царя и царицу — невзирая на царские короны. И этот вывод подтверждается соблюдением определенных условностей в композиции: выпуклый, мужской изгиб шеи у левой фигуры, и вогнутый, женский изгиб у фигуры справа. Таким образом, на стеле Пасе были изображены не Эхнатон и его партнер Сменхкара, а Эхнатон и его жена.

Но кто такая эта женщина-соправительница? Другой берлинский экспонат, значимость которого оставалась незамеченной почти целый век, подтверждает, не оставляя никакой возможности для сомнений, что этой женщиной была Нефертити. Маленькая известняковая стела с круглым верхом, берлинский экспонат 25574, выглядит скромно, не имеет надписей и не закончена. И даже в законченном виде она производила бы слабое впечатление. Но с точки зрения истории она бесценна, поскольку представляет собой недостающее звено в амарнских исследованиях.

¹ Уже отмечалось, что так называемая «высокая синяя корона» — это парик, который вовсе не был уникальным нововведением Нефертити. Его носили и Теие, супруга Аменхотепа III, и младшая сестра Нефертити, Мутноджемет, когда она стала супругой фараона Хoremхеба. — *Прим. ред.*

Незаконченная статуэтка, одна из найденных Людвигом Борхардтом в ходе раскопок в 1912 году: царь целует вторую, меньшую фигуру, сидящую у него на коленях. Нет однозначного ответа, кто это — Кийя или Нефертити. Старая версия о том, что Эхнатон мог находиться в гомосексуальных отношениях с мифическим соправителем-мужчиной, в наши дни считается полностью неверной.

Возросший статус Нефертити подтверждается изображением и картушами на этой стеле из Берлина. Две фигуры — это Эхнатон и, судя по короне, Нефертити. Однако число картушей было позднее увеличено с трех до четырех, чтобы показать, что царица стала соправителем.

На этой стеле изображены две фигуры, стоящие возле стола подношений, и солнечный диск в небе над ними. Три картуша, оставленные пустыми, явно предназначались для имен двух людей. Первым, в мешкообразном парике, предположительно, являлся сам Эхнатон. А второй фигурой в уникальной короне¹ с плоским верхом могла быть только Нефертити.

Довольно обычная сцена, до тех пор, пока не приоткрышь внимательнее. Рядом с тремя пустыми картушами втиснут четвертый, и это было явно сделано позднее, поскольку он вырезан по-другому и под странным углом. Дополнительный картуш показывает, что статус этих людей изменился в процессе изготовления стелы. Три картуша, как мы уже говорили, обозначают царя и царицу; а четыре картуша обозначают фараона и его соправителя. Ясно, что Нефертити стала царем.

Теперь мы начинаем понимать, что все это означает.

«Опала» Нефертити

Традиционный взгляд на судьбу Нефертити был резюмирован Е.Ф. Кэмпбеллом в 1964 году:

«...раскопки в Амарне окончательно установили, что Нефертити утратила ту ключевую роль, которую она играла наряду со своим мужем после двенадцатого года его правления. Двенадцатый год был последним, к которому можно отнести изображения царской семьи как единого целого. Эта дата указана на сцене приема иноземной дани, найденной в гробнице Хуи. Изображение того же события, представленного иным образом, и с надписями, уничтоженными до такой степени, что невозможно установить дату... имеется в гробнице Мерира II. Предположительно, через какое-то время после двенадцатого года произошло событие, которое привело к уничтожению имени Нефертити на множестве рельефов и памятников в Мару-Атона — в границах Ахетатона, южнее главного комплекса. Поверх имени Нефертити писалось имя Меритатон; в некоторых случаях эти надписи включают особые упоминания о том, что Меритатон была дочерью царя, но ни при каких обстоятельствах она не называется его женой... Однако не похоже, чтобы исчезновение Нефертити означало ее смерть; скорее, это была ее высылка в поместье, располо-

женное севернее главного комплекса. Имеются свидетельства, что она продолжала жить там в той или иной степени изоляции, хотя сколько она прожила, нам не известно»¹.

Теперь стало ясно, что предполагаемая «опала» Нефертити является еще одним из величайших заблуждений в историографии амарнского периода. Подробное изучение надписей из Северного дворца, комплекса Мару-Атон, и особенно из Гермополя, позволило понять, что царицей, подвергшейся опале, была не великая царская жена, а Кийя, «другая» женщина Эхнатона. После исчезновения конкуренции с ее стороны, влияние Нефертити при дворе начало расти. В том, что главная царица выжила, теперь нет никаких сомнений, хотя некоторые из ученых пытаются придать новую жизнь старой версии, основанной на существовании двух фрагментов погребальных статуэток, созданных для Нефертити как царицы. Эти два фрагмента (которые, как оказалось, являлись частями двух разных статуэток)² представляют интерес, однако они не являются настоящими ушебти, т.е. статуэтками-помощниками, создаваемыми после смерти. Как и аналогичные изображения царицы Тейе, обнаруженные в гробнице ее мужа, Аменхотепа III, они являлись вотивными³ жертвоприношениями, приготовленными при жизни донатора. Нефертити была очень даже жива, когда ее алебастровые статуэтки создавались в первой половине правления мужа, и титулы царицы, содержащиеся на этих вещах, не имеют ничего общего с тем, как ее стали называть в конце жизни.

В наши дни все большее число египтологов признает, что «исчезновение» великой супруги царской Нефертити явилось результатом не смерти, а изменения имени, которое, в свою очередь, было результатом повышения статуса — от царицы до соправителя. В этом новом статусе Нефертити обрела новые, заключаемые в царские картуши, имена, в том числе тронное и личное имя, к которым добавлялся также эпитет, данный ей в ранние годы правления: Анххеперура *Нефернеферуатон*. То, что новым «царем» могла быть царица Нефертити, впервые предположил в 1912 году Генри Готье; однако эту идею быстро забыли. Для обозначения преемника Эхнатона стали использовать более позднюю форму его имени — Сменхкара — и все стали считать, что «он» был молодым мужчиной. Джон Р. Харрис перепроверил доказательства в 1973

¹ Campbell E.F. The Chronology of the Amarna Letters. Baltimore, 1964, p. 57.

² Две части т.н. «ушебти Нефертити» (памятник Бруклинского музея 35.51 и памятник собрания Лувра AF 9904) являются частями одной и той же статуэтки. Реконструкция памятника была выполнена К. Лёбенем. Речь идет именно об ушебти царицы, а не о «жертвоприношении по обету»; возвышение царицы засвидетельствовано тем, что на этой статуэтке она изображена со скипетрами *хекет* и *нехеху*, — привилегией, доступной исключительно царю-мужчине. Титулы в надписи, тем не менее, именуют ее «великой супругой царской», а не царем. См. Loeben Ch. Une Inhumation de la Grande Épouse Royale Néfertiti à Amarna? La figurine funéraire de Néfertiti // Égypte. Afrique et Orient 13 (1999), pp. 25–30.

³ Принесенными или исполненными по обету. — *Прим. ред.*

году. И зная о неоспоримых признаках того, что Нефертити обладала царской властью уже в то время, когда она являлась великой супругой царской (в том числе о царских коронах, изображенных на стеле Пасе и в других местах), он самостоятельно пришел к тому же необычайному выводу, что и Готье. Копаая глубже, Харрис смог устранить то ошибочное представление, которое привело Готье к отказу от его утверждения: он установил, что «первым и изначальным именем соправителя Эхнатона было Нефернеферуатон, а... принятие альтернативного варианта Сменхкара явилось последующим изменением»¹.

Харрис обобщил свои выводы в небольшой статье, озаглавленной «Нефернеферуатон», которая вышла в 1973 году в немецком журнале *Göttinger Miszellen*. Эти две с половиной странички навсегда изменили направление амарнских исследований и породили поколение последователей:

«На 13-м году правления Эхнатона (или примерно в то время) царица Нефернеферуатон-Нефертити, обретя царскую корону, но не все царские титулы, внезапно исчезает из поля зрения. Примерно в то же время возникает соправитель — совершенно неизвестная личность, носящая имя Нефернеферуатон, хотя и с другим эпитетом, а также получивший тронное имя Анххепура. В период соправления роль [*hemet nesu weret* «великой супруги царской»] возлагается на Меритатон, и в этой роли она продолжает упоминаться совместно с одной Нефернеферуатон, а также когда последняя в дальнейшем приняла имя Сменхкара — возможно, в качестве единоличного правителя... Две царственных особы под одним именем, не имеющие различий по каким-либо другим признакам, могут, таким образом, рассматриваться как следующие одна за другой без какого-либо различного интервала, также как и без наложения сроков правления. Основания для их простого отождествления друг с другом достаточно очевидны, и поскольку такое отождествление может быть подкреплено столь же косвенными свидетельствами, что и общепринятая позиция (которая базируется на условных допущениях, а не на доказательствах), оно должно быть объективно учтено»².

Дальнейшие исследования, проведенные Харрисом, Джулией Сэмсон и другими, явно продемонстрировали достоверность этой теории. И совершенно случайно было найдено ее недвусмысленное

¹ Harris J. R. *Göttinger Miszellen* 4 (1973), p. 15.

² Там же, p. 16.

Одно из доказательств того, что соправитель Эхнатона был женщиной, а не мужчиной — это серия фаянсовых колец-печатей (одно из которых показано здесь). Возможно, эти кольца предназначались для коронации в 12 году правления. Они содержат тронное имя соправителя Эхнатона — «Анххепура» — написанное с женским «т» и дополненное эпитетом, обозначающим зависимость от старшего царя. В данном случае: «возлюбленная Уазра» — т.е. Эхнатона.

подтверждение. При просмотре коллекции фаянсовых колец-печатей, обнаруженных Питри в эль-Амарне в 1891-92 гг., было обнаружено, что некоторые из них подписаны не в обычной мужской форме «Анххеперура», а в несомненно женской — «Анхетхеперура». Как показали последующие свидетельства, нет никакого сомнения в том, что XVIII династия произвела еще одну женщину-царя — вторую Хатшепсут.

Нефертити как соправитель и преемник

В 1973 году Харрис определил, что существует определенная последовательность смены имен, использовавшихся царицей Нефертити, соправителем Эхнатона, и наконец его преемником. Эта последовательность может быть выражена в следующей таблице, где связи выделены курсивом:

- царица *Нефертити* становится царицей Нефернеферуатон-*Нефертити*;
- царица *Нефернеферуатон*-Нефертити становится соправителем Анххеперура+эпитет *Нефернеферуатон*+эпитет (в двух картушах);
- соправитель Анххеперура+эпитет Нефернеферуатон+эпитет (в двух картушах) становится соправителем, а затем и единоличным правителем, Анххеперура Сменхкара (в двух картушах).

Когда же могло начаться это соправление? Вновь обратимся к свидетельствам.

Хорошо известные картины празднеств 12-го года из гробниц Хуи и Мерира II в эль-Амарне в течение многих лет интерпретировались как изображения всего лишь церемонии приема дани из Хатти, Митанни, Сирии, Палестины, Пунта и Средиземноморья. Однако более вероятно, что они — так же как и изображения предполагаемого «визита» Тейе в эль-Амарну — на самом деле отражают сцены гораздо большего и более значимого действия, происходившего в то время. Я предполагаю, что эти сцены документируют раннюю стадию в процессе придания царице статуса соправителя.

Такая интерпретация основана на почти полном совмещении царя и царицы на изображениях, чем как бы подчеркивается грядущее «единство» их правления¹. Также может иметь значение и то, что — как отмечает Е. Ф. Кэмпбелл — в отношении владельцев обеих гробниц, где задокументированы празднования 12-го года, «особо подчеркивается их роль как управляющих гарема, хотя статус таких людей обычно повышается в то самое время, когда гарем... передается новому царю после смерти ста-

¹ Этот художественный прием не может быть свидетельством «единства» царя и царицы в политическом смысле. Точно также Эхнатон порой изображался и с царицей Кийей, которая, как известно, никогда не обладала статусом «великой супруги царской». Например, см. талатат из Гермополя, хранящийся в Новой Карлсбергской Глиптотеке AEIN 1797. Jørgensen M. Ny Carlsberg Glyptotek. Egypt. Catalogue. Vol. II. Copenhagen, 1998, pp. 140—141. — Прим. ред.

рого»¹. В нашей интерпретации новым «царем» должна была стать Нефернеферуатон, а старым царем являлся Эхнатон; хотя Нефертити, как женщина, вряд ли могла получать какую-то практическую пользу от гарема.

Идея о том, что Нефертити и соправитель Эхнатона были одним и тем же человеком, в наше время принимается наиболее передовыми учеными². Однако личность Анххеперуры Сменхкары — совсем другой вопрос. Тождество соправителя и преемника принималось как нечто само собой разумеющееся тогда, когда считалось, что они оба были мужчинами. Предположение о том, что Нефертити могла впоследствии изменить свое имя на «Сменхкара» и продолжила править единолично, вызвало яростное сопротивление. Почему? Столь широко обсуждаемое тело из гробницы KV55 из Долины царей снова и снова приводилось в качестве аргумента в пользу того, что преемником Эхнатона был мужчина, анатомически схожий с Тутанхамоном и являвшийся, по всей вероятности, его старшим братом. Тело из гробницы 55 в течение многих лет направляло амарнские исследования по ложному пути. Мы уже говорили, что ничто из найденного в той гробнице никоим образом не связано с преемником Эхнатона; напротив, надписи и их контекст предоставляют максимально возможные доказательства того, что там был захоронен сам Эхнатон — и такой же вывод следует из недавних исследований, в ходе которых по строению тела и по зубам удалось определить возраст тела в момент смерти.

Подробное и детальное изучение искусства, надписей, археологии и истории амарнского периода не дали ничего, что противоречило бы выводу о том, что Нефернеферуатон и Сменхкара являлись одним и тем же человеком. Напротив, многое свидетельствует в пользу этой теории — и не в последнюю очередь тот факт, что у них обоих роль «великой супруги царской» исполняла старшая дочь Эхнатона — Меритатон.

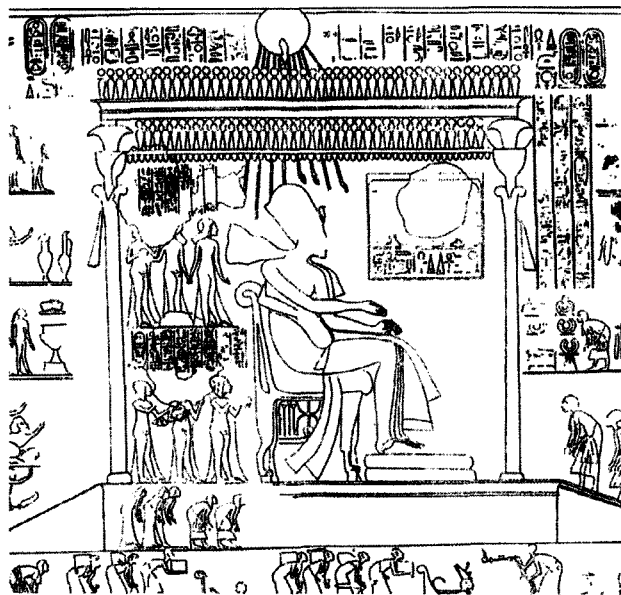
Смерть Эхнатона

О самом Эхнатоне в последние годы жизни мы не знаем, по сути, ничего. Его живот заметно вырос, что, возможно, связано с начавшейся

¹ Campbell E. F. The Chronology of the Amarna Letters. Baltimore, 1964, p. 20.

² Дискуссия о преемнике Эхнатона в настоящее время активно продолжается. Наиболее распространенная версия предполагает, что Сменхкара, мужчина и старший сын (?) Эхнатона, процарствовал около года, после чего его на один или два года сменил преемник женского пола, тот самый загадочный «царь» Нефернеферуатон. Под этим именем видят как захватившую власть Нефертити, так и порой ее старшую дочь Меритатон, что кажется, судя по всем источникам, весьма вероятным. То, что «царь» Нефернеферуатон был женщиной, подтверждено фрагментами надписей на ее погребальном инвентаре, части которого (пектораль, ковчезцы для внутренностей, второй саркофаг, часть царской погребальной маски, некоторые ушебти) были позже использованы в гробнице Тутанхамона. В них Нефернеферуатон названа «действенной для супруга своего». См. Dodson A., Ikram S. The Complete Royal Families of Ancient Egypt. Cairo, 2005, p. 285. Увы, отсутствие или крайняя степень фрагментарности источников не позволяет пока прояснить картину точнее. — Прим. ред.

Изображения Эхнатона и Нефертити на этом рельефе из гробницы Мерира II, датированном 12 годом, почти полностью совмещены. Предположительно, это отражает раннюю стадию в возведении Нефертити в ранг соправителя.

праздностью, тогда как раньше он сильно утомлялся из-за активной деятельности. Он мог подвергаться осмеянию: намеки на это можно увидеть в ряде териоморфных¹ карикатур из известняка, среди которых наиболее известны изображения обезьян, выполняющих роли, до того выполнявшиеся только самим царем. Может, его здоровье сильно ухудшилось? Или он в итоге сошел с ума? Был ли он теперь, по сути, пленником своих эль-Амарнских безрассудств, тогда как Нефертити пыталась вернуть государство хотя бы к подобию нормальности? «Возможно» и «может быть». Мы попросту не знаем.

Представляется, что Эхнатон ушел из жизни после того, как было запечатано вино его 17-го года правления. Опять же, мы не знаем ничего конкретного, и тело царя из гробницы KV55 вряд ли способно пролить свет на ситуацию. Отказало ли его сердце, как неизбежно бывает с обладателем синдрома Марфана? Или нам надлежит искать более зловещие объяснения? Если кто-то «помог» ему уйти из жизни, в этом нет ничего удивительного, учитывая безжалостность египетской придворной жизни. Мечты фараона поставили Египет на колени и, вне всяких сомнений, многие были готовы устранить его, пока еще оставалось время для восстановления страны. Какой бы ни была правда, после исчезновения Эхнатона как харизматической личности прошло не так уж много времени, прежде чем Амарна канула в небытие.

О подготовке к похоронам Эхнатона все примерно понятно. Его вечный дом — величественная царская гробница в западных скалах Ахетатона, где в погребальной роскоши уже лежала его мать, — остался незаконченным. Были обнаружены многие фрагменты похоронных принадлежностей царя, большинство из которых датированы первыми

¹ Звероподобных. — Прим. ред.

Общее крушение иллюзий, случившееся к концу правления Эхнатона, отражено на этом карикатурном известняковом рельефе, найденном среди руин эль-Амарны. Колесница, символизирующая ежедневное движение солнца по небу и обычно управляемая царем, в данном случае управляется обезьяной.

годами Амарны, и покрывающие их тексты являются демонстративно «не погребальными». Перспективы перехода в иной мир практически не интересовали амарнскую теологию, и Джону Пендлбери показалось, что Эхнатон «устранил смерть, отказавшись признать ее существование»¹. Другие предметы — в том числе два магических кирпича из гробницы 55 — говорят об ином. Поскольку на них содержится имя Осириса, мы можем сделать невероятный вывод: перед смертью Эхнатон вернулся к традиционной вере.

Загадочная Дахамунзу

Хаттуса, древняя столица хеттов, была впервые обнаружена в 1906 году немецким археологом Хуго Винклером неподалеку от современной деревни Богазкале (бывший Богазкёй) в центральной Анатолии. Это было потрясающее открытие, наибольший интерес которому придали обнаруженные при раскопках более чем 10000 клинописных табличек примерно того же времени, что и те, которые были обнаружены в эль-Амарне четвертью века ранее. Многие из этих хеттских текстов представляют огромный исторический интерес, а самым необычным был летописный документ, известный в наше время как «Деяния Суппилиуму». Эти тексты являлись, предположительно, копиями с оригиналов, сделанными для последующего переноса на бронзовые таблички и публичной их демонстрации. Однако бронзу давно уже постигла судьба металлолома.

Летопись составлена не самим Суппилиумой, а его сыном, Мурсили II, и тот свет, который она проливает на события второй половины XIV века до н.э., является столь же поразительным, сколько и неожиданным. Следует повторить, что Западная Азия того времени была охвачена борьбой между тремя противниками: старыми конкурентами Египтом и Митанни, и недавно возникшим государством хеттов, Хатти, которое стремилось нарушить баланс сил. Выясняется, что Египет атаковал Хатти после того, как они захватили принадлежавший Митанни сирийский город Кадеш, в то время как хетты держали митаннийские войска в осаде в Кархемише. В ответ на эту египетскую агрессию, силы Хатти атаковали вассальный город Амки.

А затем, как гром среди ясного неба, «Деяния» сообщают нам, что посланник принес новости: фараон Нипхурурийя умер. Последовало предложение о мире, поступившее от царицы Египта, которая в письме именовалась Дахамунзу — и оно поразило не только хеттов, но и самих египтян:

¹ Pendlebury J.D.S. Tell-el-Amarna. London, 1935, p. 158.

«Мой муж умер. Сына я не имею. Но у тебя, как говорят, сыновей много. Если бы ты дал мне из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не выберу моего слугу и не сделаю его моим мужем... Я боюсь такого позора»¹.

Суппилиуума был просто поражен. «Подобная вещь [еще] никогда не случалась со мной во всей моей жизни!» Предложение о женитьбе на женщине из египетской царской семьи было совершенно беспрецедентным — подобные союзы были недопустимы, как ранее подчеркивал Аменхотеп III. Тем не менее, заинтересовавшись, царь хеттов отправил своего посланника в Египет, чтобы разобраться во всем, а сам завершил осаду и вернулся в Хаттусу на зиму.

Вот ответ, принесенный посланником от царицы Египта:

«Почему ты говоришь, они обманывают меня в этом деле? Если бы я имела сына, разве я написала бы о позоре моем собственном и моей страны в чужую страну? Ты не поверил мне и даже сказал мне об этом. Тот, кто был моим мужем, умер. Сына я не имею. Никогда я не возьму своего слугу и не сделаю его моим мужем! Я не написала ни в какую другую страну! Только тебе я написала! Как говорят, твои сыновья многочисленны. Так дай мне одного твоего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем!»²

В то, что предлагала эта женщина, было невозможно поверить: власть и влияние хеттов распространились бы от Малой Азии на севере до далекой Нубии на юге. От такого предложения было слишком сложно отказаться, а потому один из сыновей, Цаннанца, был своевременно отправлен в Египет. Где и встретил по дороге свою смерть, предположительно от рук тех людей, которые недружелюбно отнеслись к планам царицы. Интрига Дахамунзу потерпела крах.

Вероломная царица

Кто была эта Дахамунзу? Ни одна из известных нам цариц Египта не носила такого имени, и первоначально произношение пытались «исправить» на «Санхамон», предполагаемую версию имени Анхесенамон, вдовы Тутанхамона. Однако такое изменение было отвергнуто сорок лет назад, независимо друг от друга, Т.О. Лэмбдином и Уолтером Федерном. Как увидели оба этих ученых, обозначение «Дахамунзу» было вообще не именем, а хеттским произношением египетского титу-

¹ Güterbock H.G. Journal of cuneiform studies 10 (1956), p. 96. Перевод И.А. Стучевского. См. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987, с. 76. — Прим. ред.

² Güterbock H.G. Journal of cuneiform studies 10 (1956), p. 97. Перевод И.А. Стучевского. См. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987, с. 77. — Прим. ред.

ла «царская супруга»: *та хемет несу*. Но какая именно «царская жена»? Очевидно, что одним из вариантов является Анхесенамон; а другим — Нефертити, вдова Эхнатона.

Имя царя, содержащееся в хеттской летописи, не позволяет сделать однозначный вывод об этом. Несмотря на бесконечные споры по этому вопросу, похоже, что «Нипхурурийя» — имя покойного супруга Дахамунзу — может с равной степенью вероятности означать тронное имя как Эхнатона (Неферхеперура), так и Тутанхамона (Небхеперура). Обычно предпочтение отдается Тутанхамону — Тревор Р. Брайс, один из современных комментаторов, считает его единственным возможным кандидатом. Однако Джон Р. Харрис в своей публичной лекции, прочитанной в Копенгагене в 1993 году, привел мощные и убедительные доказательства в пользу второй версии: Нипхурурийя из хеттской летописи был Эхнатон, а Дахамунзу — его главная царица и соправительница, Нефертити.

В своей лекции Харрис напомнил слушателям о наблюдении, сделанном несколько лет назад бельгийским египтологом Клодом Вандерслеиеном, о том, что хеттское наименование «Дахамунзу» говорит не просто о царской жене, а, благодаря определенному артиклю *та*, о «главной царской жене» — и такое обозначение меньше всего применимо к молодой, не имеющей влияния вдове Тутанхамона¹. Харрис продолжил хладнокровно, используя логику, отвергать версию об Анхесенамон: смерть юного царя, как он отметил, могла произойти в декабре, поскольку его погребение, судя по объектам флоры и фауны, захороненным вместе с ним, состоялось между концом февраля и началом марта. Однако, как показывает летопись хеттов, письмо от царицы Египта было получено Суппилиумой поздней осенью. Харрис говорит, что если египетской царицей была Анхесенамон, то между смертью ее мужа и решением написать хеттам должен был быть промежуток от девяти до десяти месяцев; а все мероприятия, связанные с оказанием помощи, вплоть до смерти Заннанзы, должны были растянуться еще как минимум на шесть месяцев. Если Дахамунзу была вдовой Тутанхамона, неизбежным становится вывод о том, что Анхесенамон тайно занималась этими переговорами, в то время как преемник Тутанхамона, Эйе, уже занял трон². Харрис считает это невероятным.

¹ По сути, нам ничего не известно о характере супруги Тутанхамона. Однако, учитывая ее короткое детство — она родила дочь еще собственному отцу: а позже, в гробнице Тутанхамона, были обнаружены два ее мертворожденных младенца женского пола, можно предположить, что она отнюдь не была лишена силы характера и, уж наверняка, прошла много жизненных испытаний. В любом случае имеющиеся источники молчат, и считать Анхесенамон просто условной фигурой — неверно. — *Прим. ред.*

² Учитывая тот факт, что Эйе — в это время глубокий старик — скорее всего, был дедом Анхесенамон, его воцарение вполне могло быть шагом, отсрочившим крах вдовы Тутанхамона из-за затянувшейся переписки с хеттами, не поверившими ее просьбе. Правление Эйе во многом было условностью и никак не могло мешать Анхесенамон устраивать свою судьбу. Беспрецедентность письма царицы также вполне объясняет отсрочку в отправке письма в Хатти:

Если бы посланник хеттов сообщил о подобной ситуации, практически очевидно, что Цаннанца никогда бы не отправился в путь, поскольку шансов на успех не было почти никаких.

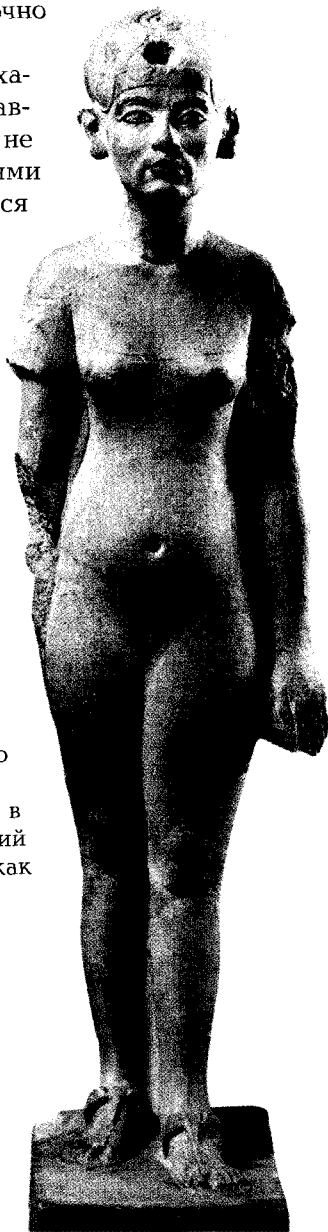
С другой стороны, месяцы, следующие непосредственно за смертью Эхнатона, гораздо больше подходят для египетско-хеттских переговоров. Судя по пометкам на винных сосудах, Эхнатон умер ближе к концу 17-го года своего правления, после того, как летнее вино было запечатано в конце сентября или начале октября. Это в точности то время года, когда Дахамунзу обратилась к царю хеттов; и, учитывая относительную стабильность, которая, похоже, тогда была (Нефертити уже была соправителем при Эхнатоне в течение нескольких лет и, похоже, сохраняла власть после его смерти), должно было иметься достаточно возможностей для проведения переговоров.

Если принять аргументацию Харриса, под именем Дахамунзу скрывается не кто иная, как сама Нефертити, «главная царская супруга» — именно так для внешнего мира, не знакомого с египетской системой управления и деталями внутренней политики Египта, продолжала именоваться эта дама. Мотивы ее предательства остаются неясными; возможно, ее конечной (пусть и наивной) целью было подкрепить экономику Египта инвестициями из-за рубежа. Как бы то ни было, за эти действия она заплатит сполна, равно как и другие. Возможно, поступок Дахамунзу спровоцировал социальную напряженность в отношении иноземцев и породил события, позже интерпретированные библейской традицией в повествовании об Исходе¹.

Анхесенамон могла не сразу прийти к такому непростому решению. Важная деталь также заключается в настойчивом желании царицы не выходить замуж «за слугу», хотя мезальянсы при египетском дворе случались. Возможно, что речь шла о том, что тот «слуга», обойти которого в своем выборе царица не могла из-за его статуса и реальной власти — т.е. Хoremхeб, по каким-то причинам был ей крайне неприятен. — *Прим. ред.*

¹ Гипотеза совершенно не подтверждается имеющимися в нашем распоряжении египетскими источниками. Библейский текст следует рассматривать как фольклорный источник, а не как историческое повествование. — *Прим. ред.*

Известняковая статуэтка, изображающая Нефертити в зрелые годы, красивая и точная, из мастерской Тутмоса в эль-Амарне. На царице плотно прилегающая шапка-корона, полагавшаяся ей во время соправления с Эхнатоном, которое началось в 12 году. Очевидно, она сохраняла власть под именем Анххеперура Сменхкара вплоть до правления Тутанхамона.

РЕСТАВРАЦИЯ И ЗАБВЕНИЕ

Смерть и погребение Нефертити

Судьба Нефертити-Сменхкары после провала ее стовора с царем хеттов не вполне ясна. Мы можем быть уверены лишь в том, что соправительница и преемница Эхнатона полностью исчезает из поля зрения — скорее всего, умирает. Думается, что вряд ли она умерла по естественным причинам.

Где именно была захоронена вдова Эхнатона, точно не известно: возможно, в «царском приделе» большой гробницы в эль-Амарне, помещении, которое, вероятно, для того и предназначалось. Формально город еретики все еще был столицей, и какое-то время оставался ей в дальнейшем. Как происходило захоронение, остается неясным. При обследовании гробницы Тутанхамона Говардом Картером были опознаны некоторые погребальные принадлежности, приготовленные для соправителя и преемника Эхнатона — наиболее известен второй гроб и изящные золотые инкрустированные ковчежцы для внутренностей, несущие на себе портрет их первоначального владельца¹. Ясно, что захоронение Нефертити должно было поражать воображение; к тому же, оно было выдержано в духе традиционного культа Осириса, что говорит о резком падении влияния Атона, произошедшем после смерти Эхнатона, а может быть, и до нее.

Компромисс и сосуществование

Подлинным наследником Эхнатона был Тутанхатон — ребенок не старше десяти лет. Его происхождение столь же туманно, как и у любого в Амарне: на блоке, найденном в Гермополе,

¹ Эти портреты, заметно отличающиеся от лица Тутанхамона, каким оно нам известно по памятникам, даже отдаленно не сходны с известными портретами Нефертити, что еще раз говорит об условности гипотезы автора. Нет также абсолютно никаких оснований для предположения о насильственной смерти Нефертити. — *Прим. ред.*

Один из четырех золотых гробиков, надписанных и использованных для захоронения забальзамированных внутренностей Тутанхамона. Окружающие надписи показывают, что контейнеры изначально создавались для Анххеперура Нефернеферуатон (и предполагается, что один из картушей был позднее переделан для Анххеперура Сменхкары).

Новый и неожиданный фрагмент в амарнской головоломке: гробница кормилицы Тутанхамона, дамы Майя. Здесь эта дама, в тяжелом праздничном парике, держит юного царя на коленях. До обнаружения ее гробницы в Саккаре французским египтологом Аленом Зиви в 1997 году, эта дама была практически неизвестна для истории.

он назван «сыном царя от плоти его», а поскольку этот блок первоначально находился рядом с другим, изображавшим Кийю, скорее всего, она и была его матерью. О ранних годах Тутанхатона мы знаем мало, однако небольшой кусочек этого пазла был найден: французский египтолог Ален Зиви обнаружил в Саккаре гробницу кормилицы царя, Майи, — гробницу, особенно памятную изображением царя-младенца, сидящего на коленях у этой дамы. Разумеется, из-за его возраста какое-то время власть оставалась в руках Нефертити-Сменхкара, при том, что их правления — как у Хатшепсут и Тутмоса III — шли одновременно.

Из широко известного декрета о реставрации (сохранившегося в двух копиях на стелах, раскопанных в Карнаке в 1905 и 1907 гг.) мы узнаем имя царя-младенца

в новой и более знакомой форме, воспринятой в 3-м или 4-м году его правления: Тутанхамон, что переводится как «Живой образ Амона». Имя Анхесенпаатон — сводной сестры, на которой он был женат, вне всяких сомнений, чтобы попытаться примирить различные группировки внутри царской семьи — было точно так же изменено на «Анхесенамон». Если верить пропагандистским заявлениям жрецов Амона, принятие этих имен символизировало полное возвращение царской семьи в ряды приверженцев традиционных богов. Похоже, что перед этим она потерпела слишком много неудач, пытаясь сохранить религию Атона хотя бы просто в виде формальности.

Однако, вопреки общей вере, существуют признаки того, что примирение молодого царя со старым порядком вещей не являлось пол-

Голова юного царя Тутанхамона из кристаллического известняка: часть композиции, изображавшей, как бог Амон водружает на царя синюю корону.

ным отречением от религиозных взглядов его отца. Ярчайшим свидетельством этого является прекрасный золотой трон (первоначально изготовленный для самого Эхнатона, а затем с трудом переделанный)¹, на котором не только сохранено изображение Атона — диска с лучами-руками, но и в равном количестве употреблены имена «Тутанхатон» и «Тутанхамон». Аналогичный компромисс наблюдается на скромной частной стеле (сейчас хранящейся в Берлинском музее), где Тутанхатон приносит жертву Амону.

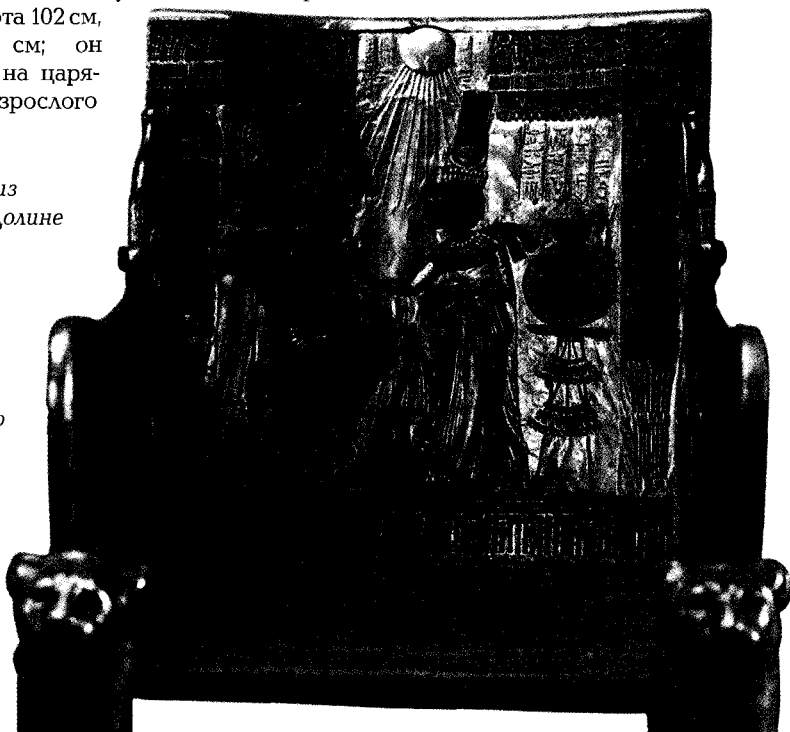
Амарнская философия, по сути, не была полностью отвергнута в течение ряда последующих лет: эль-Амарна и ее божество продолжали функционировать, равно как и храмы Атона по всей стране, и в них продолжали служить такие люди как писец сокровищницы Пенбуи, чья приверженность религии Атона указана на крышке коробки из его гробницы. Нежелание уничтожать Атона как независимое божество было, без сомнения, основной причиной осуждения последующими поколениями не только Эхнатона, но и его преемников: Сменхкары, Тутанхамона и Эйе. Они продолжали хранить еретический дух, и этот дух не угас вплоть до смерти Эйе и воцарения Хоремхеба и его преемников.

Надежда на счастливое сосуществование Атона и Амона могла первоначально возникнуть у Эйе. Но все было тщетно: слишком сильна оказалась ненависть всех

¹ Нет оснований считать, что трон был изготовлен для Эхнатона. Следы переделки царских имен были сделаны в эпоху, когда, видимо, только начинался процесс смены Тутанхатонем имени. Стоит также учитывать, что трон очень миниатюрный — его высота 102 см, ширина сидения — 54 см; он явно рассчитан именно на царя-ребенка, но никак не на взрослого мужчину. — *Прим. ред.*

Роскошный золотой трон из гробницы Тутанхамона в Долине царей (KV62) был серьезно переделан в гревности. В окончательном виде он содержит имя царя как в форме «Тутанхатон» (вверху), так и в форме «Тутанхамон» — примерно в равном количестве. Это отражает ту сложную политическую ситуацию, в которой приходилось действовать юному царю и его советникам.

слоев общества, чтобы такая гармония имела хоть какие-то реальные шансы на успех. И, кроме того, без движущей силы в лице самого Эхнатона его культ царской власти был обречен быстро зачахнуть и исчезнуть. К моменту смерти Тутанхамона, как показывает полностью традиционное захоронение юного царя, превосходство традиционных богов вновь стало неоспоримым.

Восстановление старых богов

Ситуация, доставшаяся в наследство Тутанхамону после бессмысленных разрушений и неразумного ведения хозяйства его отцом, была ужасающей. Об этом говорит декрет о реставрации, выпущенный в древней столице, Мемфисе:

«...были храмы богов и богинь, начиная от Элефантины вплоть до топей Дельты... преданными забвению, не знающими своих домов, впадшими в состояние разрушения, превратившимися в развалины, поросшими травой. Их [богов] покои были подобны тому, что не существует. Их дворы были проходным двором. Была страна в упадке. Отвернулись боги от этой страны. Если посылали войско в Палестину, чтобы расширить границы Египта, то не выпадал ему на долю какой-либо успех. Если молили бога, чтобы испросить у него совета, то он не приходил совсем. Если равным образом молили какую-либо богиню, то она не приходила совсем...»¹

Продолжая реставрацию, начатую Нефертити перед смертью Эхнатона², Тутанхамон надеялся вернуться, наконец, хоть к какой-то видимости нормальности.

¹ Здесь и далее текст «Стелы Реставрации» Тутанхамона приведен в переводе Н. С. Петровского. См. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. I. М., 1980, с. 97—99. — Прим. ред.

² Если быть точнее, реставрация засвидетельствована, как уже упоминал автор, на 3-м году правления царя Анххеперуры Нефернеферуатона. отождествлять или нет с ним Нефертити — вопрос открытый. — Прим. ред.

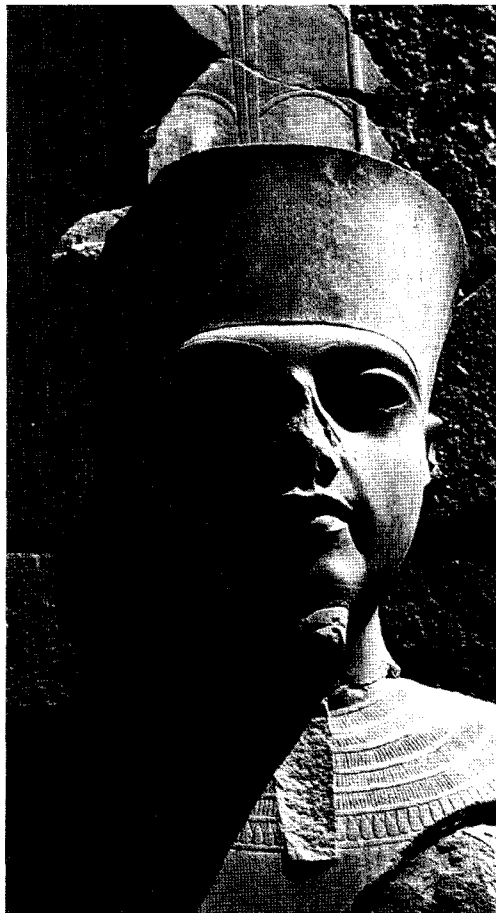
Реставрационный декрет Тутанхамона, известный в наши дни в двух копиях, обе из которых узурпированы Хоремхемом, желавшим, чтобы его считали восстановителем прежнего режима после амарнской разлухи. Грубые отверстия, уродующие этот прекрасный монумент, были проделаны позднее, в попытке разрубить блок на две половины, чтобы использовать его где-то еще.

Сближение Тутанхамона со жрецами Амона проявилось в создании множества новых скульптурных изображений этого бога, поскольку прежние были разрушены в период террора Эхнатона. Значительная часть статуй и статуэток Амона, сохранившихся до наших дней, — как и эта огромная статуя, до сих пор стоящая на своем месте в Карнаке — имеют черты юного царя.

Задача, стоявшая перед царем, была огромна и требовала дальнейшего истощения и так уже пустой египетской казны, как следует из следующего отрывка реставрационного текста:

«После же того, как миновали дни за этим, воссиял [Его Величество] (т.е. Тутанхамон) на престоле своих отцов, вступил он во владение берегами Хора (т.е. Египтом)... И Его Величество обдумывал замыслы вместе с сердцем своим, изыскивая всякое превосходное дело, ища полезное для отца его Амона, образуя образ его драгоценный из настоящего электрума. Он приумножил сделанное прежде. Сотворил он [статую] отца своего Амона... сотворил он [статую] Птаха-к Югу от стены его... И его Величество сделал памятники богам, образуя их статуи из настоящего электрума... строя их покои заново в виде памятников вековых, благоустроенных на потребу вечности, принося им жертвы в виде ежедневных жертвоприношений, поставляя их жертвенные хлеба на земле. Он приумножил то, что было прежде. Подражал он тому, что было сделано во времена предков. Ввел он [в должности] жрецов-уабов и жрецов хему-нечер из детей вельмож их городов в виде сына мужа известного, имя которого знают... Боги и богини, находящиеся в этой стране! Их сердца в радости. Владыки святилищ в ликовании. Берега ликуют и радуются. Веселье по всей земле. Свершились добрые замыслы...»

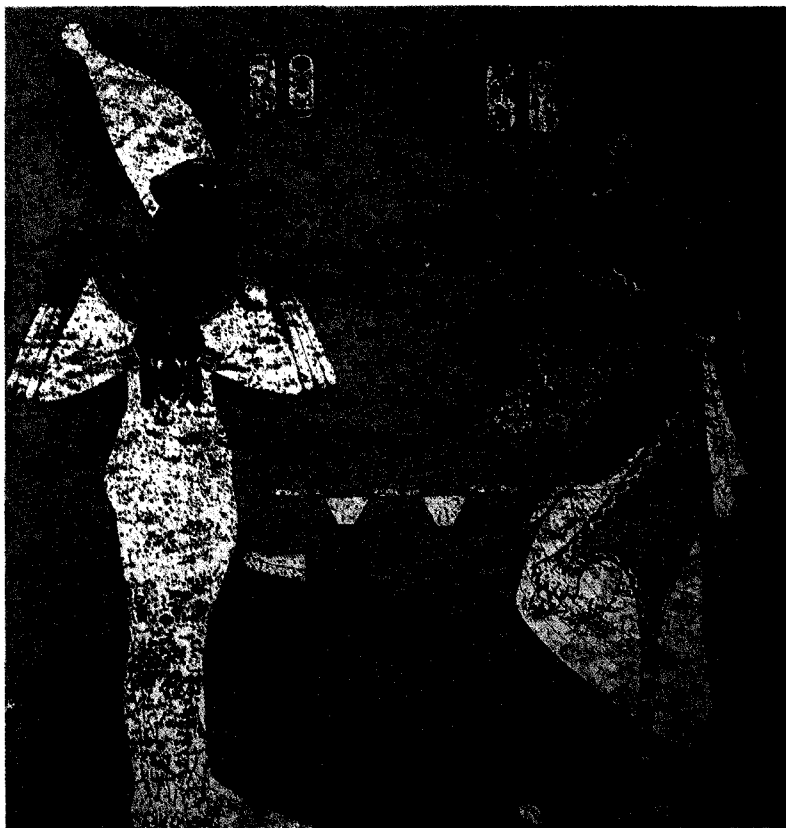

Это было впечатляющее достижение, как следует из эпитета, присоединенного к имени царя на одной из печатей его гробницы: «Небхеперура [Тутанхамон], проводящий жизнь, сотворяя образы богов...» Масштабы этой деятельности можно оценить по такому факту: из всех больших изображений бога Амона, дошедших до нас, подавляющее большинство обладают характерными чертами сына Эхнатона.

Возвращение к привычному

«Год восьмой, третий месяц сезона *перет*, день двадцать первый, в правление ... сына Ра, Тутанхамона, которому дана жизнь. В этот день Его Величество назначил Майя, наследного принца и князя, носителя опахала с правой стороны от царя, царского писца и казначея, сборщиком налогов по всей земле, а также подношений, приносимых в храмы в жертву богам с возделанной земли [Египта], начиная с Элефантины и заканчивая Шемабехдетом [в Дельте]...»

Амона возрождали в статусе высшего божества Египта. Его слава сияла в обновленных и еще более роскошных церемониальных украшениях, дарованных ему, его храмам и его жрецам. По мере восстановления

«Отец бога» Эйе, ставший царем, проводит ритуал «отверзания уст» мумии своего молодого подопечного, Тутанхамона. Поскольку Эйе получил власть еще до того как гробница его предшественника была запечатана, у вдовы Тутанхамона не было никаких шансов на то, чтобы обратиться к хеттам и попросить прислать ей царского сына, готового стать новым царем Египта и ее мужем.

старой системы опять началось строительство, особенно на западном берегу в Фивах: речь шла о воздвижении царского заупокойного храма, который позже был узурпирован Эйе и Хоремхебом. На восточном берегу, в Луксорском храме Тутанхамон завершил сцены празднества Опет, начатые при Аменхотепе III, а в Карнаке, между десятым пилоном и храмом Мут, соорудил аллею сфинксов, переделанных из аналогичных памятников эпохи Эхнатона и Нефертити. О стране за пределами Фив мы знаем мало, однако известно, что Тутанхамон проявил активность в Мемфисе, древней столице. В Серапеуме он восстановил заупокойный культ Аписа, погребение которого впервые было проведено здесь при Аменхотепе III, его прадеде, с которым он время от времени ассоциировал себя как в Фивах, так и в других местах. За пределами Египта, в Нубии, строительство храмов велось в Солебе, Каве и Фарасе. На севере аналогичные работы проводились под руководством генерала Хоремхеба от имени фараона и, возможно, в его присутствии. О самом главном событии Хоремхоб сообщал в своем знаменитом «Декрете»: администрация была восстановлена и, в конечном счете, особое внимание было обращено на повсеместное проклятие — коррупцию.

«Отец бога» Эйе

Хотя новое жречество Амона было скопировано со старого, доамарнского, ближний круг фараона продолжал включать некоторое количество людей, уцелевших со времен Эхнатона. Одним из наиболее загадочных был Пентиу, главный врач фараона, «тот, кто имеет доступ к божественной плоти». Почему подобному человеку был дан второй шанс? Мы не знаем. Другим знакомым, и гораздо более значимым лицом являлся отец бога Эйе, выходец из могущественного клана Иуйи-Туйи и, возможно, двоюродный дед нового царя. Как главный советник Тутанхамона, Эйе контролировал контакты мальчика с другими людьми и творил государственные дела от его имени.

Приверженность Эйе идеалам религии Атона уже была ранее отмечена. О ней говорит и то, что он мог быть тестем Эхнатона, и то, что в его амарнской гробнице Великий гимн Атону записан в полном виде. Однако ясно, что при Эхнатоне этот человек выполнял роль привилегированного исполнителя, а не интеллектуальной движущей силы. Способность к компромиссу наверняка была сильной стороной Эйе, и возможно, именно он первым затеял примирение с Амоном. Если Эйе был отцом Нефертити, то сложно понять, как он выжил после инцидента с Заннанзой: отчаянная попытка царицы совершить предательство и сохранить власть должна была устраивать его. При отсутствии четких свидетельств, мы опять же можем лишь строить догадки. Возможно, дело в том, что Нефертити, несмотря на свою последнюю политическую ошибку — и, возможно, под влиянием Эйе — начала возвращение к норме, которое Тутанхамон в дальнейшем формализовал в камне в виде своего реставрационного декрета. Но главным доказательством

влияния и власти Эйе при дворе является то, что он занял трон после безвременной кончины опекаемого им царя, последнего в прямой линии наследования XVIII династии.

Гробница Тутанхамона

Судя по периодам цветения растений, высохшие остатки которых обнаружены в захоронении Тутанхамона, похороны юного царя состоялись между концом февраля и серединой марта. Обычно считается, что это произошло в 1323 году до н.э. Однако он умер на 70 дней раньше — такова продолжительность времени, необходимого египетским бальзамировщикам, чтобы преобразовать его тело в мумию и провести необходимые ритуалы. Эта мумия чудесным образом сохранилась нетронутой в своей гробнице (KV62) в Долине царей, где и была обнаружена в ноябре 1922 года. История обнаружения Тутанхамона Говардом Картером в наши дни читается больше как сказка, а не как строго историческая работа, хотя изначально она таковой являлась. Археолог пишет в своей публикации 1923 года:

«Медленно, мучительно медленно, как нам казалось, рабочие убрали остатки завала, загромаждавшие нижнюю часть входа. Но вот, наконец, вся замурованная дверь перед нами. Решительный момент наступил. Дрожащими руками я проделал небольшое отверстие в левом верхнем углу замурованной стены. Темнота и пустота, в которую щуп свободно уходил на всю длину, говорили о том, что за этой стеной уже не было завала, как в только что очищенной нами галерее. Опасаясь скопления газа, мы сначала зажгли свечу. Затем, расширив немного отверстие, я просунул в него свечку и заглянул внутрь. Лорд Карнарвон, леди Эвелина и Коллендер, стоя позади меня, с тревогой ожидали приговора. Сначала я ничего не увидел.

Теплый воздух устремился из комнаты наружу, и пламя свечи замигало. Но постепенно, когда глаза освоились с полумраком, детали комнаты начали

Говард Картер сметает пыль веков с внутреннего антропоморфного гроба Тутанхамона — настоящего произведения искусства из чистого золота толщиной примерно 3 мм и общим весом более 110 кг.

медленно выплывать из темноты. Здесь были странные фигуры зверей, статуи и золото — всюду мерцало золото! На какой-то миг — этот миг показался, наверное, вечностью тем, кто стоял позади меня, — я буквально онемел от изумления. Не в силах более сдерживаться, лорд Карнарвон с волнением спросил меня: «Вы что-нибудь видите?» Единственно, что я мог ему ответить, было: «Да, чудесные вещи!»¹

Хотя гробница состояла всего лишь из четырех маленьких камер, все эти камеры были доверху набиты множеством великолепнейших погребальных принадлежностей. В течение первых месяцев после запечатывания гробницы, туда как минимум дважды проникали мелкие грабители, однако погребальная камера сохранилась практически нетронутой. Мумия царя лежала в том же виде, в каком похоронная процессия, возглавляемая Эйе, оставила ее более трех тысяч лет тому назад, надежно запечатав в массивный золотой гроб, два позолоченных деревянных гроба с инкрустациями, саркофаг из кварцита, четыре позолоченных деревянных ковчега и украшенный золотыми накладками льняной покров. После обнаружения тела Тутанхамона, детали финального акта драмы религии Атона наконец стали проясняться.

Убийство?

Вскрытие мумии Тутанхамона началось 11 ноября 1925 года, работу проводил анатом Дуглас Дерри под наблюдением Говарда Картера. Лорд Карнарвон к тому времени был уже мертв, якобы став жертвой «проклятия фараона», изобретенного египтологом-журналистом Артуром Вейгаллом². Отделение мумии от покрывавшей ее смолы оказалось затруднительной процедурой, но хрупкие царские останки во время нее как-то смогли уцелеть. Плохая сохранность мумии была вызвана слишком обильным использованием мазей для пропитки бинтов, что привело к гниению. А попытки Картера размягчить смолу при помощи паяльной лампы вовсе не способствовали улучшению ее состояния.

Не удивительно, что плоть мумии оказалась не сухой и жесткой, а выглядела так, будто обгорела. Черты лица царя оказались слабо различимы, хотя было отмечено любопытное повреждение, «похожее на язву», на левой щеке царя, прямо перед мочкой уха. Именно в это самое место, как утверждает суеверие, лорд Карнарвон был укушен мстительным москитом фараона. Невозможно полностью исключить, что царь

¹ Цит. по Картер Г. Гробница Тутанхамона. Пер. Ф.Л. Мендельсона и Д.Г. Редера. М., 1959, с. 66. — *Прим. пер.*

² «Проклятие фараона» было изобретено алчными до сенсаций журналистами *Times*, которым лорд Карнарвон предоставил эксклюзивное право публикации репортажей с раскопок. Артур Вейгалл — отличный археолог, писатель и египтолог лишь описал подробности этой журналистской истории. — *Прим. ред.*

Рентгеновский снимок черепа Тутанхамона. Два участка, непроницаемые для рентгеновских лучей (обозначены буквой «X»), показывают, что в процессе бальзамировки череп заполняли смолой дважды: в первый раз — когда тело было перевернуто вниз головой, и второй раз — когда оно лежало на бальзамировочном столе. Фрагмент кости в точке «А» был, похоже, смещен в процессе извлечения мозга медным крючком, который вставляли через ноздри.

умер по естественным причинам — возможно, (об этом может свидетельствовать язва) он умер от бубонной чумы, которая, как мы знаем из текстов, в то время была распространенным заболеванием на Ближнем Востоке¹. Либо произошло серьезное нарушение работы сердечно-сосудистой системы как следствие синдрома Марфана (с которым может быть связано странное отсутствие грудинных

костей и ребер). С другой стороны, рентген-анализ черепа, проведенный в 1968 году, позволил сделать более драматичное предположение о том, что Тутанхамон был убит.

Впервые эту идею озвучил Р. Г. Харрисон, профессор анатомии из Ливерпульского университета, в документальном фильме телекомпании ВВС, вышедшем на экраны вскоре после того, как рентгеновские снимки были сделаны. Сам Харрисон умер до того, как смог сделать научное описание обнаруженного, однако недавнее повторное исследование снимков подтвердило его выводы. Уплотнение в основании черепа Тутанхамона сочли кровоизлиянием под мембранами, окружающими мозг («хронической субдуральной гематомой»), а сгустки крови, что важно, затвердели еще до того, как наступила смерть².

Если это объяснение верно (а оно, конечно же, вызывает сомнения), то, следовательно, Тутанхамона ударили по голове, и он медленно умирал несколько недель, периодически приходя в сознание. Интересно, что место этого предполагаемого удара показывает, что он был нанесен скорее намеренно, чем случайно — в те времена манипулирование богом-царем в политических интересах являлось нормой, а цареубийства случались гораздо чаще, чем египетское государство это признавало. Предполагается, что пока Тутанхамон находился в состоянии комы, Эйе начал быстро официально закреплять свое положение соправителя, о чем свидетельствует принятие им нового титула, «старший царский сын», т.е. несомненный наследник. На блоках, обнаруженных в

¹ Эпидемия бубонной чумы действительно коснулась Египта в царствование Аменхотепа III. Однако современное исследование мумии Тутанхамона не выявило присутствия возбудителя этого заболевания в теле. См. Великолепную статью Kozloff A. Bubonic Plague in the Reign of Amenhotep III? // KMT. A Modern Journal of Ancient Egypt, Vol. 17, Num. 3 (fall 2006), pp. 36—46.

² Эта гипотеза в настоящее время признана ложной. Причиной смерти Тутанхамона, как уже упоминалось, было трагическое падение с колесницы. — Прим. ред.

Карнаке, титулы Эйе и его умирающего подопечного помещены рядом. Получается, что до окончательного ухода Тутанхамона в мир иной Эйе формально получил всю власть, и уже велись приготовления к тому, чтобы оставить эль-Амарну навсегда¹.

Под золотой маской

Оценки правления Тутанхамона, дававшиеся учеными, менялись с течением времени. Первоначально он виделся незначительным, второстепенным фараоном, который известен лишь по случайно сохранившимся погребальным принадлежностям. А сейчас его называют спасителем египетских традиций, царем, который поставил страну с головы на ноги и восстановил власть закона. Лишь одна оценка осталась неизменной с момента обнаружения гробницы: смерть молодого фараона явилась трагедией, и невинная жизнь оборвалась слишком рано.

Но помимо печали есть также ощущение нечестной игры. Бесспорно, был один человек, который многое получил от исчезновения мальчика — отец бога Эйе, опекун Тутанхамона, лицо, осуществившее возврат к нормальности от его имени. Эйе — старик, которому недолго оставалось жить — привык властвовать в период несовершеннолетия его подопечного; и, возможно, он не хотел расставаться с этой властью, когда мальчик вырастет².

Однако у Эйе могли иметься и другие мотивы. Очарованные милым юным лицом, мы склонны забывать, чьим сыном был Тутанхамон. С самого рождения он воспитывался на мечтаниях об Атоне, и кто знает, какое негодование он мог испытывать при крушении достижений Эхнатона? Возможно, Эйе обоснованно опасался, что за улыбкой мальчика скрывалось безжалостное стремление восстановить тот режим, который рухнул со смертью Эхнатона. Если так, то Эйе не хотел рисковать, поскольку характер отца, его стремления к бесчинствам, могли передаться и сыну, потенциальному монстру, ждущему своего часа.

Хоремхем: конец кошмара

Четырехлетнее правление Эйе ничем особым не отмечено. Вероятно, оно было как-то узаконено путем брака со вдовой Тутанхамона — так можно

¹ Во время реставрации культов традиционных богов двор Тутанхамона окончательно переехал в Мемфис. Т.е. речь идет не просто об «оставлении» Ахетатона, а о начале его систематического разрушения, достигшего апогея при XIX династии. — *Прим. ред.*

² Не менее обоснованной выглядит версия о том, что Эйе всего лишь спасал свою внучку, Анхесенамон, от падения. Смерть Тутанхамона, при котором Эйе был полновластным регентом и уважаемым советчиком, скорее была выгодна военной элите страны, а следовательно — Хоремхему, будущему фараону. — *Прим. ред.*

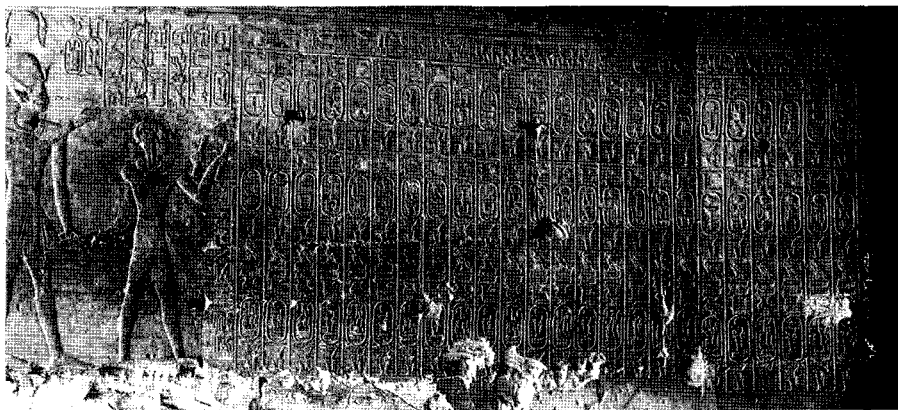

Пытался ли Эйе примирить враждующие силы внутри царского двора, взяв в жены Анхесенамон — вдову Тутанхамона и третью дочь Эхнатона? Свидетельством их женитьбы, возможно, является это выцветшее кольцо из синего стекла, хранящееся в Берлине, на котором имена этих двоих изображены друг рядом с другом.

предположить по объединенным картушам этой пары на маленьком стеклянном кольце-печати из Берлинского музея. Преемник похоронил своего подопечного так, как и должен был, но после этого ситуация полностью покрыта туманом. Предполагается, что сам Эйе видел своим наследником сына, военного офицера Нахтмина. Однако во время беспорядков, последовавших за смертью Эйе, Нахтмин, похоже, был полностью повержен военачальником Тутанхамона, Хoremхебом, который и захватил трон.

Женой Хoremхеба была дама по имени Мутноджемет, которую некоторые ученые идентифицируют как сестру Нефертити и, следовательно, возможную дочь Эйе¹. Этот брак мог компенсировать нецарское происхождение Хoremхеба. Первоочередные задачи нового царя были ясны: никаких компромиссов, никакого среднего пути — только однозначный возврат к старым порядкам. Правящий слой обновился, а армия, преи очищена. Главенство Атона было устранено окончательно и бесповоротно (хотя сам культ продолжал существовать вплоть до правления Сети I и далее), а Амон восстановлен в качестве бесспорного царя богов. Памятники царствования Эхнатона были снесены, а при Рамсесе II Великий храм Атона в эль-Амарне окончательно сравнен с землей, «чтобы запеча-

¹ Известно, что у Хoremхеба была первая жена, Амения, которая была полностью забыта, когда военачальник стал царем. Брак с Мутноджемет давал ему легитимность царствования, а первая супруга, видимо, слишком сильно ассоциировалась с нецарским прошлым. — *Прим. ред.*

Список фараонов — предшественников Сети I, вырезанный на стене знаменитого заупокойного храма в Абидосе. В него включены лишь законные правители; все амарнские цари полностью игнорируются, и указано, что трон перешел от Аменхотепу III непосредственно к Хoremхебу.

Голова мужчины: фрагмент скульптурной группы, изображающей Нахтмина — предположительно, сына «отца бога» Эйе — и его безымянной прекрасной жены. На задней стороне скульптуры указан основной титул Нахтмина: «царский сын от ...» Далее можно продолжить: «царский сын от [плоти его]», то есть наследник. Однако, следующим фараоном стал не Нахтмин, а военачальник Хоремхеб.

тать его, как будто от этой проклятой местности исходила инфекция». Возможно, дальнейшее использование «Горизонта Атона» было запрещено; или же этого места попросту избегали, считая его проклятым.

Эхнатон, вместе с его преемниками, подвергся забвению. Он, Сменхкара, Эйе и Тутанхамон были вычеркнуты из записей, и в ряде случаев их имена на памятниках заменены другими. Как следует из списков царей в Абидосе и других местах, история была переписана, чтобы показать, что трон перешел от Аменхотепа III (до его обожествления) сразу к Хоремхебу. В дальнейшем Эхнатон и его правление упоминались редко, вскользь, и всегда в негативном ключе. «Прекрасное дитя Атона живого» продолжал существовать лишь как ужас из устных преданий — Эхнатон, «враг из Ахетатона», повинный в смутных временах, опустившихся на страну.

Один лишь Хоремхеб избежал гнева фараонов-Рамессидов — по той простой причине, что он назначил своим преемником военачальника Парамессу, то есть привел их к власти. При последнем из них, Рамсесе XI, воплотились в реальность те опасения, из-за которых случилась амарнская революция: примерно в 1100 году до н.э. воинственный верховный жрец привилегированного культа Амона, Херихор, объявил себя правителем. Таким образом, при XXI династии единственным подлинным царем Египта стал сам Амон¹.

Кошмар Эхнатона стал явью.

¹ Не стоит обвинять в создании «фиванской теократии» и ослаблении власти царя только Карнак. Всю эпоху Рамессидов борьба между «старой» и «новой», порожденной Эхнатоном, знатью продолжится, и именно это, несмотря на все усилия первых царей XIX династии, а отнюдь не растущая власть Карнака, приведет страну к расколу, а Новое царство — к падению. См. Солкин В.В. Солнце Властителей. Древнеегипетская цивилизация эпохи Рамессидов. М., 2000. — Прим. ред.

Хоремхеб: военачальник при Тутанхамоне и преемник Эйе на троне. На этой скульптуре он показан в натуральную величину, в виде писца. Поскольку у Хоремхеба не было детей мужского пола, власть перейдет к его военачальнику Парамессу, который взойдет на трон под именем Рамсес I, станет основателем XIX династии и полностью уничтожит все следы амарнского режима.

ЭПИЛОГ

«Для тебя, [О Атон, царь] создал Ахетатон. Ты именован царем, видя его красоту, чистоту и прелесть. Ты именован отцом, ибо ты, как на небо — его пределы недостижимы. И Атон отдыхает в нем, чтобы наполнить его своими дарами». *Наступил из гробницы Майа в эль-Амарне*

Более трех тысяч лет прошло с того дня, как Эхнатон, стоя на белой колеснице, прочел свою речь об откровениях и надежде перед восторженной толпой, собравшейся на месте нового города в эль-Амарне. Люди и представить себе не могли, как низко падет этот режим в скором времени, с каким отвращением и ненавистью последующие поколения будут вспоминать архитектора этих гигантских изменений. За 17 лет диктаторского правления, пропитанных паранойдальной боязнью заговоров от сторонников Амона, царь-еретик подвел страну и народ к самому краю бездны.

Город Эхнатона исчез так же быстро, как и возник. Напуганные преемники вывезли оттуда людей и стройматериалы. Лишенный заботы, он вскоре пал жертвой преобладающего в этих местах северного ветра — того самого, чья сладость когда-то придавала жизнь фараону и его царице. Теперь этот ветер изнашивал стены и заносил песком их очертания.

Столица еретика продолжала купаться в лучах все того же солнца, известного когда-то под именем Атон, но теперь она была заброшена, забыта и погружена в тишину. Ту самую тишину, которую лишь сто с небольшим лет назад прорезал голос крестьянки, случайно обнаружившей в этом отдаленном месте странные глиняные таблички:

Дрянь какая! Тьфу!

Конечно, это не золото. Это гораздо более ценные вещи.

Люди поклоняются и приносят жертвы пустому царскому трону, который по-прежнему благословляют лучи Атона. Известняковый блок из Гермополя (эль-Ашмунейна).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эхнатон Николаса Ривза и «Красавица, которая пришла».

«Коснется ноздрей моих дыхание сладостных уст твоих,
Буду видеть я красоту твою ежедневно, ибо желание мое
таково.
Буду слышать я голос твой сладостный, что летит, словно
ветер северный,
Будет молодеть плоть моя в жизни от любви твоей...»

Фрагмент текста с саркофага царицы Кийи из KV55.

Эпоха Амарны — сложное, противоречивое время религиозного переворота, — стала одной из немногих тем, хорошо освещенных в русскоязычной литературе о Древнем Египте. Я, конечно же, имею в виду в первую очередь ряд великолепных, хотя и порядком устаревших работ выдающегося отечественного египтолога Ю.Я. Перепелкина. Эхнатон — царь-еретик и, по сути, богоборец, выбивающийся из всех стандартов и канонов своего времени, был той фигурой, которая соответствовала идеологическим интересам советской науки. С другой, противоположной стороны, многие в нем видели едва ли не мессию новой «религии света», не раздумывая, без какого-либо на то основания, назвали его первым монотеистом в истории человечества и окружили практически ореолом почитания. Большую роль в рождении этого восхищения Амарной сыграло искусство этой эпохи — яркое, нестандартное, поразительное, подарившее миру несколько шедевров первостепенной значимости и целое художественное пространство тем, кто пытался разглядеть эти памятники более внимательно, в их историко-религиозном контексте.

Вопросы о том, каков был Эхнатон, что было основой его мировоззрения, каковы были причины того страшного удара, каким его реформа была для древнеегипетской цивилизации, стали темой для нескольких десятков диссертаций и книг за рубежом; в их числе предлагаемая читателю работа Николаса Ривза занимает особое место. Для приверженцев канонического отечественного наукообразования в египтологии она, быть может, покажется слишком фривольно написанной. Для тех, кто хорошо знает древнеегипетскую историю — может показаться несколько ангажированной в тех главах, где автор старается доказать свое собственное видение реалий Амарны. Однако, по сути своей, две главные задачи: обзор того, что было написано и сказано об Амарне за

последние полтора века, и рассмотрение сути тех вопросов, которые мы сегодня задаем эпохе Эхнатона и его преемников, вооружившись самыми новыми археологическими материалами и источниками, выполнены Ривзом блестяще. У читателя сложится яркая, полноценная картина эпохи, ставшей для древнеегипетской цивилизации переломной. Книга богата фрагментами трудов исследователей прошлого, ссылками на редкие египетские памятники из собраний самых различных музеев мира и, наконец, переводами древних текстов, многие из которых появятся на русском языке впервые.

Успех этой книги, очень быстро ставшей бестселлером в Европе, объясняется, прежде всего, высоким профессиональным уровнем автора. Николас Ривз — один из крупнейших современных британских египтологов, выпускник кафедры древней истории Университетского колледжа в Лондоне и кафедры египтологии университета в Дюрхеме. Особую роль в научной карьере автора этой книги сыграл опыт работы хранителем в Отделе Древнего Египта и Судана Британского музея; также Н. Ривз исполнял обязанности куратора египетской коллекции семьи лордов Карнарвон в замке Хайклер и в музее Фрейда в Лондоне. Среди археологических начинаний ученого — «Проект Амарнских царских гробниц» (Amarna Royal Tombs Project), в рамках которого в 2000 году в Долину царей было привезено специальное оборудование, позволившее обнаружить в скальном грунте неизвестные ранее пустоты¹. Увы, успех этого начинания был отсрочен обвинением в нелегальной торговле древностями, из-за которого Высший Совет по древностям АРЕ отозвал у Н. Ривза право на работы.

Спустя несколько лет доброе имя ученого было восстановлено, однако, упущенное время вернуть уже было нельзя: одна из пустот, о которых впервые заговорил Н. Ривз, стала сенсацией египетской археологии 2006 года: гробница KV63, по сути — тайник бальзамировщиков, — полный поразительно красивых саркофагов времен правления Аменхотепа III, Эхнатона и его преемников. Гирлянды и погребальные венки, подушки, использовавшиеся для перезахоронения царственных мертвецов, наконец, уникальный миниатюрный саркофаг младенца из т.н. «красного» золота, были случайно найдены в ней группой американского египтолога Отто Шэдена, получившего этот участок для расчистки во время вынужденной приостановки работы «Проекта Амарнских царских гробниц». Впереди еще одно открытие, у истоков которого стоит Н. Ривз — вторая «пустота» в скале, т.н. «KV64», к исследованию которой египетские археологи только приступают: работы были приостановлены во время революционных событий, произошедших в Египте весной 2011 года. Отказавшись по понятным причинам от дальнейшей работы на ниве археологии, Н. Ривз несколько лет курировал превосходную египетскую коллекцию колледжа Итон, а с 2010 года стал одним из хранителей египетской коллекции музея Метрополитен

¹ Факты биографии Н. Ривза приводятся с учетом данных его официального сайта: www.nicholasreeves.com — здесь и далее прим. В.В. Солкина.

в Нью-Йорке. Он также активно выступает с лекциями по всему миру, публикует книги.

И все же монография об Эхнатоне, которую Вы держите в руках, является в наши дни главной, знаковой работой ученого. Эту работу сложно переоценить: Амарна напоминает собой гигантскую разрозненную мозаику из сотен тысяч фрагментов, от каждого из которых порой напрямую зависят важнейшие выводы. Добавим к этому скудность письменных источников, относящихся к концу правления Эхнатона и к царствованию его непосредственных преемников, а также намеренный вандализм, с которым уничтожали следы царствования ненавистного «врага из Ахетатона», и мы получим почти неразрешимый лабиринт, сквозь который автор предлагает нам не только пройти, но и попытаться при этом сделать свои собственные выводы. Предлагая свой, авторский и порой спорный взгляд на многие события, он, тем не менее, не пытается выстроить новую «догму», навязать ее читателю. Это, бесспорно, очень важно, так как в отличие от многих других книг, посвященных Амарне, работа Ривза, мне кажется, направлена именно на диалог с читателем. Она пробуждает желание более глубоко «окунуться» в эпоху, получить максимально полную информацию и, быть может, иначе, по-своему оценить судьбу и наследие Эхнатона, сколь бы противоречивыми они и ни были.

Важная и, увы, неожиданная для современной российской египтологии деталь: вы держите в руках современное исследование, изданное впервые в Великобритании в 2001 году. Египтология — бурно развивающаяся наука и даже за этот десяток лет многие факты были дополнены новыми изысканиями, а гипотезы — значительно уточнены. Например, только в 2013 году мы наконец-то узнали точную причину смерти Тутанхамона. Именно поэтому в русском издании книги Н. Ривза такое значительное место уделено комментариям, отражающим современное состояние научных знаний об Эхнатоне и его эпохе, а также дающим необходимую дополнительную информацию, уже опубликованную на русском языке.

Отмечу еще один очень важный аспект книги Н. Ривза. Он, увлеченно, порой очень эмоционально повествуя о Египте XIV в. до н.э., совершенно не идеализирует Эхнатона. Многих ждет разочарование: за вершинами лирической и религиозной поэзии, за красотой скульптурного портрета Нефертити в синем парике и за удивительно теплыми, почти интимными изображениями царской семьи на частных стелах, стоит фигура религиозного фанатика, поправшего в своей одержимости даже имя собственного отца, а с 12-го года правления преследовавшего само понятие «нечер» — бог. Мрачная картина богоборчества, невероятной упоенности царя самим собой и тирании дополняется новыми результатами исследований Барри Кемпа, ведущего раскопки в Ахетатоне и обнаружившего некрополь простых строителей «Горизонта Атона», царской столицы¹. За высотами пилонов роскошных новых храмов и в

¹ Удивительные подробности того, как и кем возводился Ахетатон в пол-

ослепительном свете «Атона живого» не были видны изуродованные, невероятно истощенные тела тех, чья жизнь стала ценой за царскую мечту о новом городе, новой религии, новом Египте. Для неискушенных в истории Древнего Египта эти реалии жизни «солнечной четы», думаю, станут неожиданным и жестоким откровением, разрушающим миф о поэте, «идеалисте» и любителе искусств, каким иногда авторы романов и поверхностных статей рисуют Эхнатона. Увы, павший жертвой от рук завистников царь-мечтатель — герой повести Велимира Хлебникова «Ка», — был, судя по всему, совсем другим человеком...

И все же, отойдя в сторону от мрачных реалий религиозной реформы и не оценивая ее катастрофические последствия, позволю себе напомнить читателю еще об одной истории, связывающей Египет Эхнатона и Россию. Ведь именно у нас с 1945 по 1958 год в Государственном Эрмитаже хранился второй по значимости скульптурный портрет Нефертити, выполненный из кварцита и представляющий «великую супругу царскую» еще совсем молодой¹. Милица Матье, выдающийся отечественный египтолог, хранившая в те годы этот бесценный памятник в Эрмитаже, потом писала в одной из своих работ: «Несмотря на незавершенность, портрет царицы производит глубокое, незабываемое впечатление. Он весь полон дыханием жизни, и эта жизненность так сильна, что даже забывается отсутствие глаз. Поразительно было мастерство поистине гениального скульптора, создавшего эти веки, эту легчайшую моделировку щек, висков, чуть улыбающийся нежный рот с чудесными углублениями около губ. Чтобы оценить работу мастера, головку надо постепенно поворачивать, и только тогда удивительная тонкость уверенной моделировки становится ощутимой, и выступают все новые и новые совершенства этого прелестного лица»².

Нефертити, если мы говорим об искусстве, не просто затмила собой деяния своего супруга, она в глазах наших современников затмила собой весь Египет, стала символом непреходящего мастерства его художников. И хотя важная гипотеза Н. Ривза о том, что Нефертити воцарилась как фараон после смерти своего супруга, все еще требует дополнительных доказательств, ее «царствование» на недостижимой высоте в качестве одного из главных шедевров искусства Древнего мира — бесспорно.

Профиль царицы в высоком синем парике вместе с пирамидами и золотой погребальной маской Тутанхамона стал частью того образа, по которому сегодня узнает Египет обыватель. Парадоксально, что для самих древних египтян портрет царицы эпохи религиозной реформации отнюдь не был тем «эталонном красоты», каким его видят порой иску-

ной мере отражены в замечательной новой монографии Барри Кемпа: Kemp B. The City of Akhenaten and Nefertiti: Amarna and Its People (New Aspects of Antiquity). London, 2012.

¹ Подробнее об этом — в моей публичной лекции, прочитанной в 2012 году и посвященной 100-летию юбилею находки портрета Нефертити в синем парике: http://tvrain.ru/articles/viktor_solkin_brend_drevnosti_nefertiti-333048/

² Матье М.Э. Во времена Нефертити. М.-Л., 1965, с. 59.

ствоведы, наоборот, это было одно из тех свидетельств, о которых старались не вспоминать. Современная история скульптурного портрета Нефертити, ставшего «визитной карточкой» царицы, не менее интересна, чем история создания и обнаружения этого шедевра. Памятник, которым мог бы гордиться любой крупнейший музей мира, вот уже много десятилетий хранится в собрании Египетского музея в Берлине, вызывая негодование египетских властей. Время от времени появляются и попытки сделать себе имя в прессе, например, назвав портрет Нефертити «подделкой», как это произошло совсем недавно с одним малоизвестным и беспринципным швейцарским искусствоведом.

О незаконности хранения Нефертити в Германии писали много. Вспомню, что уникальный портрет царицы, столетие находки которого мы отметили в 2012 году, был вывезен археологом Людвигом Борхардтом из Египта, судя по всему, нелегально. Официальное открытие бюста в Египетском музее в Берлине вызвало колоссальный скандал. Сегодня полихромный портрет Нефертити, ставший легендарным, возглавляет список шедевров, которые египетское правительство безрезультатно требует вернуть на родину. С тех пор Нефертити никогда не покидала Германию, и после завершившейся в 2010 году реконструкции экспозиции Египетского музея стала центральным памятником египетской коллекции Берлина, «послом красоты египетского искусства в Германии», как писала пресса.

6 декабря 1912 года, когда германский археолог Людвиг Борхардт обнаружил в развалинах мастерской, приписываемой скульптору Тутмосу, лежащий лицом вниз портрет Нефертити, навсегда вошло в анналы археологии. Позже Борхардт писал, что для того «чтобы понять всю его ценность», ему потребовались «годы исследований»¹. Как это ни удивительно, полноценных работ, посвященных выдающемуся портрету царицы, совсем немного, несмотря на широкую известность памятника и обилие египтологических штудий по амарнской эпохе.

Полихромный бюст Нефертити высотой 48 см выполнен из прочного известняка, поверхность которого была покрыта слоями гипса. Не считая нескольких повреждений на ушах, короне и урее — священной змее, некогда украшавшей налобную повязку царицы, портрет находится в превосходной сохранности. Весь памятник, за исключением вертикальных обреза плеч и левой глазницы, лишенной инкрустации, покрыт полихромной росписью, придающей ему необычайную декоративность и узнаваемость. На голове царицы — высокий синий парик на желтой основе, имитирующей золото, стянутой многоцветной лентой. Лицо Нефертити покрыто пигментом нежного персикового оттенка, линии бровей и веки глаз подведены черным, губы окрашены темно-красным цветом, с оттенком коричневого, лепестки цветов и плоды, из которых состоит широкое ожерелье «усех» на плечах царицы, окрашены желтым, красным и зеленым. На задней части массивно-

¹ Borchardt L., Ausgrabungen in Tell el-Amarna 1911/12, Vorläufiger Bericht // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin 52 (1913), p. 29.

го парика опоясывающая его лента «связана» в традиционный круглый «узел», украшенный двумя цветками лотосов, от которого вниз по затылку в разные стороны отходят два окончания ленты; еще две ленты ниспадают сзади вдоль шеи царицы. Правый глаз инкрустирован горным хрусталем, который с внутренней стороны окрашен пигментом для обозначения зрачка. Несмотря на всю тщательность поиска, Борхардт так и не нашел инкрустацию второго глаза бюста и отмечал позже, что «никаких следов склеивающего вещества не было обнаружено в глазнице; внутренняя поверхность глазницы выполнена тщательно и не была предназначена для инкрустации», придя к заключению, что «в левой глазнице никогда не было инкрустации»¹. Полноценное обследование памятника, проведенное в Берлинском музее, в целом подтвердило гипотезу Борхардта², что с достаточной уверенностью позволяет утверждать, что бюст царицы был скульптурной моделью, а отнюдь не культовым предметом³. Также, учитывая, что бюст Нефертити не относится к числу поздних работ Тутмоса, следует отметить, что он не был незавершенным⁴, как предполагают некоторые, и, скорее всего, отсутствие одного глаза имело под собой магическую причину: если бы оба глаза были бы инкрустированы, то бюст, изготовленный на основе гипсовой маски, снятой непосредственно с лица, имел бы огромное сходство с живой царицей и, в случае гибели, мог нанести вред ее «двойнику», обитающему в скульптурных изображениях.

Если все же остановиться на общепринятой в египтологии гипотезе, гласящей, что бюст Нефертити в синем парике — это скульптурная модель, то это как нельзя лучше объяснит высочайшее, исключительное качество этого произведения, которое должно было наилучшим образом передавать индивидуальность царицы. Как было установлено, портрет идеально отвечает египетским представлениям о мерах⁵. Специалисты много говорили о симметрии лица Нефертити, половины которого поразительным образом зеркально идентичны друг другу: подбородок, рот, нос и урей царицы расположены точно по сторонам предполагаемой центральной вертикальной линии лица. Некоторые отступления от этого правила имеются в области короны, левая часть которой несколько шире правой и в области спины, где левое плечо уже правого.

Дитрих Вилдунг, директор Египетского музея в Берлине, с помощью компьютерной томографии выявил те интереснейшие детали, которыми на ранних этапах создания памятника достигалась балансировка его частей. Теперь известно, что изначально известняковая основа бюста имела более длинную и тонкую шею, плечи разной высоты, более прямую заднюю часть парика и другой угол верхней его плоско-

¹ Borchardt L., *Porträts der Königin Nofret-ete aus den Grabungen 1912/1913 in Tell el-Amarna*. Leipzig, 1923, s. 33.

² Arnold D. *The Royal Woman of Amarna*. New York, 1997, p. 67.

³ Krauss R. 1913-1988: 75 Jahre Büste der Nofret-Ete/Neferet-iti in Berlin // *Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz* 24 (1987), s. 102.

⁴ Arnold D., 1997, p. 70.

⁵ Там же, p. 68.

сти, которая резче уходила вниз спереди назад. Чтобы исправить эти ошибки и достичь итогового равновесия, скульптор использовал гипсовую массу, которая была добавлена на плечи, на заднюю часть шеи и головной убор. Впрочем, еще Борхардт предполагал, что отдельные части лица царицы были выполнены с добавлением тонкого слоя гипса¹. «Исправления» высоты и объема плеч, а также задней части головного убора были особенно важны для создания равновесия в структуре бюста, которое особенно хорошо видно, если на портрет Нефертити смотреть в профиль, когда лицо оказывается на вершине угла, стороны которого образованы шеей и париком. Кроме того, голова в уборе имеет значительный вес, который уравнивается устремленной вперед линией шеи. Эта поза головы царицы создает внутреннее напряжение, жизненность и изыск памятника, которые подчеркиваются отчетливой проработкой длинных мышц в задней части шеи. Тщательный анализ других портретов царицы из мастерской Тутмоса², явно предшествовавших созданию полихромной Нефертити, демонстрирует, с какой осторожностью и внимательностью скульптор, корректируя стилистические особенности скульптуры первых лет реформации, создавал новый образ царицы, лишенный «утрированного реализма» рельефов и статуй ранних храмов Атона в Карнаке, и наполненный грацией, величием и одновременно обаянием, столь характерным для лучших творений мастера из Ахетатона.

Полихромность, меж тем, не дает зрителю ощутить ту потрясающую моделировку лица, которая позволяет назвать автора этого портрета поистине гениальным. В годы работы в Секторе Востока ГМИИ я имел доступ к уникальному факсимильному слепку бюста Нефертити, который, однако, не был расписан. Слепок никогда не экспонировался. Только при прикосновении возможно ощутить все то поразительное искусство скульптора, с которым создана Нефертити: тончайшую игру мышц на лице, пластику носа и губ, проработку линии шеи, особенно впереди. Чтобы «почувствовать» Нефертити, необходимо прикосновение...

Случайность, по которой до нашего времени дошло имя художника, создавшего этот поразительный памятник, сделала «хвалимого благим богом, начальника работ, скульптора Тутмоса»³ одним из немногих известных творцов древности, поразительный стиль которого сегодня хорошо узнаваем. Именно в мастерской Тутмоса, как показали археологические исследования, производились гипсовые маски, снятые непосредственно с лиц амарнской царской семьи и виднейших вельмож двора. Помимо знаменитого портрета Нефертити в скульптурной мастерской, а вернее — в небольшой комнате (2,25x5,7 м)⁴, примыкавшей к главному залу дома Тутмоса, было обнаружено более пятидесяти произведений искусства, изображений Эхнатона и его окружения, — то есть

¹ Borchardt L., Porträts der Königin Nofret-ete aus den Grabungen 1912/1913 in Tell el-Amarna. Leipzig, 1923, s. 32.

² Arnold D., 1997, pp. 48–49, 66.

³ Там же, p. 41.

⁴ Borchardt L., Ricke H. Die Wohnhäuser in Tell el-Amarna. Berlin, 1980, s. 96-98.

всех тех исторических лиц, которые позже были преданы забвению традиционной египетской культурой. Особенно интересно, что в мастерской были найдены и хранившиеся гипсовые прототипы уже созданных памятников; так, в гипсовом портрете Нефертити¹, несмотря на некоторые различия, иногда видят предварительную форму, на основе которой мастер работал над полихромным бюстом из известняка.

«Новый образ» Нефертити известен нам не только по круглой скульптуре, но и по рельефу. Небольшой прямоугольный известняковый блок — скульптурная модель, обнаруженная в закладной траншее стены Великого храма Атона и хранящаяся в настоящее время в Египетском музее в Каире, — сохранил на одной из плоскостей простершуюся на земле фигуру, а на другой — портрет Нефертити, невероятно похожий на ее полихромный бюст². Царица изображена в профиль, по плечи, в высоком парике; единственное иконографическое отличие — это включение двух уреев поверх ленты, обвивающей парик, одного — поднимающего голову в центре короны, и второго — свисающего перед ухом царицы. В целом этот портрет царицы очень напоминает ее изображение на знаменитой семейной стеле из Берлинского собрания³ и, скорее всего, датируются одним временем. Схожесть рельефного портрета и полихромного бюста потрясает. Линия устремленной вперед шеи и форма челюсти, лицо и глубоко прорезанный контур задней части головного убора делают рельефный портрет практически двухмерной версией бюста. Однако, если присмотреться к тому, как на этих памятниках отображено лицо царицы, то становится ясно, что рельеф — несколько более грубый, изображающий царицу с чуть приоткрытым ртом и большим ухом, выполнен раньше бюста и является современником промежуточных портретов царицы, найденных в мастерской Тутмоса. Блок с рельефами, таким образом, дает нам возможность увидеть связь между скульптурной мастерской гениального мастера и теми мастерами, которые отделявали Великий храм Атона в Ахетатоне.

Очарование портрета Нефертити бесспорно; этот памятник, как и многие другие шедевры египетской скульптуры, совершенно не передает фотография. Образ, ставший для истории искусства хрестоматийным, в наши дни неожиданно превратился в объект художественного эксперимента, вызвавшего крайне неоднозначную оценку как специалистов, так и широкой публики. «Новое видение» Нефертити, бюст которой был совмещен с современным бронзовым телом, облаченным в полупрозрачное одеяние, было предложено венгерскими художниками в качестве проекта для венецианского биеннале. Дитрих Вилдунг интерпретировал произошедшее как «знак почтения к Нефертити со стороны современного искусства»⁴, однако большая часть научного сообщества, которое поддержали египетские власти и широкая публика, отнеслась к

¹ Arnold D., 1997, pp. 48–49. Берлин, Египетский музей.

² Pendlebury J. et al. The Central City and Official Quarters: the Excavations of Tell el-Amarna during the Seasons 1926–1927 and 1931–1936. London, 1951, vol. I, p. 19.

³ Arnold D., 1997, pp. 96–104.

⁴ «The Guardian», June 13, 2003.

эксперименту ярко отрицательно. «Голова царицы лишь ненадолго была совмещена с бронзовой статуей, — сообщил в интервью Вилдунг. — 26 мая бронзовая статуя была соединена с бюстом Нефертити на несколько часов в необычайной атмосфере полного молчания на глазах художников, кураторов и директора музея, публики там не было»¹.

Оставляя на совести организаторов этот «эксперимент», ставший поводом для официального обращения Египта в ЮНЕСКО², отметим, что он положил начало большой и очень значимой дискуссии о новых интерпретациях образа Нефертити в современном искусстве. Этих интерпретаций множество, они очень отличаются друг от друга и они, что важно, говорят о непреходящей актуальности египетского эстетического идеала, вернее того, как мы сегодня понимаем этот идеал.

Одним из первых европейских художников, предложивших свое видение Нефертити, была Виннифред Брантон³, в чьих работах, созданных в 20-е годы XX столетия, облики царей и цариц Египта впервые были не просто реконструированы, но отображены художественно, посредством авторского видения древних памятников. «Портреты, которые мы, историки, создаем словами, приобрели благодаря мисс Брантон форму и цвет, — писал в 1924 году выдающийся американский египтолог Дж. Брэстед. — Ее усилия, по моему мнению, имеют такое же право на существование, как и наши. То, что это усилие стало возможным только в египетской истории, свидетельствует об интересе и, я должен сказать, о притягательности этой культуры... Эти портреты созданы на основе тщательно отобранных материалов и источников»⁴. Нефертити, созданная художницей на основе полихромного бюста, наполнена совершенно другим настроением: здесь нет парадности, нет надломленного движения шеи. На смену величественности приходит внутренняя грусть; царица сидит, словно устав, опустив глаза и скрестив руки, она размышляет, поправляя правой рукой ожерелье «менат», которым Брантон дополнила образ, на шее. Это портрет зрелой женщины, отягощенной бременем власти и семейными неурядицами, красота которой, еще вчера ослепительная, начинает угасать. Создавая образ царицы, Брантон также значительно отошла от собственно египетской цветовой гаммы, придав парiku пастельно-голубой оттенок; вымышленными оказываются и уреи в коронах Верхнего и Нижнего Египта, украшающие головной убор царицы. Эта Нефертити — размышление над судьбой.

Наполненной жизнью и каким-то особенным солнечным ликованием, предстает Нефертити в работе современной египетской художницы Галлы Абдель Фаттах. «Преисполненная красотою», как называли Нефертити современники, дополнена в полотне «Танец Гебы», хранящейся в московском частном собрании, изяществом и грацией танца

¹ Там же.

² «Akhbar El-Yom», June 9, 2003.

³ The Pharaonic-Portrait Art of Winnifred Brunton Revisited // KMT 1 (2004).

⁴ Kings and Queens of Ancient Egypt. Portraits by Winnifred Brunton. History by Eminent Egyptologists. London, 1924. Из введения.

сестры художницы, известной балерины, благодаря которой образ Нефертити приобрел какую-то особую изысканную и очень «египетскую» пластичность и молодость. Эта молодость, несколько сдержанная и поистине царственная, даже отчасти контрастирует с высоким синим головным убором, который невольно, вслед за Тутмосом, мы приписываем даме средних лет. Лазуритовый цвет парика, украшенного уреями и золотой лентой, переходит в насыщенный кобальтовый фон полотна, на котором Нефертити, облаченная в расшитое геометрическими, иссиня-золотыми узорами платье, танцует, осененная золотым солнечным диском, который здесь воспринимается скорее как древний символ, иероглиф света, атрибут танца царицы-солнцепоклонницы.

Особое место в галерее интерпретаций Нефертити, занимает философский образ, созданный российскими художниками Ириной и Валерием Нагий¹. В центре полотна «Человек», ставшего главным впечатлением от авторской выставки художников, проходившей в 1999 году в ЦДХ в Москве, — ладья, плывущая по бесконечному водному пространству навстречу стае летящих рыб. На ее борту — крылатый солнечный диск. Сидящие в ладье обнаженные, — это мужчина и женщина, которые «находят друг друга, и тогда рождается любовь... Слияние двоих рождает одного. И это целостное — Человеческое существо... (В этом полотне — В.С.) есть все: мысли, чувства, музыка прошлого и рождение будущего»². Эта вселенная рождена двумя, но в ней доминирует женщина, держащая мужчину за руки. В этом архетипе женственности, с лицом, освещенным солнцем, угадывается знакомая линия высокой шеи, тонкий профиль и, наконец, синий головной убор, обвитый лентой, говорящий, что и на этот раз перед нами Нефертити. Это поразительное, новое видение того, что неизвестный мастер воплотил в голубой фаянсовой сфере, части от скипетра, хранящейся в Копенгагене, где по водам вселенной плывет солнечная ладья, в центре ее — «Атон живой», а по сторонам от него — сидящие Эхнатон и Нефертити, воздевающие руки в позе молитвы.

Нефертити по праву принадлежит одно из центральных мест в знаменитой «Эхнатониане» выдающегося русского художника Михаила Потапова, которая стала гордостью живописного собрания художественного музея в Соликамске. На его удивительных полотнах царица предстает в разные годы царствования; основой для этих живописных портретов Нефертити XX века послужили все лучшие древние скульптурные портреты царицы. Пожалуй, только Потапову, иконописцу по образованию, всей душой страстно влюбленному в Египет³, удалось приблизиться к той интерпретации образа Нефертити, какой ее прославил Тутмос. Запечатленная в камне, Нефертити в его работах словно «жила» на холсте, но, тем не менее, художник ни на миг не отошел от египетского оригинала, сохраняя образ, его детали, цветовую палитру подлинника. Портреты, основой для которых послужил полихромный

¹ Irina and Valery Nagy. Creation. Painting. Moscow, 1999, pp. 8—9.

² Elyseyev A. // Там же, р. 2.

³ Потапов М. Египтянин. М., 1998, с. 4, 41.

бюст, смотрятся парадными, дворцовыми; однако на различных этапах творчества автор видит царицу по-разному. В работе «Портрет царицы Нефертити» (1970), она изображена анфас и преисполнена величия, образ Тутмоса, изваявшего царицу в ее зените, «оживляют» взгляд и красные ленты парика, одна из которых упала спереди на плечо, поверх ожерелья. В 1983 году появляется «Портрет царицы Нефертити в профиль»: здесь она молода, более мягка, нежели у Тутмоса; ее брови чуть приподняты, словно от удивления, а весь образ наполнен внутренним светом и ощущением остановившегося времени¹. Поразительно, этот во многом парадный портрет не лишен скрытой, едва ощутимой интимности и особенной теплоты. «Портрет царицы Нефертити», созданный М. Потаповым в 1991 году, наоборот, внешний, очень парадный и декоративный, с более холодной палитрой цвета, отсутствием оттенков зеленого и преобладанием красноватого отлива в золотых элементах головного убора. Лицо царицы, изображенной также в профиль, устремлено вперед, она словно вглядывается во что-то, однако во взгляде нет некоторой отчужденности, свойственной бюсту Тутмоса. Она все еще юна, она лишь подходит к тому рубежу «нового образа», который мы все так хорошо знаем. Наконец, «Портрет царицы Нефертити», написанный в 1995 году, на котором царица показана анфас, демонстрирует нам женщину средних лет, лучезарную, с легкой улыбкой и грустью миндалевидных, с тяжелыми верхними веками глаз. Пожалуй, этот портрет — наиболее парадный, несмотря на то, что в нем, как нигде больше, присутствует ощущение времени.

Безусловно, образ Нефертити, воспетый в работах Михаила Потапова, — это самый точный и наиболее вдохновенный отклик на «идеал», созданный Тутмосом. И это самое прочувствованное впечатление от всего эстетического идеала эпохи Амарны в России. Наверное, это тот поразительный случай, когда два художника, разделенные веками, увидели и, что еще более важно, прочувствовали один и тот же образ если и не одинаково, то поразительно схоже. Многочисленные скульптурные «наброски» в мастерской Ахетатона и «лики» царицы в работах Потапова постепенно, открывая лишь часть предстоящего торжества, готовят нас к тому, чтобы каждый из нас, увидев, обрел «свою» Нефертити. А вместе с этим обретением, которое остается на всю жизнь, поразился ничтожности времени, религиозных реформ и быстро устаревающих научных гипотез перед совершенством красоты.

Виктор Солкин

Президент Ассоциации по изучению
Древнего Египта «Маат» (Москва),
Действительный член Международной
Ассоциации египтологов

¹ Там же, с. 41.

БЛАГОДАРНОСТИ

Издатели выражают свою благодарность за помощь и рекомендации в ходе подготовки настоящей книги Бетси М. Брайан, Питеру Клейтону, Ирвину Финкелю, У. Раймонду Джонсону, Барри Кемпу, Майклу Моллинсону, Джеффри Мартину, Полу Николсону, Ричарду Паркинсону, Найдзелу Страдвiku, Алену Зиви. Российское издание книги выполнено при поддержке Мемориального фонда «Духовное наследие Древнего Востока» Библиотеки-культурного центра им. М.А. Волошина, Москва.

Сокращения: с — сверху, в — снизу, ц — по центру, л — слева, п — справа. Жирным шрифтом выделены страницы, на которых размещены иллюстрации в данной книге.

Журнал «Antiquity» 46 (1972), 46, № 181, илл. 1, **188**

Архив «White Star», фото Araldo de Luca **43, 125л**

Государственный музей, г. Берлин — Египетский музей и собрание папирусов. Фото © bpk

49с, 52, 59, 77, 90, 100с, 138, 147, 148с, 149, 156, 158, 161, 167, 169, 177, 189, 192;
Hollander, 1914 **12** (фрагмент), **23**; Margarete Büsing **24**

Музей изобразительных искусств, г. Бостон **124**

Бруклинский музей, г. Нью-Йорк **22**; подарок фонда New Hermes Foundation **148в**

Betsy M. Bryan **76**

Египетский музей, г. Каир авантитул, **45, 56л и п, 58, 81, 88, 105, 116в, 150, 154, 168в, 182**

Музей Фитцуильяма, г. Кембридж **96**

John Carter **19с**

Peter Clayton **40, 69, 183**

© CNRS/CFEETK. Fonds Chevrier **94**

Новая глиптотека, г. Копенгаген **159, 166**

The Daily Graphic от 23 марта 1892 г. **19в**

Н. де Гарис Дэвис, «Скальные гробницы эль-Амарны», том II (Лондон, 1905 г.), илл. 5 **100в**; илл. 41 **168с**; илл. 37 **173**; том III (Лондон, 1905 г.), илл. 25 **16**; илл. 4 **131**; илл. 32А **109**; том IV (Лондон, 1906 г.), илл. 20 **116с**; том V (Лондон, 1908 г.), илл. 39 **102, 111**; «Гробница везира Рамосе» (Лондон, 1941 г.), илл. 29 **98**; илл. 33 **99**

Description d el'Égypte (Париж, 1809—1828 гг.), Antiquités, IV, илл. 63 **15**

Собственность попечителей Национального музея Шотландии, г. Эдинбург **18**

Общество изучения Египта **25, 27, 112, 141**; собственность Общества изучения Египта, рисунки выполнены Redvision. Художник Michael Mallinson **117, 120**; Ralph Lavers, Общество изучения Египта **122**; Geoffrey Martin/ Общество изучения Египта **128—129**

Музей Майерса, колледж Итон **54**

БЛАГОДАРНОСТИ

- Г. Франкфорт и Дж. Д. С. Пендлбери, «Город Эхнатона», том II (Лондон, 1933 г.), илл. 12 **121**
- Heidi Grassly, © Thames & Hudson Ltd **42, 67, 95**
- Hirmer **28, 66**
- Коллекция древностей Абрахама Гутермана, Египетское искусство, Израильский музей, г. Иерусалим **74, 101, 193**
- W. Raymond Johnson **72**
- Коллекция Джека А. Джозефсона, г. Нью-Йорк **87**; Journal of Egyptian Archeology 14 (1928 г.), илл. 5/6 **163**; 17 (1931 г.), илл. iv.5 **49в**
- К.Р. Лепсиус, Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien (Берлин, 1849–1859 гг.), том III, илл. 34 **17**
- Jürgen Liepe, г. Берлин **21, 35в, 39, 190в**
- Robert Hay, Британская библиотека, г. Лондон **107**
- Британский музей, г. Лондон **26, 41с и в, 63, 86, 171**;
- собственность Richard Parkinson **106**
- Музей египетской археологии им. Питри, Университетский колледж, г. Лондон **20с, 174**
- Музей искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк **57**; Египетская экспедиция **70**; подарок Эдварда С. Харкнисса 1921 г. и покупка Фонда Харриса Брисбейна 1957 г. **125ц и п**; подарок господина и госпожи В. Эверит Мейси 1923 г. **191в**; Фонд Роджерса 1929 г. **32**; Фонд Роджерса 1950 г. **180в**
- Paul T. Nicholson **10-11, 14, 146**
- Gwil Owen **134**
- Музей Ашмолеан, Оксфорд **20в**
- Институт Гриффитса, музей Ашмолеан, Оксфорд **34в, 36-37, 179, 186**
- Музей Лувр, г. Париж **85, 143**; © Maurice et Pierre Chuzeville **34с**
- Nicholas Reeves **31, 82, 181с**
- John G. Ross **36с, 47, 92, 93, 103, 165, 178, 181в, 184, 190-191**
- Alberto Siliotti/Geodia, Archivio Image Service **68**
- Д. Э. Смит, «Царские мумии» (г. Каир, 1912 г.), илл. 36 **84**
- Sotheby's **132**
- Стокгольмский национальный музей **155**
- Nigel Strudwick **55с**
- © Египетский культурный центр, университет Васеда, г. Токио **80**
- Philip Winton **7, 114, 123**
- Alain Zivie **180с**

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры, выделенные курсивом, относятся к иллюстрациям

- Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien* 17
Description de l'Égypte 15
- Абди-Аширта 159
 Абидос 27, 74, 198; заупокойный храм Сети I 198, 198–199
 Абу Гуроб 99
 Аварис 30
 Азиру 159
 Азия, малая 182
 аккадский 11
 Алабастрон 16
 Алашия (древний Кипр) 63
 алебастр 16, 56, 83
 Анен 56, 58, 92, 138
 Аллен, Джеймс 151–152
 алтари, пустынные (на территории эль-Амарны) 132
 алтари, солнечные 129
 Амада 99, 158
 Амарнское искусство 23, 67, 78, 84, 92, 108, 124, 130, 131–132, 145, 149, 155, 157
 Амарнские письма 11, 21, 23, 44, 58, 60, 63–65, 79, 87–89, 127, 139, 158–159, 166, 177
 Амарнский период 9, 26, 77, 131–132, 152, 158, 173, 177
 Амарнский стиль 19, 22, 67, 80, 94, 130, 155
 Аменхотеп, сын Хапу 62, 65–67, 67, 68, 74, 90, 93, 101
 Аменхотеп I 32
 Аменхотеп II 38–39, 40, 41, 43, 44, 46–49, 52, 58, 81, 86, 99, 154
 Аменхотеп III 8, 26, 37, 42, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 56–58, 59, 60–67, 68, 69, 70, 70, 71–75, 77–81, 82, 85, 87–88, 91, 94, 98–103, 113–114, 119, 121, 132–133, 141–143, 154, 158, 160, 163, 169, 171, 177, 183, 193, 198
 Аменемхет I 80, 107–109, 115
 Аменемхет III 45
 Аменхотеп IV, см. Эхнатон
 Амки 182
 Амон 17, 31, 33–35, 34, 37, 39, 41, 45, 46, 48, 51, 53–54, 57, 58, 68–70, 72, 80, 82, 92, 97, 99, 103, 107, 114, 117, 143, 151, 146, 152, 160, 161, 170–172, 188, 189, 191, 192–193, 198–199, 201
 Амон-Ра 28, 46, 51, 53, 98, 101, 121
 Амурру 159
 Амхерст из Хэрни, лорд 19
 Анатолия 60, 182
 Антинополь 27
 Ани 142
 Анупу 164
 Анхесенамон 184, 186, 198; см. также Анхесенпаатон
 Анхесенпаатон 17, 89, 152, 153, 166, 167–168, 188
 Анхесенпаатон-Ташерит 167
 Анххеперура Нефернеферуатон 169, 171, 175, 177, 179, 187
 Анххеперура Сменхкара см. Сменхкара
 Апер-эль 51
 Апис, захоронения 135, 193
 Артатама I 44
 Арцава 60
 Астарта 51
 Асуан 100
 Асьют 27
 Атон 8, 16, 21, 27, 49–51, 67, 72, 74, 78, 80, 89, 90, 96, 97, 98–103, 105, 111–114, 116, 119–122, 126, 129, 132, 138, 140–143, 147, 151–153, 157, 160, 165, 168, 170, 174, 187–189, 193, 195, 197–199;

- см. также Великий гимн
Атону
Атум 47, 48, 70, 71, 134, 146, 146, 147,
152, 172, 173
Ашмолеан, музей, Оксфорд 21
Ахмим 54, 57
- Баал 51
Бадж, Эрнест Альфред Уоллес 64,
64
Бакетатон 62, 81
Барридж, Элвин Л. 155—157
Барсанти, Алессандро 18, 21, 134
Бас, Джордж 63
Бата 164, 165
Бек 67, 68, 154, 155, 163
Бенгей 166
Бени Амран, племя бедуинов 13
Бертон, Джеймс 16
Берлинский музей 23, 174, 189, 198,
207
бесполый колосс, так называемый
172, 173
Биба 159
Биркет Абу 71
бирюза 70
Бес 146
Богазкале (Богазкёй) 182
божественное рождение 35, 53, 160
Бонапарт, Наполеон 14, 38, экспе-
диция 14, 15, 16, 82, 130
Борхардт, Людвиг 22, 175, 206—208
Брайан, Бетси М. 75
Брайс, Тревор Р. 184
Брестед, Джеймс Генри 9, 34
Британский музей, Лондон 41, 49,
64, 64
Брок, Эдвин С. 134
бронза 30, 70, 182
Буриан, Урбен 148
Бубастис 99
Бухен 158
Булак, музей 71, 151
Бурна-Буриаш 65, 159
- Вавилон 60
Вавилония 63, 74, 159
Вади Абу Хаса эль-Бахри 133
Вади Бибан эль-Мурук 81
Вади эс-Себуа 66
Вандерслеен, Клод 184
- Васада, университет, Токио 71, 82
везир 34, 38, 44, 51, 54, 66, 81, 100,
101, 107, 124, 131, 141
Вейгалл, Артур 8, 9, 55, 84, 85, 195
Великий гимн Атону 21, 119, 147,
148—152, 157, 158, 193
Великий сфинкс 46, 47
Вильбур, Чарльз Эдвин 22
Винклер, Хуго 182
Вольф, Вальтер 155
второй тайник (KV35) 52, 58, 81
Вулли, Леонард 26
- Габольд, Марк 134
Гардинер, Алан 168
Гезер 61
Геб 47
Гебель Абу Хаса 18
Гебель эль-Ахмар 67
Гебель эль-Силсилэ 100
Гелиополь 46, 48, 49, 51, 53, 58, 96,
121, 141
Герберт, леди Эвелина 194
Гермополь Магна
см. также эль-Ашмунейн
Гиза 46, 47, 49
Гилухеппа 55, 60
гипс, покрытие 24, 59, 206, 208;
материал 23, 93, 93, 163, 164,
165, 200, 209
гиксосы 30, 31, 33, 45, 51, 154, 161
Гитлер, Адольф 25, 90
Глиддон, Джордж 110
Готье, Генри 177, 178
гранит 68, 134
граувакка 39
гробницы 13, 16, 16, 22, 31, 60, 112,
120, 129, 160, 166, 187; Анен
(ТТ 120) 58; Яхмес 138;
северные гробницы Амарны
132, 133, 139, 140, 147;
царская гробница Амарны
(№ 26) 18, 18, 27, 116, 121,
121, 122, 132—134, 135; юж-
ные гробницы Амарны 141;
гробницы Амарны (№ 1—25)
136—139; гробницы Амарны
(№ 27—30) 133—135; Амен-
хотеп II (KV 35) 52, 58, 58, 81;
Аменхотеп III (WV 22) 80, 81,
82, 82, 177; Ани 142;

Эйе (эль-Амарна № 25) 17, 21, 91, 138, 148, 193; Эйе (WV23) 132; Хатшепсут (KV20) 36; Хекаэрнихех (TT64) 51; Хуи 138, 176, 179, 169, 172, 132, 133; Ипи 136; Хаземхет (TT57) 52, 74, 99; Херуэф (TT192) 74, 99, 98, KV3 56, KV55 83—87, 83, 84, 86, 156, 166, 167, 180—182; Маху 138, 136, Майа 138, 201; Майя 90, 188, 188; Мерир I 138, 134; Мерир II 138, 169, 174, 175, 181; Нахтпаатон 141; Неферхеперухерсехепер 141; Паатонемхеп 142, Панехси 90, 138; Пареннефер (TT 188/ эль-Амарна № 7) 101, 102, 105; Пентиу 135; Пере (TT139) 170, 171; Рамсес IX 86; Рамосе (TT55) 100, 101, 136; Рехмир 38; Себекхотеп (TT63) 41; Сутау 142; Сути 50, 137; гробница Осириса, Абидос 74; Тутанхамон (KV62) 19, 19, 51, 59, 80, 111, 154, 157, 167, 187, 189, 194—197; Тутмос IV (KV43) 52; Туту 142; WV25 132; Иуйя и Туйя (KV46) 55—56, 84
группа крови 84

Дахамунзу 182—185
Даресси, Жорж 71
Дерри, Дуглас 84, 85, 195
Деяния Суппилиуму 182—184
Дейр эль-Бахри 34, 36, 160; тайник 31; заупокойный храм
Хатшепсут 32, 34, 35, 35, 36, 36
Дейр эль-Гебрави 22
дельта 30, 119, 190, 192
Джонсон, У. Рэймонд 74, 75, 77, 78, 93
Дийк, Якобусван 166
дипломатия 44, 63, 65
Джосер 66, 95, 145; см. также ступенчатая пирамида
ДНК, анализ 156
Долина царей 36, 52, 55, 56, 56, 80, 82, 83, 83, 132, 133, 166, 180, 189, 194, 203
дорожки (пешеходные) 21, 126, 127, 132

драгоценности 52, 71, 81; амулеты 49, 52; ожерелье 24, 25, 26, 49, 52, 74, 91, 127, 138; короны 24, 45, 47, 70, 71, 78, 113, 154, 174, 175, 176, 178, 185, 188, 206, 207; серьги 163, 164; кольца-печати 9, 18, 178, 179, 198; кольца 41, 198, ажурный браслет 49, 49, 74; см. также шебиу, ожерелье
Дроветти, Бернардино 15
Дэвис, Норман де Гарис 22, 110
Дэвис, Теодор М. 55, 56, 57, 57, 82—85, 86, 166

Евфрат 32
Египетский музей, г. Лейпциг 110

Жомар, Эдме 14

Заннанза 184, 193
Зарних 100
Зиви, Ален-Пьер 188
золото 10, 13, 18, 18, 41, 55, 65, 68, 70, 83, 141, 143, 158, 194, 195, 20, 203, 206

Иахтир 158
Ией 57
Иераконполь 98
иератическое письмо 79, 79, 108, 170
иероглифы 16, 50, 54, 113, 119, 148, 160, 170, 211
известняк 22, 23, 24, 32, 52, 67, 87, 88, 129, 130, 130, 161, 174, 175, 181, 182, 185, 201, 206

Икаита 119
Илиос (Троя) 63
инцест 62, 167
инкрустация 24, 56, 83, 166, 167, 195, 206, 207

Ипи 141
Исида (богиня) 152
Исида (царевна, дочь Аменхотепа III) 60, 61
Исида (жена Тутмоса II) 33
История Синухета 80
исход 117, 185
Итефсенеб 170
Ититауи 107

Иуйя 54, 55, 56, 56, 57, 57, 58—60, 83,
84, 91, 107, 117, 138, 193

Каदेश 182

Кадашман-Энлиль 60, 65, 74

Кава 193

Каирский музей 62

каменный поселок 132

Камес 30, 31

Камму, император Японии 106, 107

канопы (сосуды для внутренне-
стей) 61, 83, 84, 85, 134, 166

Карнарвон, лорд 194, 195

Карнак 28, 35, 37, 39, 40, 41, 43, 49,
68—70, 78, 93—96, 98—100,
102, 120, 121, 142, 145, 146, 171,
172, 172, 173, 188, 191, 193, 196,
храмовый комплекс Эхна-
тона 96; храмовый комплекс
Атона 90, 95, 208; блоки 96,
100; тайник 39, 69; колоссы 97,
154; Геметпаатон 96, 97, 129,
Хутбенбенхрам 97, 103, 129,
171; гипостильный зал 71, 96;
храм Монту 70; храм Мут 69,
121, 193; храм Ругмену 97; храм
Аменхотепа III 121; храм
Амона 31, 33, 95; храм Хонсу
99, 143; храм Тенимену 97

Карои 50, 55

Картер, Говард 18—19, 34, 37, 52, 81,
82, 111, 129, 130, 175, 187, 194,
194, 195

картуши 16, 40, 80, 82, 83, 83, 97, 102,
129, 160, 168, 174, 174, 175, 176,
176, 177, 179, 187, 198

Кархемиш 182

Кау 130

кварцит 42, 67, 70, 71, 74, 155, 162,
167, 195, 205

Кемп, Барри Дж. 27, 124, 125, 131,
145, 204

керамика 15, 20; микенская 128

Керма 30

Килту 159

Киото 106

Кипр 63

клан Фудзивара 106

клинописное письмо 26, 64, 88, 182

колесницы 31, 38, 41, 52, 56, 57, 65,
111, 111, 143, 154, 163, 182, 201

Коллендер, Артур «щербатый» 194

Колоссы Мемнона 67, 68

Копенгаген 172, 184, 211

Крит 26

Кусэ 30

Кэмпбелл, Е.Ф. 176, 179

Кийя 8, 85, 125, 130, 132, 133, 136,
163—168, 175, 177, 188, 202

Кносс 63

ковчеги 83, 84, 84, 134, 195

Козлофф, Ариэль 66

Ком эль-Хеттан 58, 63, 67, 69, 74

Ком эль-Хана 131

Ком эль-Самак 71

Ком Мединет Гуроб 59

Коптос 25

Куш 40, 44, 149, 158

лазурит 70, 82, 211

Легрэн, Жорж 43, 61

Линер, Марк 133, 135

Лепсиус, Карл Рихард 17—19, 32,
91, 110

Летополь 66

Ливерпульский музей
(Национальные музеи
и галереи Мерсисайда) 18

Линкольн, Авраам 157

Лувр, Париж 87, 88, 130

Луксор 10, 25, 42, 69, 75, 121, 143;
тайник 70, 71, 74; храм 37, 37,
53, 69, 70, 71, 96, 172, 193

Лэверс, Ральф 127

Лэмбдин Т.О. 183

маат 73—75, 97, 114, 119, 145

Майя 52, 90, 117, 138, 141, 188, 188,
192, 201

Макетатон 17, 19, 97, 133, 136, 152,
153, 167, 168

Малькатта 62, 71—74, 143

Манефон 29, 30, 92, 93, 120, 157, 161

Манних, Лайза 164, 166

Марфана, синдром 153, 156, 157,
181, 196

Мартин, Джефффри 27, 133, 135

Мару-Атон см. эль-Амарна

маски 81—83, 107, 165, 197, 205, 207, 208

Масперо, Гастон 56, 71

Маху 52, 128, 138, 141

Мацуока, коллекция, Токио 110

мебель 52, 126, 163
 Мегиддо 38
 Медамуд 96
 медицина 146
 медь 63, 70, 196
 Мемфис 30, 62, 63, 66, 98, 105, 107,
 119, 141, 152, 172, 190, 193
 Мен 67, 68
 Менес 29
 Меритатон 17, 89, 96, 120, 125, 132,
 138, 152, 153, 166–168, 174, 175,
 176, 178, 180
 Меритатон-Ташерит 167
 Мерира I 138, 140
 Мерира II 138, 140, 169, 174, 175, 176,
 179, 181
 Микены 63, 128; микенская
 керамика 128
 Милкили 61
 Миллет, Николас Б. 61
 Мина 57
 Митанни 11, 38, 40, 44, 50, 50, 60, 63,
 65, 79, 87, 88, 88, 90, 159, 166,
 179, 182
 Мневис, бык 120, 134–136
 Моллинсон, Майкл 121, 130, 133,
 135, 143
 Монту 49, 70
 Музей искусств Метрополитен,
 Нью-Йорк 165, 203; экспеди-
 ция 32, 72
 мумии 18, 31, 38, 52, 55, 56, 57–59,
 62, 64, 81, 84, 84, 86, 86, 87, 166,
 167, 192, 194, 195; Старшая
 дама 58, 59
 Мурсили II 182
 Мут 37, 37, 69, 121, 143, 152, 160, 172,
 193
 Мутбенерет/Мутноджемет
 (возможная сестра
 Нефертити) 90, 91, 138
 Мутноджемет (царица, жена
 Хoremхеба) 198
 Мутемуйя 51
 Мюрнейн, Уильям Дж. 110
 Нагаока 106
 Напхурия 87
 Нара 106
 настенное убранство, рисунки
 16, 20, 41, 72, 82, 125
 Нахарина 50, 55, 79, 79, 166
 Нахи 105
 Нахт 124, 131
 Нахтмин 91, 198, 199
 Нахтпаатон 141
 Небетах 61
 НебхепетраМентухотеп 107
 Небмаатра 54, 68, 72, 73, 74, 75, 80,
 141
 НебтауираМентухотеп 107
 Немецкое восточное общество
 (DOG) 22, 130, 163
 Неферхеперухерсехепер 141
 Нефернеферуатон-Ташерит 167
 Нефернеферура 20, 135, 136, 152,
 167
 Нефертум 152, 172
 Нефертити 8, 11, 13, 16, 17, 18, 18, 20,
 22, 23, 24, 24, 25, 63, 89, 90, 90,
 91, 96, 97, 100, 101, 111, 111, 120,
 125, 129, 131–133, 136, 137, 138,
 140, 143, 150, 152, 153, 154, 155,
 162, 163, 165–167, 171, 172, 172,
 173, 173, 174, 175, 175, 176, 176,
 177–181, 181, 184, 185, 185, 187,
 188, 190, 193, 198, 204, 205
 Нефрура 33, 35
 Николсон, Поль 158
 Нил 10, 13, 14, 14, 30, 32, 37, 51, 67, 92,
 109, 119–121, 123, 124, 126, 147,
 149, 150, 158
 Ниусерра 99
 Нубия 30, 40, 48, 63, 66, 98, 119, 158,
 183, 193
 Нут 50
 Ньюберри, Перси Э. 71, 173, 174
 Ньютон, Фрэнсис 26
 обелиски 28, 37, 45, 49, 160
 Общество изучения Египта (EES)
 22, 25–28, 121, 125, 127, 131, 160
 обсидиан 67
 Опет, праздник 37–38, 38, 69, 143,
 193
 Олдред, Сирил 154, 155
 Осирис 16, 52, 74, 93, 99, 145, 152,
 182, 187
 Осоркон II 99
 Паатонемхеб 142
 Палестина 31, 38, 40, 64, 158, 179, 190

- Панехси 90, 131, 138, 140
 папирус Булак 151
 Парамессу (генерал; Рамсес I) 199, 199
 Пареннефер 105, 117, 141
 Пасе, стела 174, 175, 178
 Пауах 170, 172; Пауах, граффити 169–171
 Пенбуи 189
 Пендлбери, Джон Д.С. 9, 25, 25, 26, 27, 43, 53, 63, 77, 92, 123, 125, 126, 126, 135, 136, 139, 182
 Пенсильвания, университет 71
 Пентиу 140, 193
 Пере 170
 Перепелкин, Юрий 166
 Песня арфиста 147
 песчаник 68, 71, 90, 94, 100, 102, 103, 188
 печать 58, 73, 84, 85, 191
 Пит, Томас Эрик 26
 Питри, Уильям Мэтью Флиндерс 18, 19, 19, 20, 20, 21–23, 63, 127, 128, 129, 179
 Пирисси 79
 позолота 15, 82, 83, 84, 195
 поклонение животным 134
 пометки (на винных сосудах) 62, 74, 123, 185
 Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту 108, 108, 109
 Присс д'Авенн, Эмиль 95
 Проект храма Эхнатона (АТР) 95, 99, 146, 171
 Пруссия 17, 24, 110
 псалом (104) 150
 Птах 62, 99, 146, 152, 172, 191
 Птахмес 54
 Птолемей 6, 67, 68, 107
 Пунт 53, 179

 Ра 17, 46, 48, 49, 51, 53, 54, 58, 68, 74, 121, 141, 171, 184; см. также Амон Ра
 Ра-Атум 71
 Ра-Хорахте 48, 74, 100, 164
 Рамсес I 6, 199
 Рамсес II 6, 26, 69, 69, 70, 71, 96, 198
 Рамсес III 56, 115
 Рамсес IX 86
 Рамсес XI 199

 Рамосе 100, 100, 101, 102, 131, 141
 Равен, Мартин 134
 расхитители 18, 52, 55, 56
 Редфорд, Дональд Б. 96, 146, 152
 рельефы 16, 27, 28, 39, 52, 53, 62, 74, 78, 95, 96, 99–101, 105, 117, 121, 123, 127, 133, 138, 144, 153, 154, 160, 163, 164, 165, 167–169, 174, 176, 181
 религия 9, 46, 62, 87, 92, 94, 103, 105, 107, 109, 122, 134, 138, 145, 146, 148, 151, 152, 169, 171; жрецы Амона 33, 34, 34, 37, 44–46, 48, 58, 103, 107, 114, 117, 160, 188, 191; религия Атона 97, 152, 189, 193, 195; гелиопольский культ 49, 51, 97, 121; эннеада Гелиополя 152
 Решеп 51
 Риб-Адди 159
 Рим, собор Св. Иоанна на площади Латеран 49
 Росс, сэр Е. Денисон 19

 Саккара 22, 67, 135, 188, 188
 саркофаги 55, 56, 62, 133–136, 195, 202
 Сатамон 60–62, 81
 Сати, леди 61
 Себекхотеп 41
 Себеннит 29
 Сед, праздник 51, 62, 67, 71–73, 78, 96, 98, 99, 102, 120
 Седеинга 66, 119
 Сехмет 69, 152, 172
 Сененмут 35, 35
 Секененра Таа 31, 31
 Серапеум 62
 Служба древностей 71, 81
 Сесеби 98, 119
 Сенусерт I 108
 серебро 41, 56, 59, 60, 61, 68, 70, 141
 Сетепенра 20, 152, 167
 Сети I 6, 198, 198
 Сети II 164
 Север, Септимий 67
 Сикар, Клод 14, 109
 Сиклен III, Чарльз К. ван 110
 Симон, Джеймс, доктор 24
 синдром Фрёлиха 155, 167
 Сирия 11, 38, 40, 44, 51, 57, 64, 149, 158, 164, 179, 182

скарабеи 49—50, 50, 63, 160, 180;
 скарабей Атона 49—50, 50;
 брачный скарабей 54, 54, 55
 скульптура 19, 20, 23, 26, 35, 39, 43,
 45, 67, 68, 73, 90, 96, 109, 110,
 130, 153, 155, 167, 172, 173, 191,
 199, 200
 слоновая кость 41, 49, 49, 163
 Сменхкараб 9, 18, 85, 136, 138, 174,
 175, 175, 177—180, 185, 187,
 187, 188, 189, 199; *см. также*
 Нефертити как соправитель и
 продолжатель Эхнатона
 Смит, Грэфтон Эллиот 84, 155
 Смит, Рэй Уинфилд 95
 Солеб 66, 74, 99, 119, 193
 соправление 33, 39, 43, 51, 88, 108,
 169, 185, 196; Эхнатона и
 Анххеперура Нефернеферуа-
 тон 169, 171, 174, 175, 177—179,
 184; Аменхотеп III и
 Эхнатона 77—79, 79, 80, 90,
 98, 100, 103, 168; Тутмос IV и
 Аменхотеп III 81
 стекло 20, 26, 26, 52, 158, 198, 198
 Стела Сна 46—48
 стелы 14, 14, 31, 66, 68, 100, 101, 153,
 161, 174, 174, 175, 155, 167, 169,
 169, 170, 178, 188 189;
 берлинская стела 176, 176, 209;
 стела Сна 46—47, 47, 48;
 стела Аменхотепа III 66, 67;
 стела Реставрации
 Тутанхамона 182;
см. также эль-Амарна,
 пограничные стелы
 Солг, Генри 15, 88
 Ступенчатая пирамида комплекса
 Джосера, Саккара 67, 95, 145
 Судан 119, 203
 Суэц 14
 Суппилулиума 89, 182—184
 Сути 50, 71, 141
 сфинкс 193
 Сэмсон, Джулия 178
 Тадухеппа 60, 88, 90, 166
 талатат 94, 95, 96, 103, 120, 171
 тарелки (фаянсовые) 63, 81
 Тархундараду 60
 Таусерт 61

Тахат 61
 Та-Шепсет 164
 Таурт 146
 Тексты Саркофагов 151
 Тефнут 152, 172, 173, 173
 Тиана 43, 46, 51
 Тии 56, 91, 91
 Тейе 8, 54, 54, 55, 56, 56, 58, 58, 59, 59,
 60, 61, 81, 83, 84, 84, 86—88, 88,
 90, 130, 133, 136, 137, 138, 139,
 163, 171, 177, 179
 Титус, Робб де Пейстера 71
 Тот 34, 40, 99, 146
 Троя 63
 Туйя 54, 54, 55, 56, 56, 57—59, 83, 84,
 138, 193
 Тулубри 79
 Туна эль-Гебель 14, 109
 Туринский музей 16
 Тутанхатон *см.* Тутанхамон
 Тутанхамон 6, 8, 9, 11, 13, 18, 19,
 37, 37, 52, 56, 57, 59, 61, 64, 69,
 77, 80, 82, 84—87, 96, 111, 125,
 132, 139, 154, 157, 167, 167, 175,
 180, 183, 184, 185, 186, 187, 187,
 188, 188, 189, 189, 190, 190, 191,
 191, 192, 192, 193, 194, 194, 195,
 196, 196, 197, 198, 198, 199, 199,
 204, 205
 Тутмос (помощник) 52
 Тутмос, скульптор 23, 24, 24, 26, 93,
 93, 131, 155, 163, 164, 165, 185,
 200, 207, 208—211
 Тутмос I 6, 31, 32, 34, 36, 38
 Тутмос II 33, 34,
 Тутмос III 33, 34, 38—39, 39, 40, 40,
 45—47, 49, 61, 70, 73, 113
 Тутмос IV 43, 43, 44, 46, 47, 47, 48,
 49, 49, 50, 50, 51, 54, 58, 65, 74,
 80, 81, 99, 161; соправление с
 Аменхотепом III 79
 Тутмос (царевич, старший сын
 Аменхотепа III) 61, 62
 Туту 139, 141, 142
 Тушратта 11, 60, 65, 87—90, 166
 Уайт, Лесли 9, 106
 Уилкинсон, Джон Гарднер 16, 17
 Улу Бурун 63
 урей 82, 100, 206, 207, 209—211
 Усерсатет 41

- ушебти, фигурки 52, 57, 61, 134, 137, 138, 177
- фаянс 20, 25, 26, 52, 59, 63, 72, 81, 91, 127, 149, 172, 173, 178, 179, 211
- Фарас 193
- Фест 63
- Федерн, Уолтер 183
- Фехт, Герхард 103
- Фивы 30, 31, 35, 38, 41, 41, 45, 45, 46, 48, 51, 52, 53—55, 58, 60, 66, 67, 68, 69—72, 74, 79, 79, 80, 82, 93, 94, 99, 100, 100, 105, 107, 108, 110, 113, 115, 117, 119, 121, 132—134, 139, 142, 143, 152, 160, 166, 170, 171, 172, 193; заупокойный храм Аменхотепа III 58, 66—68, 68; храм Анххеперура 170; *см. также* Дейр эль-Бахри, Луксор, Долина царей
- Фитцуильям, музей, Кембридж 110
- Флавий, Иосиф 92, 93
- Фонд изучения Египта (EEF) 22
- Франкфорт, Генри 26
- Фридрих Вильгельм IV 17
- Хапусенеб 34—35, 34, 38, 45
- Харрис, Энтони Чарльз 110
- Харрис, Джеймс Е. 59, 86
- Харрис, Джон Р. 61, 79, 173, 174, 177—179, 184, 185
- Харрисон Р.Г. 86, 196
- Хатнуб 16
- Хатти 63, 159, 179, 182
- Хаттуса 182, 183
- Хатхор 37, 57, 59
- Хатшенсуг 6, 28, 32—34, 32, 34, 35—39, 39, 40, 41, 44—48, 53, 60, 70, 103, 160, 179, 188
- Хазмахет 79, 79
- Хазмхет 52, 74
- Хельк, Ханс Вольфганг 55
- Хенуттанеб 61
- Хекаэрнехех 51
- Хекарешу 51
- Херихор 199
- Херуеф 74
- хетты 40, 44, 89, 182—185, 187, 192
- Хнум 34, 164
- Хонсу 37, 37, 99, 143, 152, 172
- Хори 50, 71
- Хорахте 101; *см. также* Ра-Хорахте
- Хоремахет 47, 47, 48
- Хоремхеб 6, 52, 94, 96, 189, 185, 190, 193, 197—199
- Хорнунг, Эрик 146
- Хор 40, 47, 54, 93, 152, 191
- храмы 15, 15, 20, 22, 27, 31, 32, 35, 35, 36, 37, 37, 45, 53, 58, 63, 66—71, 74-78, 80, 90, 93-95, 94, 95, 96-100, 103, 106, 107, 112, 118, 119, 121, 122, 124, 127—131, 138, 141, 146, 160, 161, 169—172, 188, 190, 192, 193, 198, 204, 208, 209
- Хуссейн, Фаузия 86, 87
- Хуя 16, 138, 169, 176, 179
- Хэй, Роберт 109
- Хэйан, эпоха, Япония 106
- Центр, франко-египетский, Карнак 95
- Чабб, Мэри 13
- шадуф (водоподъемное устройство) 30
- Шампольон, Жан Франсуа 16
- Шатия 58
- шебиу, ожерелье 49, 52, 75
- Шеврие, Анри 96, 96, 154, 172, 172
- Шейх Саид 22
- Шу 50, 100, 152, 165, 172, 173
- Шуттарна II 60
- Шувардата 159
- Эдинбургский музей (Национальный музей Шотландии) 18
- Эйеб, 9, 17, 18, 21, 56, 58, 89, 90, 91, 91, 117, 132, 138, 138, 139, 142, 147, 148, 184, 189, 192, 193—198, 198, 199, 199
- эль-Амарийя 13, 131
- эль-Амарна 9, 11, 12, 13—27, 14, 26, 49, 73, 79, 85, 88, 91, 91, 93, 98, 99, 102, 105, 107, 109, 116, 117—119, 121—126, 129, 129, 132—136, 138, 140, 142, 143, 146—149, 152, 154, 156, 158, 160, 161, 163, 164, 166—168, 174, 179, 181, 182, 182, 185, 187, 189, 197, 198, 201; Центральный город 27, 118, 124, 124, 126, 127, 127, 128, 130;

- Зал коронации 15; объекты в пустыне 132, Великий храм Атона 27, 114, 118, 128, 198, 209; Большой дворец 118, 127; Большой въезд 124, 125; Дом царя 20, 21, 27, 121, 127, 127, 128, 130; Мару-Атон 21, 132, 165, 176, 177; Северный город 124, 137; Северный дворец 121, 124, 135, 165, 177; Северный речной дворец 124, 125; Северная окраина 125, 126; Дом корреспонденции фараона 21, 27, 63; Царская дорога 15, 118, 124, 125, 127, 127, 128, 129, 143, 146, 152, 154; царская гробница (№ 26) 18, 18, 19, 25, 27, 116, 121, 121, 122, 132—134, 135; Малый храм Атона 15, 15, 27, 121, 127, 128, 130; Южная окраина 23, 23, 125, 130, 131; Окно явлений 17, 101, 105, 127, 127, 138, 152, 169; см. также пустынные алтари, каменная деревня, гробницы, деревня мастеров
- эль-Ашмунейн (ГермопольМагна) 26, 27, 129, 165, 201
- эль-Хагг Кандиль 13, 138
- эль-Хаким, халиф 87
- эль-Хауата 13
- эль-Хули, Али 27
- эль-Лишт 108
- эль-Шейх Ибада (Антинополь) 27
- эль-Тилль 10, 13
- электрум 70, 111, 111, 191
- Элефантина 66, 107, 119, 190, 192
- Эль-Каб 66
- Эсна 100
- Эхнатон 8, 11, 13, 16, 18—24, 26, 27, 29, 51, 52, 59, 62, 64, 66, 67, 73, 77—80, 79, 82, 83, 83, 84—87, 88, 89, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 103, 105—111, 111, 112—114, 114, 117—122, 127, 129, 130, 133—136, 137, 142, 145—148, 151, 153, 158, 163, 164, 189, 193, 199, 200, 201; предполагаемый гомосексуализм 173, 174, 174, 175, 175; так называемый «беспольный колосс» 171, 172; тело из KV55 83-86; смерть 180—182, 185; приверженность культу солнца 94; синдром Фрелиха 155, 167; инцест 167—168; юбилей 98—99, 102; отсутствие интереса к иноземной «империи» 119; синдром Марфана 153, 156, 156, 157, 181; патология 155, 164—65; преследование культа Амона 160, 161; физическая слабость 157; возможное покушение на его жизнь 108, 115; возможная слепота 157; религия 152; религиозный фанатик 92, 105, 204; революционные устремления 100; музыкальные способности 157; череп 86; солнечный культ 49, 70, 102; см. также соправление, эль-Амарна
- Юти, скульптор 163
- Япония 106
- Яхмес (писец) 138, 140
- Яхмес (царь) 6, 30—33
- Яхмес (царица) 34
- Яхмес-Нефертари 32
- Яххотеп 31